

16+

Александр Забусов

Славянин

Александр Забусов

Славянин

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Забусов А. В.

Славянин / А. В. Забусов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Действие книги происходит в наши дни и переносится в чужую реальность Руси 12-го века, где стольный город Киев всего лишь маленький заштатный городишко на границе Черниговского княжества. Книга повествует о приключениях шестидесятилетнего подполковника Лиходеева, волею переноса в прошлое помолодевшего более чем на сорок лет. На фоне славянской и византийской атрибутики, политики древних веков и интриг власть предержащих раскрываются образы действующих персонажей. Их много. Князья и волхвы, смерды и воины, славянская нежить и византийская нечисть, шпионы и контрразведчики. Книга переработана, из нее убраны имена политиков современной России, большая часть гоголевской чертовщины из первоначального варианта. Постоянное действие, погоня и попытки оторваться от преследователей не дают читателю заскучать, при этом каждая из книг несет смысловую нагрузку.

© Забусов А. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Книга 1. Естественный отбор

Одно дело, когда без твоего согласия тебя делают королем,
строят для тебя замок, объединяются в твое королевство,
а совсем другое, когда без твоего согласия решают идти
войной на соседнее государство и ставят тебя во главе армии.
«Как наколоть мир и освоить историю за пять дней».

Татьяна Устинова.

Предисловие

Конец лета, вот только природа нынче преподнесла возвращавшемуся из похода воинству испытание на родной земле. Небеса будто разверзлись и источали на поредевшие полки славян потоки воды, словно небо оплакивало погибших на чужой стороне. Серые тучи закрыли синеву неба считай от самой границы с Диким полем, северный ветер теребил верхушки деревьев бескрайних лесов, заставляя кутаться в плащи самых стойких к холодам воинов. По лесным летникам, часто выходявшим к берегам располневших от излишка воды рек, воинство утопая в грязи черноземов и песка, неспешно, в сопровождении телег с провиантом и захваченным хабаром, двигалось на северо-восток.

Ну и лето! Святослав, сын светлейшего князя Черниговского, возглавлявший поход на половецких бегов облюбовавших и закрепивших за собой степные пределы левобережья седого как мир Славуты, зябко поёжился, искоса бросая взгляд на старшую гридь.

Мужи статные, прошедшие не один поход под рукой князя, они и в бою и после сечи, и теперь, возвращаясь на родную сторону, выглядели молодцами. Как говорится, на службе зубы сточили, но при этом клыки отрасли. В сей год объединившись, пришли западные куманы пограбить земли русские. Основной налет степной саранчи пришелся на городки и веси княжества Волынско-Галицкого, как косой прошлись по равнинной ее территории, Черниговское княжество, можно сказать хвостом зацепили. Побайваются половцы князя Мстислава Черниговского, хоть и в летах тот, да власть в кулаке держит крепко, и государство его обширно, а бояре до войны охочи и умелы. По молодости он с дружиной почти не вылезали из седел. Мало того, князь службу послухов отстроил доселе невиданную, сродни ромейскому императору. Все обо всех знал, разве что вятичи с их зарем ему недоступны были. При всей своей мощи, нравом как был прост, таким и остался. Говорят, что к его сердцу мог достучаться любой смерд в княжестве. А тут, не смерд, сам Галицкий князь Любор помощи у соседа запросил при первых всполохах в хозяйствах смердов. Мол, помоги родич, сам степняков могу не сдюжить. Первый самостоятельный поход открыл глаза на многие аспекты жизни и деятельности правителя, ветром сечи сдул с них розовую пелену юношеских чаяний и домыслов. «Остерегайся человека с орлиным носом – он ищет, чем поживиться» – кажется так говорят жители далекой страны, обитающие за непроходимыми лесами и высокими горами, в той стороне, откуда златокудрый Хорс несется по небу на своей колеснице. И ведь верно подмечено!

Склонность княжича к власти проявляется во всем, а володеть землей предков он хотел всегда, сколь помнил себя. При всем при том, он сибарит и идеалист, искренний и решительный. Для него еще не пришел тот час, который похитит искренность умудренного жизнью правителя. Многим он походит на своего отца, не боится услышать суждения людей в свой адрес, и помнит того, кто высказался о нем.

На молодом лице Святослава промелькнула кривая ухмылка, потеки дождя извратили ее до хищного оскала. Княжич понукая лошадь, выбрался на подъем кручи, на которую вел летник и если бы не ливень, без сомнения мог бы полюбоваться на открывшуюся панораму природных красот. Но не судьба. Серость дня и дождь смывал впечатление. Настроение пакостное, мысли вновь вернулись к Любору Галицкому.

А ведь и верно, что родич! Как же! Еще две сотни лет в его нынешнюю вотчину, тогдашний Черниговский князь на княжий стол одного из сыновей править галичанами посадил. Земля-то русской всегда была, да и осталась поныне, вот только галатами заселена, кельтским племенем. Те в свое время пробрались на нее с запада, просочились через Карпатские перевалы. Племена славян испокон веков давали пристанище сирым и убогим, если те не с мечом к ним шли, земли то много. Пустили, на свою голову! Галаты мирно оседали на выделенных участках, гадукой проползли, сколь смогли, даже название этой земле дали – Галичина. Да и вообще, галлы умудрились распространиться буквально по всей Европе, где копьем и мечом действовали, а где как вот на Руси – по доброте душевной бывших хозяев закрепились. Они по слухам не только пытались захватить Рим, где их остановили гуси, но добрались даже до северного Причерноморья и Малой Азии. Галичина совершенно естественным образом попала в поле зрения их интересов. Несколько позже в Прикарпатье пришли даки. Смешение крови ни к чему хорошему для славян не привело. Иными словами, одни смерды, более многочисленные, растворили в себе других, живших в Приднестровье до них. Поколения, возникшие в результате их смешения, говорили уже по-славянски. Но многие слова в общем для всех языке, одежда, обычаи, верования, даже танцы, ничем не схожие с хороводами вятичей, кривичей, северян, и иных русских племен, свидетельствовали о многом. Вот по всему и получалось, что кроме княжеского рода, Волынско-Галицкое княжество населяли чужаки. Да и нынешние князья там, так разбодяжили кровь, что срамно называть их своими родичами. Своеобразный акцент, с которым любой галичанин коверкает русскую речь, с души воротит молодого княжича. Намного раньше, чем осевшие племена чужаков попали под высокую руку княжеской Руси, а в частности Черниговским князьям, подчинившим так называемые червенские города, они уже долгое время платили дань польским Пястам, сидевшим в своем стольном Гнезно. Дедам Святослава пришлось судя по всему, мечом доказывать принадлежность земли пределам Руси, но и описание событий после всех перипетий во всех договорных бумагах, не допускает двусмысленных толкований. Как там сказано?..

Память без промедления подсунула в молодой мозг вождя дружины заученный еще в детстве отрывок из текста. ...«В лето 6489 иде княже Халег Черниговский к Ляхом и зая грады их Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне под Русью». Тогда прапрадед захватил именно ляшские города. Не вернул свое, а забрал чужое, хоть и свое. Русь снова пришла на свою землю...

С головы походной колонны послышались возгласы. До ушей княжича в шуме дождя долетали урывки словесной перепалки подъехавших со стороны всадников с гриднями.

– Богдан, – обернувшись к стремени, распорядился молодой военачальник, – узнай, кого там нелегкая в такой час принесла?

– Счас сделаю, княже!

На лицо Святослава напозла гримаса нетерпеливого ожидания. Воин в преклонных летах, несмотря на дождь в полном боевом облачении, приблизил коня к Святославу, становясь стремя в стремя с ним, спросил:

– Кого-то ожидаешь, княже?

– Наворопников я по делу посылал, дядька Ратибор. Вот наверное возвратились, а гридь по обыкновению норы показать горазда. Они даже в походе свое место подле князя указать готовы!

Ратибор, пестун княжича с юных лет, учитель, друг и наставник. Бойцом молодого вождя вылепил именно Ратибор. У Святослава это первый самостоятельный поход, случись что, пестуну перед князем за сына ответ держать. Вой тихо хохотнул, расправляя дланью вислые под дождем усы варяжского образца, проронил отповедь:

– Так ведь завсегда у княжего стола обретаются.

– Вот то-то и оно.

Между тем натешив свое самолюбие, гридь вставшая рядом с летником, провожая взглядами тащившиеся по распутице полки и телеги с грузом, пропустила к княжичу тройку легкооружных конников в запахнутых плащах. Старший из прибывших, молодой воин, на узком лице которого, помимо бороды и усов, выделялись небольшие близко посаженные глаза, холодные, «жесткие буравчики», первым поприветствовал княжича. Ратибор наворопника знал, просчитал его. Тот по жизни относился к своим обязанностям, как к рутинной работе, которую мог исполнять не каждый вой в дружине. Такой не станет сетовать и «заливаться слезами» при виде страданий и унижений любого встреченного на воинской стезе, будь он свой или людин чужого племени. Радость или отчаяние вряд ли проявится прилюдно, дело прежде всего. Сам Святослав приметил десятника Злобу только в походе, до этого не замечал безродного воя, места коему не нашлось среди гриди. Вороп его стихия, его потолок в миропорядке жизненного цикла. Такого приблизь, возведи в боярское сословие, и он словно дворовой пес, кормящийся с руки, будет верен тебе до той поры, пока не ступит на шаткую твердь Калинова Моста.

Княжич сделал зарубку в памяти, по возвращении в Чернигов, подумать над пришедшей на ум мысли. Святослав вздернул подбородок, озвучив односложный вопрос:

–Что?

Десятник привстал на стременах, будто хотел таким образом в приветствии выразить свое почтение вождю. Верхнее веко на глазах слегка приспущено, негромко отвечив:

– Виделся с ним. Княже, он будет ждать тебя в пограничном погосте.

–Каком? Их по пути три.

–В Киеве.

–Это..?

–Отсель сорок верст будет. Каменная твердыня на кручах Днепра.

Удовлетворенно кивнув, молодой вождь распорядился:

–Добро! Проводишь.

Отвернувшись к удивленному происходящим разговором дядьке, промолвил с интонацией не терпящей каких либо пояснений:

–Ратибор, я отлучусь от войска, мы уж считай по своей земле идем. Скачи вперед, пусть воевода ведет дружину по оговоренному пути. Пять десятков гридней меня проводят до Киева, нагоню вас у Чернигова.

Озабоченность и «стеклянный взгляд» на лице, выдал волнение дядьки, нежелание расставаться с подопечным.

–Княже, я...

–Оставь сомнение, старинушка. Я давно уже вырос, если ты до сих пор не понял этого. Поезжай с войском, старый друже. В моем предприятии риска нет.

В шуме дождя и движении воинства, мало кто заметил, как на одной из развилок лесной дороги пять десятков отборных бойцов, отделились от основной дружины и словно растаяли в мареве потоков воды, тяжелыми каплями падающей с небес...

Растаявшая в предутренних сумерках южная ночь, уносила с собой остатки света от погасших звезд. Из-за темной полосы леса Хорс поднимался на своей колеснице по небосводу, заставив розоветь верхушки деревьев. Стена тумана от недавней влаги и тепла земли придавала Яви сказочность восприятия мира. Приближалось утро. Как только отряд Святослава свернул на лесной летник, природа изменила свой ход, как по мановению волшебства дождь прекратился, предоставив воям возможность ночной порой двигаться к Киевскому погосту. Злоба уверенно вел отряд по песчаной ленте летней дороги. Редко попадавшиеся на пути деревеньки смердов спали крепким сном, после дневных крестьянских трудов, и только брех дворовых псин, да топот лошадиных копыт в темноте, будоражили округу. Где ни где, разбуженный петух, спросонья подавал голос, решив, что прогавил наступление нового дня, и тогда его собраты подхватывали призыв, певуче переключаясь с разных концов веси, но осознав ошибку

собрата, умолкали. В паре боярских усадеб, сторожа заслышав движение конной массы, проходившей мимо, зажигала факелы над крепостными заборами. Вдруг набег степняков случился? Пограничье – здесь могло произойти всякое!

Святослав без устали скакал во главе гриди. Торопился. Уже дважды воины пересаживались на заводных лошадей. Когда повеяло речным духом, а ровная, но извилистая твердь дороги сменилась «качелями» косогоров, заставляя понукать лошадей следовать то вверх, то вниз, княжич понял, что его цель близка. Вымотались все. Сорок верст ночью, не шутка, а испытание не для слабых. Куда он так торопится? Знал только он, да еще десятник воропа.

Из леса на простор полей при утренней заре выбрались и тот час же перед их взором на высоком холме появилась крепость сложенная из белесого камня. Киев. Нет, не мать городов русских. В этой реальности, городишко, даже не средней руки. Пограничный погост княжества Черниговского. Но чувствуется мощь! Такое укрепление сразу так просто не возьмешь на щит, попотеть кочевникам, да и жадным соседям придется. Внизу несет свои воды полноводный Славута. У крепостных стен к твердыне посадки, лепятся хатками и садками. Вон, видать погостный торг, по ранней поре пустующий. Чуть время пройдет, и все оживет людским гомоном, а на реке появятся рыбацьи лодки и купеческие струги. Оно конечно, глубокая провинция, но везде люди живут. Матушка Русь велика.

Перед крепкими, мореного дуба воротами, кавалькада встала походным строем. Полусотник гриди Рылей, окликнул сторожу:

–Отчиняй ворота, сонные тетери!

Сверху стены, у воротных створ, послышалось шевеление и лязг железа. Не признали «кормильца».

–Кого там леший к порогу привел? – послышался недовольный голос.

–Открывай! Вишь, княжич из похода ворочается, решил к вам заглянуть, свое имение проведать. Отпирай живей!

Видно, что признали. Забегали внутри крепости. Вскоре под шум механизмов распахнулись ворота. Утро вступило в свои права. Пришпорив лошадей, кавалькада промчалась внутрь городка, по отсыпанной неровным щебнем дороге потянулась к теремным строениям наместника князя в погосте. Погост окончательно проснулся...

Боярин Ждан принимал в покоях детинца сына своего соверена. Отоспавшийся после ночной скачки Святослав с аппетитом уплетал предложенное угощение, запивая все съестное духовитым сбитнем. К хмельному меду он был пока что равнодушен. Наместник в свою очередь приложившись к хмельному питию, неспешно докладывал юноше о положении дел в погосте, о трудностях пограничной службы. Святослав казалось, слушал вполуха, кивал, чувствовалось думал о чем-то своем.

–...Приходят малыми кошами, в основном молодежь. Лихость свою показать норовят. Сельцо какое пограбят и снова в степь с хабаром, захваченным скотом и полоном норовят убежать. На реках тож озоруют, хитрость проявляют. Подгонят к ладейной стоянке десятка три лошадок, вроде бы табун дикий к воде устремился. Купцы думая, что одичавшая животиныча ничейна и может послужить легким прибытком в мошну, радуясь легкой добычей, кидаются их ловить. Поодиночку людей славянских куманы на аркан и берут, лодьи разграбив сжигают. Приходится догонять, отбивать купцов, смердов и пограбленное добро. Ежели за реку успеют удрать, то можем и не угнаться. Большая орда давно не приходила. Мыслью, сия мелочь не просто так к нам, словно пчелы на мед слетается. Дороги метит, селища и веси запоминает. Степняки, коих живыми поймали, все как один к орде хана Багубарса принадлежность имеют.

–Ну да, может и так. А дозоры в саму степь слать не пытался?

–Посылаю. А как же? У меня на все про все, две сотни стражи имеется. Так, полусотня территорию дозором каждую седмицу объезд творит. А еще тайные разъезды у весей обретаются. Но тех мало. По десять воев в разъезд посылаю. Смердов не пошлешь ведь? Они хле-

бушек растут, скотину держат. В общем, сам знаешь княже, их варна в другом на сей земле. Не воины.

–Знаю.

–Ты лучше поведай, княже. Как сам в поход сходил?

–Как сходил? – Святослав смежил брови, пасмурнясь лицом. – Как сходил! Половцев мы побили и на полонинах, а потом и в степи. Хабар взяли не малый. Своих из рабства освободили, кого нашли.

–Чего ж не весел?

–А чему радоваться?

–Так ведь победа!

–Угу! Победа. А то, что в самый трудный час, тот, кто нас о помощи попросил, нас же тайно и бросил на растерзание степнякам. Это как? Добре? А то, что галичане свои города для нас на запоры заперли, оставив черниговские дружины в поле против орды щит держать. Победа?

Разволновался, даже глаза потемнели. Ждан подметил. Не выюнош перед ним, готовый правитель земли. Расчетливый и твердый. Способный наказать при случае или наградить. Но любопытство выиграло, прогнав опаску. Спросил:

–Как так?

–Вот и мне хотелось бы знать. Только пришлось войско на ходу перестроить под ситуацию, да нам с воеводой немалую хитрость проявить, чтоб выжить и победить, а потом еще и в степь людокрадов отогнать. Видать боги в нашу сторону глядели, своих внуков в обиду не дали, помогли сдюзить врагов. А победа нам малой кровью не далась. Ты ведь знаешь, кровь славян не водица. Воспитать доброго воя, в седло поднять, на то время потребно. Кто за нашу победу такую заплатит? Галицкий князь Любор? Так он в горы ушел. Хотел я его смердов зорить, но рука не поднялась. Кто они? Простые пастухи да землепашцы. С них взятки гладки. А нас не любят. Хоть и смерд, а на тебя смотрит коровьим взором и молчит, а за душой камень прячет. Не нужно было отцу помощь Любору посылать, стали бы дружиной у своих границ и смотрели, как по Галиции степь гуляет. – Перекривил кого-то отсутствующего в светлице, скорей всего Светлейшего князя, своего отца. – Так ведь родичу помочь, священный долг!

В светлицу вошел гридень. Поклонившись, обратился к княжичу:

–Княже, от ворот посыл прибежал. Кажэ, дозор вернулся с вестью, в русло Почайны лодья вошла, Велеслав сопровождаемый своей свитой пожаловал...

Святослав нервно вскочил с места, распорядился:

–На причал встанет, сюда проводи его, давно жду.

Обернувшись к боярину, велел:

–Ты иди, Ждан. Своими делами займись, недосуг мне разговор с тобой весть. Волоха встретить, вежество свое окажи. Своей боярыне наказ дай по хозяйству. Гость в твой дом едет.

Подойдя к открытому по летней поре окну, стал ожидать прибытие на двор волхва, с кем назначил встречу. Вечерняя заря расплескала отсветы красного цвета по небосклону...

Волхв Велеслав представлял собой кряжистого старика, больше чем в преклонном возрасте, но еще крепкого, своей статью похожего на бога, коему всю свою жизнь нес хвалу. Велес Корович у славян имел много ипостасей, одна из которых – медведь. Вот на старого, умудренного жизнью, убеленного гривой седых волос на голове, с окладистой бородой и усами, лесного властелина, Велеслав и похож. Пронзительные глаза его, кажется, могут заглянуть в душу любому смертному. А и правда, ведь он средь своего сословия, один из немногих. Он вещий. Тайны бытия для него, как открытая книга.

Оставшись наедине с молодым вождем, сидя в удобном кресле, неторопливо изучал будущего володителя земель Черниговских. Сидел весь в сером одеянии. На лице у глаз скопились морщинки. Добрый дедушка! Хэ-хэ! Это если не знать суть человека. Во все времена на Руси

волхвов уважали, недруги боялись и ненавидели. Все потому, что случись война, вот такие добрые дедушки могли нанести значительный урон противнику. Наслать мор, погубить урожай в государстве напавших, вызвать бурю, каковая размечет вражий строй. Могли и наоборот, остановить вызванный чужим рахманом буран.

Человек убивший волхва, сразу должен захватить с собой и лопату при этом, чтоб успеть отрыть себе могилу. На место убиенного служителя культа, в строй вступал его дух, который был гораздо опаснее живого оппонента. С живым всяко поговорить можно, а с духом-мстителем – никогда. Бесполезно! Обидчик нес кару, к каким бы ухищрениям выжить не прибегал осужденный. В сложившейся ситуации не могли помочь ни стрелы с серебряными наконечниками, ни осиновый кол, воткнутый в тело погибшего кудесника. Победить волхва, мог только волхв. Ко всему уже известному, можно было бы добавить еще изюминку на верхушку праздничного пирога для самоубийцы замахнувшегося на славянского волшебника, дух убитого не удовлетворялся смертью своего победителя, и носясь по просторам Руси, ее лесным пределам, действуя за ее кордонами, планомерно уничтожал весь его род. Каково?!

Молодой княжич не боялся волхва. Не то воспитание. Но чувство уважения, может в какой-то степени преклонения перед старостью и знаниями, заставляла быть его не в своей тарелке.

–Что скажешь, витязь? Зачем позвал?

Зачем? Святослава прорвало, речи полились из него как из рога изобилия. Здесь присутствовала и обида и ненависть, желание отомстить Галицкому князю, перед встречей с отцом, возможность узнать у вещаго, как поступить. Он рассказал все, с его точки зрения, о неудавшемся походе. Спросил совет. Не пора ли земли Галичины присовокупить к княжеству Черниговскому?

Велеслав в раздумье молчал. Молодой вождь спохватившись, выхватил из ножен малый кинжал, коим обычно пользовался за столом принимая пищу. Отхватил ним добрую прядь густых волос со своей головы и положил на стол перед стариком.

–Вот, прими подношение скотье́му богу!

Из складок одежды Велеслав вынул небольшой мешочек из холстины, аккуратно уложил в него волосы княжича. Скорее рисуясь, чем на самом деле, по стариковски пошамкал ртом. Вновь ушел в раздумья, отстранившись от собеседника. Молодой вой ждал. Наконец жрец разлепил уста, вымолвил:

–Слушай мой сказ тебе, княже. Запомни его, но поступай как сам решишь, а там все в руках богов наших, сможешь ли с ними договориться... Длинной жизнь твоя будет. По какой дороге пойдешь, лишь от тебя самого зависеть будет. В отношении Любора Галицкого, так скажу. Убитый молчит, слова сказать уже не сможет, но за него спросится. Отвернись от Галича, оставь его Пястам. Оба племени ненавидят Русь, но грызть друг дружку будут, потому как разные они. Ко всему, галаты проклятый народ, нет ему покою на все времена, завсегда под чужой пятой им бысть. Вот под кого лягут, то государство и правитель его, обязательно рассыпаться начнет. Оно тебе надо, чужую варну на себя примерять?

–Избави нас от такого боги!

–Вот и я так мыслю. Далее. Я скажу, но знай, со мной не всякий согласен. Велика Русь, но подроблена на мелкие уделы. Светлые князья, все как один мнят себя государями. Ни боярам, ни смердам от того проку нет. Вот и подумай, не оборотить ли молодому льву, свой взор на полночь и восход? Стол Великого князя пустует. Может, он для тебя в самый раз придется?

–Т-ты...

–Я же сказал, что так я мыслю! Только на пути сём помимо князей и бояр, препоны будут. Византийская церковь, спит и видит, как на Русь пробраться, сначала оуклится, ну а потом расправив плечи, в рабов людин вольных превратить. Но они не сами по себе смогут это сделать, опору в таких как ты попытаются найти. Пройдешь ли сие испытание? Рабами правителю

повелевать не сложно, у них прав мало, одни обязанности. Если станешь на другую сторону, иноземцы сделают все, чтоб наши боги не могли возвращаться в эту Явь. Наложат проклятие на все божественное, и привет! Дружба, любовь, все побоку, словно и не было сего на этой земле. Наши люди ведь испытывая сии чувства, притягивают из-за Кромки души погибших богов, жаждущие новых воплощений. Церковники Византии разрешили пастве только «возлюбить» своего врага.

—Да как же можно!...

—Не перебивай! Так вот, если не сдюжишь, споткнешься, предрекаю, объявится тот, кто остановит твои чаяния и деяния в этом мире. Станешь ты просто землей, поросшей бурьяном, и память о тебе не сохранится, как не сохранится через сотни лет память обо всем твоим потомстве. Помни об этом.

Святослав зачарованный, стоял перед окном в темной комнате. С ночного небосвода в оконный проем светила полная луна в окружении ярких созвездий. Теплая, безветренная, летняя ночь давала время побыть княжичу в одиночестве, осмыслить сказанное вещим волхвом, выбрать дорогу по которой стоит идти...

-I-

И еще неизвестно, где трудней:

На войне быть или после войны жить.

«Как поживаешь, шурави?»

Виталий Кривенко.

Поздний вечер. Тихая, безветренная погода. Загородный дом в сумерках утопает в дикой поросли деревьев и кустов.

Внешнюю охрану прошел без проблем. Уже в процессе работы отметил, что у хозяина гости, но идти на попятную посчитал невозможным. В дом просочился через окно второго этажа, там, где видеокамера не захватывает ракурс объекта, а уделяет внимание подходам к летней веранде. Мысленно поблагодарил бывшего наставника. Старый доходчиво объяснил схему строения и просчитал все нюансы возможных ловушек и препятствий. Миновал широкий коридор, отметив расслабленность личной охраны, расположившейся в одной из комнат первого этажа. Естественно, чего напрягаться, когда за стенами территорию пасут. Обстановка в доме роскошная, широкий коридор, на высоком потолке бронзовые люстры с приглушенным светом в них, даже паркет натерт до зеркального блеска, тяжелые шторы почти полностью прикрывают полуovalные окна. Видимо современные Иуды на много порядков перекрыли ставку оплаты в тридцать серебрянников.

Подобрался к заветной двери кабинета. Прислушался. Тишина. Слышен едва различимый гомон «лички». Ну правильно, стены толстые, а дверь как на сейфах, только ручка золоченая. Большим пальцем правой руки опустил флажок предохранителя на пистолете, левой потянул дверь на себя. Ни скрипа, ни звука. Потянуло сквознячком, через щель определил количество душ в помещении. Говорили на повышенных тонах, на русском языке. Хм! Не иностранцы. Гости это не охрана, их жалеть не нужно, небось такие же сволочи как и кровник, ну а если и нет, одним грехом больше, одним меньше, теперь уже все равно.

Глубокий вдох, на выдохе рывок с захлопыванием двери за собой. Стоявший у окна молодой мужчина в стильном костюме, оказался резким на действия. Пуля в лоб пресекла его попытку воспользоваться оружием из подмышечной кобуры. Глушитель накрученный на ствол преобразовал звук выстрела в негромкий шлепок. П-пуф! Полоборота вправо. Выстрел. П-пуф! Сидевший в кресле седобородый толстяк поник на край столешницы. Сам фигурант в ступоре выпучив глаза, хватая ртом воздух, словно загипнотезированный смотрел в лицо Лиходееву.

В молчании приблизился к столу зеленого сукна, столкнув седого на пол, уселся в кресло на его место, при этом направляя ствол на напряженную фигуру пока еще живого и здорового визави. Хотелось не просто пристрелить негодяя, а перед смертью напугать до колик.

–Ну здравствуй, полковник. Долго же я ждал, когда ты соизволишь приехать в страну.

–А-а м-му-у...

–Мразь! – Лиходеев поднявшись на ноги, чуть наклонившись навис над Грабовским. – Помнишь весну девяносто пятого? Как сдал чертям группу разведки, помнишь? Времени мало, повезло тебе. Молись, может на том свете зачтется!

Ствол ткнулся в лоб.

–Стой! – Опомнился американец. – Если отпустишь, отдам группу террористов в Москве. Серые волки, двадцать человек. Турки, азербайджанцы. Цели, задачи, связи. Подумай! Людей спасешь, а я уеду и больше мы не увидимся.

Лиходеев смотрел на трясущегося предателя. Отодвинул ствол ото лба. Хмыкнул.

–Пургу гонишь.

–Папка с документами в сейфе, – мотнул головой в сторону рамы с полотном картины. – Ну! Договорились? В сейфе деньги, можешь забрать. Хороший обмен.

–Ключ где?

–Здесь, в столе.

Рука Грабовского потянулась к ящику стола.

–Договорились.

П-пуф! Шлепок выстрела прекратил дальнейшую полемику. В ящике стола действительно оказалась связка из четырех ключей, тонкая стопка текстованных листов бумаги и пистолет снятый с предохранителя и стоявший на боевом взводе. Хитрый сволоочь, а как пел!

Примерившись, снял картину, подобрал ключ. Дверца металлической коробки, встро-енной в стену, после двух щелчков замка, открылась и тут же из нутра хранилища мигнула вспышка, заставив налетчика зажмуриться и отскочить в сторону. Ни взрыва, ни сирены не последовало. Продышавшись, снова подошел к сейфу. Стопки денег – рублей и долларов. Бумаги в пластиковых папках, вместе с пачкой пятидесятирублевых купюр сунул за пазуху, коробочку с флешкартами, диски, распахнул по карманам. Теперь линять и желательно тихо. Дело сделано. Поставлена точка в долгом ожидании и сжигании нервов.

Эта история началась в далеком девяносто пятом году. Из того боевого выхода вернулся только он. Группа задачу выполнила, но из-за предательства в верхах, как боевая единица свое существование прекратила. Зеленые фантики с портретами амеровских президентов очень сильно подогрели руки предателя. Пока проводилось лечение в госпиталях, прояснение ситуации, доказуха и прочая байда, полковник успел уволиться и переехать на ПМЖ за кордон. Никак не достать. Такие они были проклятые для страны девяностые годы. Дальше была служба, снова война и снова служба.

Серое небо, сплошь подернутое тучами, вот-вот готово было пролить на землю потоки дождя. Он кожей почувствовал их присутствие, причем всех сразу. Сколько лет они приходили к нему в ночных сновидениях. Иногда по двое, но как правило по одиночке. Приходили чтобы помолчать, тревожа его лишь взглядами, иной раз улыбаясь, изредка оценивая кто он теперь. Кончалось все всегда по одному сценарию, просыпался в холодном поту, от безысходности сцепив зубы капканом. Что он мог сделать?

Первый раз сон превращался в реальность. Все шестеро парней, погибших еще в первую чеченскую компанию, стояли перед ним в форменной одежде, разгрузках, но без оружия. Серый, Костя Маленький, Кит, Емеля, Фима и Старый. Фамилии стали забываться, а по позывным он узнал бы их и через тысячу лет. Слегка нависнув над ним, заговорил Старый, именно он умудренный опытом и прошедший и Крым и Рим, учил молодняк искусству боя и выживания:

–Однако, подзадержались мы, Лихой. Пора, как говорится и честь знать. Теперь твоя очередь потрудиться. Кровник наш в Москве.

–Что, даже адрес известен? – скривил он гримасу.

–Конечно. Неужели ты подумал, что все мы явились к тебе порожняком? Запоминай...

Он проснулся. Простыня мокрая хоть выжми. Тело липкое от пота. В мозгу отпечатались адрес, схема дома и даже структура охраны. Спят ли он, что-ли? Или по ту сторону что-то все же есть?..

Подполковник Лиходеев не стал тогда сломя голову нестись к определившемуся объекту. Взяв на службе отгулы, прогулялся на адрес. Поснимал на мобильник окрестности, определился с маршрутом внешней охраны особняка, находившегося в пригородах Москвы. Пришлось кое-кому дать на лапу, чтоб получить проект домостроения. Если бы работал группой, обнулить полковника плевое дело. Только он одиночка, решивший взять на гоп-стоп, если соответствующие действия перевести на воровской жаргон, пенаты бизнесмена и гражданина США, Влада Грабовски. Так теперь прозывался Владислав Богданович Грабовский, бывший полковник ВС РФ, бывший гражданин России.

Теперь счет оплачен и дело сдано в архив своей памяти.

...Утро начинается, на-чина-ется! Через сорок минут после построения, дежурный по части объявил по селекторной связи:

–Подполковнику Лиходееву, срочно прибыть в кабинет командира части!

Уже следуя по коридору и ловя на себе любопытные взгляды сослуживцев, услышал в фойе прямолинейный вопрос майора Горбыля.

–Егор, чего это от тебя барину потребовалось?

–Сам в непонятках, Саня. Сейчас узнаю.

–А, чего там знать, полковник всегда найдет причину, за что выдрать.

–Это точно.

Постучав в дверь с табличкой на ней: «Командир части, полковник Василенков А. В. Прием по личным вопросам, каждый четверг», вошел в кабинет.

–Разрешите? Товарищ пол...

–Заходи, Егор Викторович, вижу, что прибыл. Присаживайся.

Отодвинув стул, Лиходеев уселся сбоку огромного, под стать хозяину кабинета, стола в форме буквы «Т». Внешне ничем не проявляя любопытства по причине вызова «на ковер», откинувшись на спинку стула, уставился в глаза начальству. Зачем раньше времени кибишь поднимать? Вызвал, сам причину озвучит.

–Что, подполковник, прикидываешь, зачем позвал?

–Прикидываю, чего греха таить.

–Егор Викторович, накрывай поляну, есть повод.

–Это какой же? – уже догадываясь что услышит, Лиходеев скривил рот в ухмылке.

–Приказ на тебя по секретке пришел. Оказывается ты у нас еще с пятницы в запас уволен, с оставлением всех льгот и с правом ношения военной формы. Поздравляю!

Проводя аналогию увольнения из Вооруженных Сил, перед глазами встает детское воспоминание амнистии осужденных из мест заключения и выход шестидесяти тысяч амнистированных зеков на просторы нашей Родины, тогда еще Союза Социалистических Республик. Тысячам людей, вновь обретшим все гражданские права и свободы, прежнее правительство определило место проживания – Донбасс. Наверное, попав под амнистию, не отсидевшие свой полный срок «ЗэКа», вождеденно восприняли предоставленную амнистию! Примерно так же на сей день увольнение восприняли и представители воинского сословия, тем более что и компактные места расселения схожи, если брать в расчет ту же Московскую область – микрорайоны в Балашихе, Подольске и иже с ними.

Эйфория получения нового жилья проходит быстро, места расселения-то с подвохом, инфраструктура отсутствует почти напрочь, работы нет и в помине, тут и ранее проживающим аборигенам бы работу найти или сохранить, а на горизонте объявился «левый» контингент, мечтающий как-то устроиться в гражданской жизни. Контингент в большинстве своем не местный, приехавший со всех концов обширных территорий страны, мало того притащивший за собой семьи. Военный люд привык ко многому, его не испугаешь бытовыми проблемами. Тем более формула: «Кто хочет работать, работу найдет», она актуальна для всех. Дальше идут поиски работы, а идут они по многим направлениям. Где-то родня подсуетится – пристроит. Кого-то друзья-товарищи к делу подтянут. Малому числу просто удача улыбнется. В жизни всякое бывает! Иные, наплевав на прежний статус – закорятся в торговой палатке, на одном из сотен рынков Москвы и области. О самом плохом, вообще промолчать можно. В общем, народ в поиске, народ выживает. Денежные накопления они не вечны, и имеют свойство растворяться, тем более, что на новом месте и начинаешь с нуля. Вот такой праздник на горизонте вырисовывается! С чем поздравлять? Впору соболеznовать!

Лиходеев, как ни старался, не смог без сарказма поблагодарить командира.

– Не переживай так, Егор. Все там будем, кто раньше, кто позже. Дембеля, как и костлявой, не миновать никому.

– Ну, разве что. Командир, я из своих пару человек заберу? Вечером после работы всех жду на праздничный шашлык по поводу отвалной. Объявишь?

– Добро. Ты там сильно не заморачивайся.

– А это уже мне решать.

Лесная поляна в ста метрах от забора части, давно стала местом летних посиделок. Здесь отмечались дни рождений, масса других официальных и не совсем, праздников, вливание в коллектив и выплеск из списков части. Широкий и длинный деревянный стол укрылся за высоким плетнем, сплетенным из гибких ветвей орешника. Сегодня он ломился от обилия зелени и овощей. Бутылки водки и минеральной воды батареей стояли по центру. С мангала сняли первую партию шашлыков. По традиции слово взял командир.

Держа пластиковый стаканчик перед собой, Василенков горой навис над столом и подчиненными, рассеянными на лавках по бокам «поляны». Грустным оком окинув «именинника», произнес:

– Уходит старая гвардия! Все меньше и меньше остается в армейских рядах нас, тех, кто начинал службу в «непобедимой и легендарной». Вот и твое время пришло, Егор. С одной стороны жалко, а с другой... – Василенко на миг запнулся. – Хватит тебе подпол под пулями ходить, при каждой ошибке политиков, судьбу испытывать. Новую жизнь пора строить. Верю, найдешь себя на гражданке, не пропадешь, не сопьешься, не скурвишься. Потому как крепкий корень в тебе есть, и характер, как клинок булатный. Согнуться может, но не сломать его, а чуть отпустил, он снова прямой и готовый к бою. Пью за тебя, Егор!

После третьей рюмки вечер пошел по накатанной колее. Друзья и сослуживцы благодарили за совместную службу, за науку, некоторые за то, что имеют возможность топтать землю ногами, а не лежать в ней. Вспомнили первого командира части, погибшего еще в первом чеченском конфликте. Вспомнили дембелей, Семибратова и Монзырева, в свое время оставивших неизгладимый след в жизни части. Помянули погибших товарищей.

Лиходеева на УАЗе доставили домой никакосового. Прощаясь с прежней жизнью, он алкоголем залил печаль по ней. Открыв квартиру, «пьяные дрова» сгрузили на разобранный диван и прикрыв дверь, тихо расползлись по семьям.

Дав организму прийти в норму, лишь через сутки явился за документами. В коридоре штаба нарвался на Горбыля.

– Как освободишься, зайди ко мне.

– Добро.

Сашка встретил Лиходеева задумчивым взглядом. Тому даже показалось, что мнется Горбыль по-особенному. Такое поведение приятеля никак не вяжется с его характером, сразу видно не знает, с чего начать разговор.

Егор подтолкнул собеседника:

–Зачем звал?

–Николаич звонил. Монзырев.

–И, что?

–Ты в интернет заходишь хоть иногда?

–Иногда. – ответил приятелю в тон.

–Так вот, на этой неделе там один приколу пользуется колоссальным успехом. Фото кинг-конга с гримасой зажмурившегося идиота и сопроводительная записка при нем. Мол так и так, вломился в дом пиндоса, ограбил, и мизансцену украсил тремя трупаками. Отпечатков пальцев, надо отдать должное, не оставил.

–В перчатках работал, значит?

Не обратив внимания на вопрос с подковыркой, подитожил:

–И на том спасибо. Как же ты так подставился?

–А, и хрен с ним! Теперь не на службе, выговорешник разве что на спину повесят, на часть собак фиг спустят, если найдут.

–Все шутишь? Да только есть одна проблема.

–Какая?

–Приходит сегодня по утрам к Монзыреву начальник полиции, кладет на стол перед ним распечатку фото с твоим фэйсом. Только ни с тем, что в интернете, а пропущенным через компьютер. Знаешь, довольно похожим. «Анатолий Николаевич, вы ведь военный в прошлом, – говорит. – Может знакомы с этим человеком?». Ну, посмотрел Николаич. Сказал, что фигурант ему неизвестен. Спросил, в свою очередь, с чего это мент считает человека на фотографиях военным? Тот в ответ: «Видно, – говорит, – что подготовка специфическая. Урка действовал бы по другому. Этот уходя, в сейф гранату на вскрытие поставил».

–Наверное подумал, может снимок уничтожится.

–Во-во. Значит говорит, либо действующий, либо уволенный в запас военный. Разбирается с-сука. Крученный! Монзырев не стал выяснять, откуда ветер дует, мента на примету поставил, не любит он у себя под боком таких ретивых служителей закона, способных предать, да еще и нож шефу в спину сунуть. Позвонил своему человеку в правительство Московской области и выяснил, что за кипеш такой.

–Ну, и...

–Один из убиенных, дитячко богатенького Буратина, накопившего жирок капитала на посреднической деятельности в период кавказских войн, игре на бирже и естественно участвуя в аферах. Еще в начале двухтысячных чекисты вели этого деятеля, имея информацию, что через его руки шли финансовые потоки из Саудовской Аравии, но доказательная база хромала, потом политика в стране поменялась, и он из афериста и шпиона перешел в категорию бизнесменов. Сейчас этот добропорядочный отец семейства рвет и мечет, подключив все связи, разыскивает того, кто отправил сыночка в страну вечной охоты. Так его уже лет десять никто не опускал. Зачем?

Лицо Лиходеева оставалось бесстрастным, не выражающим каких либо эмоций. Давно понял, что просчитан. И что, волосы на голове рвать? Хмыкнул все же, пояснил:

–А! Паровозом за амером пристегнул. Третий кто?

–Ну, т-ты даешь, убивец! Третий турок, официально, бизнесом промышляет.

Помолчали.

–Как думаешь, найдет папашка кровника?

–Захочет на свою задницу приключений, найдет.

–Вот и я думаю, что найдет. Только по своим возможностям вы с ним в разных весовых категориях. Он ведь сам к тебе не полезет. Отдаст приказ, проконтролирует его выполнение и забудет. Согласен?

Задумавшись, Лиходеев откинулся на спинку стула, головой прислонился к стене. Его взгляд уткнулся в окно, находившееся за Сашкиной спиной, выходившее на поросшее некошенным сорняком поле, огороженное двумя рядами колючей проволоки и металлической сеткой с КСП по периметру, оборудованному элементами фото- и видеонаблюдения. Казалось тишина, повисшая в помещении, ничуть его не напрягает. Майор пристально наблюдал за мимикой лица ветерана, пытался прочесть на нем полет мысли, но тщетно. Надо было знать Лихого, упертый представитель гомосапиенс, если бы его даже резали по кусочкам, вряд ли узнали больше, чем напечатанных слов в словаре ненормативной лексики народов мира.

Подполковник вдруг встрепенулся. Горбыль уже наблюдал похожие искорки в глазах сослуживца. Ничего хорошего, во всяком случае для противника, они не сулили.

–Саня, может мне самому его навестить, приласкать пулей между глаз?

–Думай, что говоришь? Ну, приласкаешь этого, к рулю станет другой. Арсамирзаевы семейство большое. Кто бы ни пришел, помножить два на два, большого труда не составит. Тем более, семья держит целый штат советников, при современных веяниях, называемый аналитическим отделом. Ничего своим выстрелом не изменишь, разве что фору по времени отыграешь слегка.

–Так, что? Прикажешь всю их семью обнулить, с бабками, внучками и племянницами?

–Ты еще ядерный заряд в центре столицы подорви, чтоб наверняка всех. Если доживешь, вспомнишь о моем предсказании. Лет через двадцать-двадцать пять, коренные москвичи будут иметь лица с чертами и мастью людей кавказской национальности, а менты у вокзалов, завидя в толпе белокожую рожу, будут проверять у нее документы, интересуясь целью посещения города.

–От темы уходишь, Нострадамус недорезанный! В России живем, место под солнцем найдется каждому.

–Ну да... Схорониться тебе нужно.

–Что, на Камчатку уехать?

–Могут найти и там. Есть у меня перед тобой должок.

–Пошел ты...

–Егор, можешь послать, но я отлично помню, кто меня полумертвого из горящей БМДшки вытащил, несмотря на то, что она вот-вот рвануть могла. А потом еще армейским лепилам всучил, хоть те и говорили, что все напрасно. Долги я привык платить. Вечером едем к Монзыреву.

–Зачем?

–Узнаешь...

Горбылевская «Камри» съехав с автострады, свернула еще раз, и из потока машин нырнула в тихий район частного сектора, раскинувшегося на дальней окраине города у самой кромки леса. Дома старой постройки чередовались в нем с богатыми особняками деловой элиты.

Поплутав, встали перед добротными, в человеческий рост, деревянными воротами. Горбыль выйдя из-за руля самостоятельно раскрыл створы, загнав машину вглубь двора, не поленился сходить назад, прикрыть воротины. На высоком и широком крыльце появилась молодая красивая женщина с годовалым ребенком на руках.

–Сашка, привет! – поздоровалась она, привычным движением забросила за спину длинную русую косу, толщиной в руку подростка. – Здравствуйте Егор Викторович.

–Галка, привет! – откликнулся Горбыль.

–Рад приветствовать, Галина Александровна.

Жену Монзырева, Лиходеев знал постольку-поскольку, отсюда и обращался к ней не панибратски. На руках Галины восседал их с Анатолием Николаевичем Монзыревым сын, Владимир. Крепко сбитый бутуз, обличьем, походивший в мать.

–Чего не позвонил? – переключив внимание на Горбыля, спросила хозяйка. – Толика еще нет. Когда придет, даже не скажу. Не знаю.

–Фигня! Подождем. Нам торопиться некуда. Вон, Егор Викторович, так тот и вовсе дембель.

Если Лиходеев степенно поднимался по лестнице, то Сашка, не прикасаясь к перилам, в пару прыжков взлетел на крыльцо.

–Привет, Вовка! – подергал мальчика за пальчики на крохотной ручке. – Как дела? Растешь не по дням, по часам.

Бутуз с материнской руки серьезно посмотрел на знакомого дядю, оттопырив нижнюю губу, дернувшись, вырвал пальцы из Сашкиной «грабли». Галина при действиях дитяти умиленно улыбнулась. С характером, в отца растет!

–Ужинать будете?

–Спрашиваешь! Конечно будем. Мы с работы, и сразу к вам.

–Случилось что?

–Дело есть к командиру.

–Ладно. В дом проходите.

Поздним вечером на пороге дома наконец-то появился и сам хозяин. Чмокнув в подставленные губы супругу, обнявшись с Горбылем, за руку поздоровался с Лиходеевым. В «детскую» не пошел, девятилетняя Ольга и Вовка уже давно спали.

Лениво ковыряя вилкой выставленный на стол ужин, слушал эмоциональные разглагольствования Горбыля, изредка бросал косые взгляды на Егора. Здесь же присутствующая Галина, сложив на столешницу локти и подперев кулачками подбородок, влюбленными глазами смотрела на уставшего за день мужа, казалось, даже не прислушивалась к Сашкиным словесам, густо замешанным на выражениях ненормативного лексикона. Что с него взять? Может быть, за исключением Рязани, вся остальная область без проблем пользовалась такими вывертами матерщины в повседневной жизни, и другой язык, народ там живущий, воспринимал только с экрана телевизора. И, что, осуждать за это парня?

Лиходеев до сих пор толком не понял, зачем Горбыль его сюда привез, молчаливо отсиживался на стуле в углу стола, с каждой минутой все сильнее желал покинуть этот гостеприимный дом. Наконец хозяин прервал пустопорожний эмоциональный треп друга, обратился к гостю:

–Значит Егор Викторович, за гибель группы Старого выкуп кровью взял. Теперь ребята успокоятся.

Лихой промолчал. А что тут скажешь?

–За ваш розыск взялись основательно. Городок, закрытый, левых людей в нем проживает мало, но ваше фото, как опасного преступника, с сего дня по всей области засвечено. Арсамирзаев негласно назначил награду за вашу тушку. Надо сказать, немалые деньги обещает выплатить. Рассчитывать на то, что разыскать вас не удастся, не стоит. Стервятников до поживы в наше время много развелось.

Соглашаясь с Монзыревым, Лиходеев кивнул головой. Анатолий продолжил говорить.

–Помощь со своей стороны мы вам окажем. Дадим денег, снабдим чистыми документами, вывезем на транспорте, скажем, в Липецкую область. Там, сами поменяете маршрут и затеряетесь на просторах нашей необъятной Родины. Семей и родными вы не обременены. Конечно, будем надеяться на лучшее, но Арсамирзаев человек злопамятный и очень богатый, сомневаюсь, что он прекратит поиски. Сын все же.

Метушаяся душа Горбыля больше не смогла выдержать муку молчания, он вспылил.

–Командир, ты бы еще сказал, что нужна пластическая операция! Николаич, Егор – одинокий волк. У него нет нашей команды, ставшей семьей, подобной итальянской мафии. Он конечно затеряется, но большие деньги рано или поздно разыщут его. Для него есть только один выход.

–Ну, и какой же? – серьезный, немигающий взгляд уперся в Сашку. – Позволь, я догадаюсь. Ты хочешь, чтоб он прошел той же дорогой, по которой прошли и мы когда-то.

–Угадал. Потому-то, ты боярин, а я всего лишь сотник при тебе.

–Ты, прежде всего мудака, Саша.

–Это почему же? – обиделся Горбыль.

–Ты хочешь заслат человека на погибель.

–Но, мы-то выжили!

–Мы пришли не на пустое место. Сами судьбой играли, а не она нами.

–Так и он...

–Попав туда, он окажется на положении изгоя. Станет человеком без рода и племени, без защиты, без денег. Он очутится в незнакомом ему мире, при непривычном ему политическом и хозяйственном режиме. А если, не дай Бог в рабство угодит? Молчишь? Правильно делаешь. Думать, оно никогда не вредно, даже полезно бывает.

Находившийся вне перепалки Лиходеев фильтровал выплескиваемую собеседниками информацию урывками. Имея аналитический склад мышления и характер, подобный Монзыреву, он никак не мог вычленить главного. О каком варианте его эвакуации шла речь? Не выдержал, встрял:

–Погодите! Куда я могу попасть, и что там не так как у нас?

Затянувшееся молчание прервала, как ни странно, Галина.

–Егор Викторович, нас в этой комнате четверо, прослушек в доме нет, это проверено. Если вы и услышите что-то из ряда вон выходящее, даже если захотите поделиться с кем-то информацией, вам не поверят. Сейчас эти два спорщика успокоятся и наверное расскажут все о дороге, по которой прошли полтора десятка человек. Вы обдумаете услышанное и примете решение сами. Стоит оно того?

–М-да! А я все думаю, и за что я тебя люблю? – первый раз за вечер улыбнулся Монзырев.

–Не паясничай. Лучше все Расскажи человеку.

–Что ж, Егор Викторович, слушай. В самом начале двухтысячных годов, я получил приказ от Василенкова, вместе с двумя сослуживцами организовать и обустроить лагерь отдыха для детей из неблагополучных семей района, на землях которого дислоцируется наша воинская часть. При перевозке детей к месту отдыха произошла поломка автобуса, детей попутками переправили в лагерь, но я, Горбыль и Андрюха Ищенко вместе с тремя студентками и десятком детей, не поместившихся в транспорт, прошли в лесу через «место силы», оказались в десятом веке. На южных рубежах княжества Черниговского приходил в упадок и готов был прерваться один из родов кривичей. Родовой волхв этого племени «вытащил» нас в свое время.

Очутившись в средневековой Руси, мы поняли, что обратная дорога, откроется не скоро, вынуждены были принять правила игры и начать кипучую деятельность – создали дружину, реанимировали структуру племени, из пожженного городища выстроили крепость, превратив городище в погост. Егор Викторович, прошу не путать, погост, это не кладбище. В средневековой Руси под этим словом понимался – маленький городок. Когда на земли пограничья пришел враг – печенеги, им не без нашего участия дали отпор и победили. Потом были житейские конфликты с соседями, был Византийский поход, половецкое нашествие. Да, много чего было. Нам удалось вернуться обратно, Но не факт, что это сможете проделать и вы. Это не фильм «Викинг» в кинотеатре посмотреть. Там все натурально, через свой хребет пропустить пришлось. И смерть натуральна, если слабину дашь. Кстати фильм дерьмовый, что простых людей, что витязей, да и волхвов дерьмом облили...

Когда Монзырев закончил свое повествование, стрелки на часах, висевших на стене просторной кухни, указывали пятнадцать минут четвертого. Слушая командира, Горбыль, будто наново переживал все то, что осталось в прошлом. Лиходеев, молчавший весь рассказ, сейчас размышлял над услышанным. Действительно сказка. Находясь в здравом уме, вряд ли кто поверит. Хотя...

Стоило посмотреть в лицо Галине, чтобы понять, все именно так и было. Люди, сидевшие рядом, прожили две жизни, знали, что такое смерть и потеря близких на чужбине, откуда весточка к родному порогу никак не достанет. Лихого, будто кто подтолкнул. Помимо воли, хриплым, отчего-то севшим голосом вымолвил:

–Я согласен.

Все трое уперли свои взгляды в него. Подводя черту под ночными посиделками, Монзырев встал из-за стола.

–Сейчас ночь, всем спать, решения оставим на завтра. Между прочим, еще не известно работает ли «переход».

-2-

Жизнь – это бесконечное повторение. То, что мы недопоняли в первый раз, происходит с нами снова.

Чуть-чуть по-другому. Если мы по-прежнему не понимаем, событие возвращается до тех пор, пока мы не усвоим урок окончательно.

Высказывание неизвестного...

За три дня, которые Лиходеев прожил в доме Монзыревых, познакомился со многими молодыми людьми, посещавшими семейство на правах близкой родни. Общаясь с парнями и девушками, узнал, что все они прошли через горнило десятого века, и о княжестве Киевском знают не понаслышке. А то, что сумели вернуться, ставят в заслугу Монзыреву. Получив от него добро на общение с Лиходеевым, молодежь рассказывала о прошлой жизни все до мелочей. Именно они заставили Егора не тупо уйти по переходу в неизвестность, а перелопатить десятки исторических справочников, вычитывать подборки информации о средневековом периоде Руси в интернете. Он словно студент зубрил материал экзаменационных билетов, зная, что принимать экзамен будет не университетский профессор, а сама жизнь. Если что не сложится, пересдачи не будет! Возмущался по поводу скудного написания летописей, разнящихся в них фактов и событий, разного толку несоответствий.

Вымотавшись морально, Егор намекнул Монзыреву, что пора бы ему уже уходить. От большого количества информации гложут сомнения в реальности происходящего. Николаич кивнул, соглашаясь. Этим же вечером приехали Горбыль с Ищенко. Шумно ввалившись в дом, бросили под ноги Лихому объемную спортивную сумку.

–Что в ней? – спросил подполковник.

–От нас с Андрюхой презент тебе, – широкой улыбкой расплылся Горбыль.

–Викторович, мы тут с Санькой по сусекам поскребли, решили, что там, куда вы намылились, Калаш, два цинка патронов и «Стечкин» с полной снарягой, ну никак лишними не будут. – Поддержал друга Ищенко.

–Ну, тогда принимайте подарок и от нас с Толиком.

В отведенную для гостя комнату вошла Галина, в руках она держала ноутбук, скупно блестящий «черным лаком» пластика.

–Людмила накачала его массой информации, нужной и не очень. К этому электронному мозгу, внизу в гостинной сумка аккумуляторов прилагается, заберете с собой. Если расходовать экономно и только по делу, вам их надолго хватит.

–Спасибо. – Поблагодарил за заботу.

–Анатолий еще одежду привезет, стилизованную под моду десятого века.

Ранним утром, миновав пост ДПС, вороньим гнездом прилепившийся к дорожному полотну асфальта на выезде из райцентра, две иномарки набрали скорость, и на одном дыхании проскочив еще с десяток километров, встали у обочины лесного коридора. Пестрая компания людей разного возраста, военных и гражданских, разобрав увесистые спортивные сумки, вошла под сень леса. Особо не заботясь о тишине на маршруте движения, люди гуськом вытянулись в колонну, без лишних разговоров шли, петляя между деревьями.

Давно проснувшийся утренний лес распевался птичьим многоголосием. Высокая трава шуршала под ногами. Иногда только треск сухой ветки, да прорывавшееся из легких неровное дыхание людей, несших тяжелые баулы, нарушали сложившийся покой дикой природы.

–Сашка!

–Да, командир!

–Узнаешь места? По-моему идем верно.

–Ну-у, вроде да.

Шедший за Горбылем молодой парень подал голос, обращаясь к Монзыреву:

–Батька, правее нужно брать.

–С чего ты взял, Мишаня?

–Когда в прошлый раз выходили, этот сосняк от нас по правую руку был. Если пойдем как сейчас, аккуратно в него влезем, а нам ближе к березам держаться нужно.

Сделав поправку, народ через короткое время оказался на площади поредевшего леса, основной флорой которого были кусты лещины, боярышника, да березняк, своей черно-белой рябью бросавшийся в глаза. Зелень травы из светлой, поменяла цвет на бирюзу. Появились первые признаки «места силы» – стволы деревьев тянулись к небу не ровными стрелами в обрамлении ветвей, а кособочились и искривлялись под разными углами.

–Стой! – подал команду Монзырев.

Сумки упали к ногам, можно было перевести дух, перекурить. Хотя никто, за исключением Лиходеева, табаком не баловался.

–Переодевайся, Викторович. С нашими прощайся. Дальше только я тебя во-он до тех скрученных узлами берез провожу. Ну, а там, как Бог даст. – Оказавшись в отличных от обычной рутины условиях, Монзырев на «ты» перешел.

–Добро. Саня, – обратился к Горбылю, – на, возьми ключ от моего гаража.

–Вот спасибо, наследство подвалило...

–Ага. В подвале, во втором ящике найдешь дискеты и пластиковые папки. Почитай, а там решишь кому их отдать.

В непривычной одежде Лихой чувствовал себя в роли клоуна. На фоне современных рубаш и джинсов, военной хэбэшки, он в своем новом прикиде напоминал ряженого. Хмыкнув, на прощанье обнимая своего бывшего сослуживца, Горбыль постучал ладонью по кольчужным кольцам на спине друга.

–Ничего, Егор, привыкнешь. Будем считать, свой должок я погасил. Удачи тебе подпол!

–Спасибо, прощай.

Теперь только вдвоем, оставив остальных издали наблюдать за происходящим, Монзырев с Лиходеевым подошли к скрученным узлами деревьям. Лихой с интересом разглядывал пульсирующую пелену зеркала мембраны, прикрывшую туманом дорогу через время и пространство. Его возбужденный взгляд краем мазнул по бледному лицу вдруг вставшего столбом и ежившегося как от холода Монзырева.

–Что, Николаич?

–Все, Егор, мы на месте. Дальше мне хода нет. Перед тобой точка невозврата, ты еще можешь все переиначить. Подумай крепко – стоит оно того?

–Молчи! Я все для себя решил. Прощай, Николаич, спасибо тебе.

–Тогда загружайся сумками, роль верблюда отвлечет тебя от лишних переживаний.

Покашливание и тихое хихиканье неподалеку, направило внимание обоих людей на куст шиповника, росший в пяти шагах от перехода.

На пеньке, торчавшем из высокой травы, сидел потешный старикан, одетый в холщевую рубаху и порты. На ногах лапти, на голове напылен соломенный брыль с надорванным краем. Лицо старикана, с носом картофелиной, лучится лукавой улыбкой.

– Эх, Анатолий Николаевич, и до чего же вы навязчивы, любезный друг, прилипчивы, как банный лист. Ведь хлебнули неприятностей полной ложкой... Я уж думал, что после всего не вернетесь к «двери», десятой дорогой ее родимую обходить станете. Э-хэ-хэ! А вы полезли. Мало вам? Любят вас боги славянские, не дали погибнуть, но нужно и меру знать.

– Это кто? – опустив сумки в траву, ткнув пальцем в клочковатую бороду странного деда, спросил Лиходеев, оглянувшись на Монзырева.

– О-о, Егор Викторович! Этот дед на то здесь и поставлен, чтобы мозг тебе выносить.

Дедок переключил внимание на Лихого.

– А я, видишь ли милок, продукт виртуальной реальности, – меняя интонацию в голосе, ответил дед.

– Что-о?

– Тупой? С первого раза не доходит? Голограмма я! Вот он знает, – заскорузлый палец указал на Толика. – А вообще можешь считать меня посредником информационного поля Земли. Ты, попробуй, дотронься до меня.

Лиходеев решительно подошел к старику, протянул руку. Рука насквозь прошла через улыбающегося деда.

– Ну что, убедился? Какие еще вопросы будут?

– Ну и зачем твое явление здесь?

– Смотрю, решил попытать счастья там, куда Макар телят не гонял, и отговорить тебя от глупого поступка, явно не получится. В мои обязанности входит, еще раз объяснить, что не надо совать пальцы в розетку, тряхнуть может так, что ни один дохтур потом не откачает. Дорога тебя не выбирала, сам к ней пришел. Решил идти – иди. Токмо ведь там, – старик снова указал пальцем, но теперь в сторону бирюзовой поляны. – Там тебе не пройти. Хе-хе! Мало того, что с такой поклажей в переходе раздавить может, так еще и дверь сия закрыта.

– Не понял?

– А, чего здесь понимать?

Старик на глазах, песком ссыпался в траву, и тут же, песок из травы стрельнув вверх материализовался в нового персонажа. Перед Лиходеевым и Монзыревым стоял упитанный, зажавшийся человек в форме чиновника таможенного ведомства Российской Федерации. Самодовольно ослабившись, сочным баритоном объявил:

– Так, граждане, граница на замке! Период прохождения терминала начнется через семь лет, три месяца и восемнадцать дней.

Смотреть со стороны на Лихого было прикольно. Сам факт того, что в глухом уголке леса стоял труженник таможни, впечатлило подполковника. Нижняя челюсть самопроизвольно пошла вниз.

– Понятно, – вывел из ступора Лиходеева Монзырев. – Егор, поворачиваем оглобли, номер не прошел.

– А если послать его куда подальше?

– Можешь. Вот только результат этого, нулевой.

– Вот-вот, слушайся дядю, дядя умный! Он все на своей шкуре опробовал и больше не хочет. Так?

Работник таможни показательно издевался над ними, это сквозило с его наглой морды. Лиходеев знал такую породу людей, ненавидел их. Чисто на автомате провел удар пяткой в лоб наглецу. Нога не встречая сопротивления, прошла сквозь голову человека в форме.

–Ай-яй-яй, Лиходеев! Тебе же русским языком говорено, перед тобой голограмма. Ах-ха-ха-ха!

Смех внезапно оборвался. Преобразившимся голосом голографическое изображение человека проговорило:

–Пошутили и хватит. Напоследок скажу. Ты сейчас ближе к двери перехода, чем думаешь, только дверь твоя в другом месте находится. Успеешь ли воспользоваться?

Пучки электронов раздергали в стороны тело представителя информационного поля Земли, и он в одночасье пропал.

–Что, правда раздавит?

–Может, – односложно подтвердил Толик.

–Ну и хрен с ним! Двум смертям не бывать...

–Стой!

Лиходеев в один миг подхватил сумки, сцепив зубы, бросился к серой пелене перехода. Из горла рвался рык, бодрящий организм перед осознанной катастрофой или подвигом. Ну, это как кому покажется. Не слышал окрика Монзырева.

–...Дурак, спрячем тебя в Сибири у нашего друга, казака-характерника, ни одна собака не сыщет...

Нырнул в неизвестность, как ныряет человек в холодный источник.

Помнится, Монзырев довольно подробно объяснял, что может происходить с ним при переходе, какие ощущения будет испытывать, выскочив на «другую» сторону. Но такое...

Егору казалось, что он блуждает в тумане. Пелена была настолько плотной, что шаг в сторону мог привести к потере ориентации не только во времени, но и в пространстве. Ко всему прочему, в какой-то момент Лихому почудилось, что его тело сдавили тисками, а на плечи добавили еще килограмм пятьдесят веса. Он пошатнулся. Его повело в сторону. Ноги заплетаясь под навалившейся тяжестью, изменили направление движения.

Ох, и ни хрена ж себе! Может остановиться повернуть назад? Глядишь, полегчает? Как же хочется еще хоть раз увидеть синее небо над головой, услышать щебет птиц, коснуться босыми ногами зеленой травы на нагретой солнцем земле.

Душевная боль черной тенью закралась, заползла в душу, а следом шмыгнула и ее сестра – паническая тревога. Обе нашептывали в уши: «Вернись! Пропадешь!». Усилием воли прогнал обеих, как прогонял когда-то на войне не раз. Нет, шалишь! Назад он не повернет. Это как в бою – пошел на удар, добивай, не оставляя в живых того, кто может выстрелить тебе в спину.

Несмотря на плотность пелены и телесный дискомфорт, Лиходеев протиснулся дальше в сумерки. Вот сейчас он выйдет из темноты, и как рассказывал Монзырев, очутится на поляне, а там до реки рукой подать, остудит в воде уставшее тело. Еще шаг. Еще! Непонятная тяжесть исчезла с плеч, стало легче дышать. Еще шаг, еще, и сознание целиком и полностью отринуло страхи и подспудные мысли о возвращении. Ну-у!

Тело вывалилось из «перехода» в другой мир. Именно в другой, и именно вывалилось. Запнувшись ногами за корягу, он с размаху повалился в... снежный сугроб, мягко навернувшись теперь уже в белую холодную пелену.

«Мать т-твою так! Ну, почему зима?»

Лежа на снежной перине, отжался на руках, ощущая ладонями холод снежных колючек. Повернув шею, оглянулся за свое плечо, щурясь от залепивших глаза и нос снежных пробок. Пресловутая, не раз упомянутая Монзыревым мембрана, серо-стальным, зеркальным отливом, водной зыбью морщилась за спиной. Прямо на его глазах, ее сюрреалистическая поверхность проявила иероглиф руны, похожий на телесную татуировку. Короткая вспышка, заставившая зажмуриться, сморгнуть, и зыбь исчезла, будто ее и не было.

Лиходеев перевалился на спину, черпанув белого крошева за шиворот. Слегка побарахтавшись, с трудом поднялся на ноги. Одежда и обувь, ранее такая удобная и разношенная,

сейчас болталась, будто при переходе ее растянули, сделали размеров на пять больше. Прислушавшись к ощущениям, понял, что и с одеждой и с обувью, не все гладко.

«Мать честная! Что за...»

Взгляд чисто случайно зацепился за кисть своей же руки. Это не его рука! Худые, мальчишеские руки, покрасневшие от холодного, стаявшего с них снега, выглядели из широких рукавов рубахи. Вся одежда обвисла на нем, как на огородном пугале. Повеявший зимней поземкой ветерок, ухватив горсть легкого морозного снежка, бросил в лицо, заставил сознание работать в нужном направлении.

Монзырев упоминал тот факт, что при переходе каждый из прошедших временной коридор, стал обладателем особого дара, умения, запредельного для обычного человека качества. Лихой и сам ожидал чего-то подобного. Оно, конечно хорошо сбросить с плеч энное количество лет, стать моложе. Но не настолько же! Интересно, сколько его телу сейчас биологических годков? Двенадцать, четырнадцать, может шестнадцать? Бр-р-р! Холодно как. Вот тебе бабушка и Юрьев день. Рассчитывал, что попадет в лето. Попал! Действительно попал. В какой же это год он загремел?

Не заморачиваясь на мыслях, руки самостоятельно проводили работу. От двух сумок с оружием, компом и шмотьем остались одни ручки, остальное сгнуло внутри прохода.

Определился с направлением движения, почапал, проваливаясь ногами в глубокий рыхлый снег, оставляя за собой пропаханную тропу. Шел стараясь не думать о том, что ждет его впереди. Стояла задача выжить в зимнем лесу, выйти к людям. Сам лес был густым, и Егору часто приходилось преодолевать бурелом, ну а ко всему прочему прибавлялись овраги и подъемы на возвышения, и все это по глубокому снегу. Лесной массив, за исключением снежного покрова, ничем не напоминал природу средней полосы России. Кое-где, на снежной целине встречались следы животных. Егор не раз наткнулся на заячий след. Шел строго в одном направлении, перпендикулярно пересек следы, оставленные часа три назад волчьей стаей.

Полевой разведчик по прежней жизни, он знал, что зимой волки бродят по огромной территории, выходя на поиски добычи в сумерки и по ночам. Днем прячутся по оврагам. Если стая из схрона вышла днем, значит, припекло, значит оголодали. Сколько их в стае, сказать трудно. Пробежали трусцой друг за другом, ставя лапы точно след в след, как спецназовцы. Глубокий и рыхлый снег мешает преследованию добычи. Скорее всего, где-то неподалеку деревня. Видно, даже для них снежный покров настолько глубокий, что звери проделали в нем траншею. Егор и сам вымотался торить тропу, пот заливал лицо и мороз ощущался лишь слегка. Если он остановится, горячий пот покроет тело холодом влаги, мороз войдет в поры кожи, заставит мозг безразлично воспринимать окружающий мир, а глаза сами собой захотят слипнуться, погрузиться в отдых. Хренушки вам! Пусть его новое тело и не тренировано, пусть ему тяжело, но он молод, а мозги старого воина не допустят безразличия. Он выдержит любые нагрузки! Короткий привал. Отдышаться!

Двинулся дальше. Пушистые, первозданно чистые, лежат под деревьями сугробы. В этой действительности нет химических заводов, и выбросов в атмосферу таблицы Менделеева нет. На зелени исполинов повисли белые шапки снега, ветви опустились под их тяжестью. Эти высокие сосны, укрывшись одеялом, уснули до весны. В своем беспробудном сне, они лишь убаюканные ветром раскачивают тени на нетронутых сугробах. Молодые деревца, изредка попадавшиеся то тут, то там, по направлению движения, стволами согнулись под тяжестью белого кружева налипшего инея и снега на них. Протиснулся между кустарником и старой елью, чуть задел лесную красотку, и с ее высокой вершины, прямо на голову и плечи, сорвалась огромная белая шапка, рассыпаясь серебристой легкой пылью, погребла в снежном мареве.

—Да, Господи-ж ты Боже мой!..

С трудом продравшись через заросли, выбрался на свободное пространство, каким-то чудом неширокой полосой растянувшееся в обе стороны от него. А по сторонам этого пространства, вздымались непролазные стены леса.

Дорога?... Дорога!

Дорога, засыпанная снегом, сугробы на которой были никак не меньше чем в лесу. Дорога, по которой никто не ходит и не ездит. Почему? Куда ведет она? Куда она может привести его?

В раздумье стоял посредине нехоженого, замеченного снегом тракта. Все виденное ним в этом мире доныне, на рассказы Монзыревских орлов, никак не походило. Может, ошибся с направлением? Ни реки, ни так называемого летника на ее крутом берегу, и в помине не было. Информации об этой дороге у него никакой. Помнится, говорили, что выйдя из леса, они повернули в левую сторону. Что ж, он тоже свернет!

Загребая рыхлый снег, поглядывая на призрачное зимнее солнце, клонившееся к закату, Лихой торя ногами сугробы, поплелся в выбранную сторону. Курить хотелось неимоверно, но вот беда, сигарет нет. Привыкший выкуривать пачку в день, Егор страдал. Уши опухли до слонячьего вида. Последнюю сигарету выкурил днем, а сейчас уже вечер.

Дорога, делая поворот, вильнула «за угол», и Лихой встал столбом, словно кто ноги вкопал в мерзлую землю. Шумно перевел дух и произвольным движением ладони, вытер капли пота на лбу и лице. Тракт проходил через большую деревню, одна сторона которой, прилеплась к лесной опушке, на другой – хорошо просматривалось пространство пажитей и огородов. Снежный покров, как одеялом накрыл пространство полей. Смущало Егора только то, что даже издали сразу было понятно, деревню не пожалели, сожгли. И пожар в ней был давно, еще до того, как лег на землю первый снег. Делать было нечего, он скрипя сердцем, направился в мертвое поселение. Черные углистые, сильно закопченные бревна, во многих местах торчавшие из-под снега, контрастно смотрелись в окружении сугробов. Мертвый покой и тишину нарушал монотонный и глухой, почти негромкий стук. Ветер раскачивал дверь, повисшую на ременных петлях, ударял ее об косяк недогоревшей стены строения, в прошлом явно бывшего теремом. Каркас сооружения покосился и обуглился, но не до конца, удерживал двускатную крышу, изначально покрытую крашенной дранкой, теперь всю в прорехах. От крыльца в его центральной части, остались, наверное, одни воспоминания, можно только домыслить какой он был до пожара. Это ж, в какой год его попасть угораздило, если на Руси деревни жгут за здорово живешь? Особо набожным никогда не был, но сейчас осенил себя крестным знаменем, поклонился «погорелице», тем самым выражая скорее уважение стойкости строению, чем верованию во что-то небесно-высокое. На задних «дворах» заметил пару сараев нетронутых огнем по причине того, что поставили их на отшибе и огонь чудом не смог до них дотянуться.

«Вот, так компот! Что за невезуха такая? И куда теперь идти прикажете, считай почти раздетый, ночь на дворе?»

Лихой сдвинулся с места, побрел к одному из сараев, отсутствие стены на котором, показывало, что прежний хозяин почти под самый потолок завалил его сеном.

«Перекантуюсь до утра, а там видно будет», – решил он.

Несмотря на усталость, развел костер. Ощущая голод, ножом вскрыл банку рисовой каши с бараниной, «НЗ» сохраненный чисто случайно. С аппетитом умял полухолодный продукт. Через нору проделанную в сухом сене вполз в импровизированную берлогу, обвалил за собой лаз и свернувшись в позу эмбриона отключился. Заснул.

* * *

Метель, начавшаяся с приходом ночи, к утру разгулялась не на шутку. Ветер за стенами завывал так, словно за оконцем затянутым бычьим пузырем проснулось неведомое чудовище. Беловод проснулся среди ночи. Старость! Он уж привык чувствовать непогоду загодя, не хуже волоха мог определить, что вытворит природа. Теперь уж не заснуть! Отбросил с себя

покрывало из шкур, уселся на лавке, потянувшись, достал поленце, бросил в почти затухшую жаровню, за ним второе. Искры от соприкосновения дерева с углями вырвались к невысокому потолку, закопченному в месте костровища, в светлую ночь кляксой отмеченному на обчищенной от коры древесине. Ночь не успела сожрать тепло в избушке, языки нового пламени осветили нехитрый интерьер комнатухи. Прошел к столу, сунул горящую щепку в светильник на столешнице, поджег. Теперь и пламя на столе отпугнуло, разогнало по углам темень. Хозяин жилища грузно осел на скамейку, рукой подпер лоб на буйной головушке.

–У-у-му-у! – вырвался из глотки ни то стон, ни то тихий вой.

Нет, не от боли страдал Беловод. Что ему боль? Он стар, но крепок и умел, вот только беда, не скакать ему по половецкому полю на горячем скакуне, не водить вороп к кочевьям и вежам степняков! Он последний из рода воинского сословия поместных бояр. Его предки два века тому, пришли в Гардарики с Халегом, с ним осели в северных землях, где стал княжить их вождь. Варяжский князь прославился вещим знанием, Царьградским походом, склонил под свою власть многие племена и народы в своем княжестве, и всюду за ним в его дружине следовали мужи Беловодового корня. Минуло время, нет уж Халега на этом свете, а трое его сынов разделив меж собой отчину, разошлись по разные стороны, дали новую поросль отпрысков, кои в свою очередь раздробили дедово наследие. Род Беловода прилепился к володетелям Курска, а в правление Златимира, так и вовсе в гору пошел. Нет, они не богачи, серебра в их сундуках не столь много, как у некоторых ближников. И палаты с подворьем, у бояр их рода не широки и не высоки были. Они никогда кичливостью не славились. Они вои. Им тяжело смотреть на то, как Халегово племя погрязло в склоках и междоусобицах, и все из-за столов княжеских, из-за власти, из-за старшинства. Минуло уж без малого пять годов, как он здесь. Как раз накануне свадьбы Изяслава, старшего из княжичей Курских, на Любаве, княжне-полочанке, случилась распря. Святослав Черниговский, усмотрел в сем браке усиление стола Курского, бросился собирать рать, восхотел подвинуть родичей на южных территориях, заставить поделиться столами. Старшим в роду в то время и был Беловод, а вотчинное родовое сельцо их, как раз лежало у границ чужого княжества, мало того, на торговом тракте. По лету семейство в полном сборе проживало в вотчине. И собравшееся войско супостата, к добру или к худу для себя, напоролось на дружину боярина Беловода. Сторожи донесли о нарушении рубежей и малая сила, коршуном слетела на княжью рать. Билась ожесточенно и отрешенно, без оглядки на оставленных за спиной жен и детей, да и полегла вся до последнего человека.

Узнав кто так сильно потрепал его воинство, князь Святослав повелел истребить село. Всех от стара, до млада вырезали захватчики, в полон не взяли ни одной смазливой девки. Запылали избы под властью красного петуха, превращая само место в лысую плешь на теле земли. Бурным потоком расплескалась война по Курскому княжеству, да только изгнали черниговцев восвояси, а многих и в полон взяли. Города и села после братской междоусобицы до сих пор голые, да погорелые стоят, избы пустые, ушел народ с насиженных мест.

В той давно минувшей сече, Беловод рубился в самой гуще врагов. На дальней стороне поляны он видел Святослава, закованного в панцырь светлого железа с высоким шоломом на голове, подгонявшего своих бояр, рвался к нему. Оттеснили его от основной силы дружины, сразу справиться не смогли, живым боярина взять хотели, да не получилось. Когда поняли бесполезность сего поступка, потеряв десятка три воев, стрелами ссадили того с седла, а после боя найти не смогли. Как пошептал кто, растворился тот средь леса! В себя боярин пришел не скоро. Три седмицы минуло, когда открыл глаза, увидав склонившегося над ним старца, пытавшегося влить в его уста лекарское зелье. Не зная всей правды о свершившемся с родом несчастья, боролся с хворобой, на поправку пошел, а встав на ноги, пеше добрался к сельцу.

Избы и родовое капище, терем и хозяйские постройки встретили его тишиной давно потухшего пожарища. Сельцо умерло, и воскресить его уже не смог бы сам Сварог. Припав к непрогретой солнцем земле, боярин ревел раненым зверем, чувствовавшим приближение

скорой кончины туром. Жизнь и любовь умерли для него водночасье, соседский набег поставил жирный крест на судьбе Беловода. Калика переходный, вот кто он есть! А по нынешним временам, таковой не нужен никому – проку никакого, одни проблемы с ним, опять же лишний рот.

Отдышавшись, по едва заметной тропе направился в лес. Айною заблудившейся в лесной чаще, верстах в пяти от веси вышел к реке. Когда-то давно, заложил сруб у самого берега. Строил для баловства, поохотиться да порыбалить вдали от глаз людских. Еще тогда знал, что уйдет с ратной службы, под старость лет уединится. Все дела по хозяйству вела жена, а шустрые невестки ей во всем помогали.

Избенка стояла на месте, как и рухло с обстановкой в ней. На задках пристройка со стойлом для лошади. В пристройке развешаны сети, сложены капканы на мелкую живность и зверя покрупней. В закрытой крышкoi кади полно ячменя. Все нетронуто, все надежно по-хозяйски уложено на местах. Значит, не заходил сюда захватчик, а жители сельца не хоронились в заветном месте. Видно, тати черниговские ночью напали.

Не желая общаться с племенем людским, остался Беловод у реки, превратился из воина в смерда, разве что хлеб не сеял да огород не возделывал. Ловил рыбу, силки и капканы ставил на зверя лесного, каждую ночь борясь со своими мыслями и воспоминаниями былого.

Прошло лето, за ним осень, после снежной зимы, весна привела с собой новый год. И снова лето, за ним осень. Зима. Телесно, Беловод оклемался давно. Совсем не беспокоили зажившие раны. Лишь старость тихо подбиралась к нему, костлявой рукой бредила колени и поясицу, временами, хоть плачь. Вот и сей ночью подняла на ноги. Да, и не она одна. Сон приснился. Приснилась, не понял и кто. Толи Мокошь, толи Мара!

«Сходи, – сказала, – Беловод в мертвую весь. Только рано утром, до света иди! Отрок в ней замерзает, приюти его, жизни научи, несмышлениша. Оба вы с ним увечные. Нет, не телесно, души у вас до дна считай, выгорели. Вот и обопритесь спина к спине. Глядишь, сам к жизни вернешься, совсем ведь закис, себя жалеючи, воин».

Вот и думай, в руку ли сон, али какой дух лесной, нечистый, проснулся от спячки, побаловать восхотел. Оно и правда, закис. В капище почитай, года четыре не хаживал.

Метель к рассвету уgomонилась, завалив избенку сугробами. Кое-как по-ночи выбравшись из теплого жилья, Беловод, одетый в короткий полушубок, перепоясанный ремешком с мечом, в шапке из бобра на голове, оставляя за собой траншею по рыхлому глубокому снегу, не путаясь и не петляя, пошел в сгоревшее село.

Не совсем еще и развиднелось, когда озираясь по сторонам, пытался понять, где может быть тот отрок, которого разыскать нужно. Выходило так, что ежели у тех двух сараев на отшибе, никого не сыщешь, знать сон одно баловство.

Пригляделся. Чуть заметный пар поднимался над сараюшкой. Так парует в берлоге ведмедь. Подойдя, услышал едва различимое дыхание в сене. Спит, значит. Ага! Ништо, Беловоду торопиться некуда, подождет.

-3-

«Всему, что необходимо знать, научить нельзя,
учитель может сделать только одно – указать
дорогу».

Житейская мудрость

Начиная обучение, Беловод заставил ученика взять в руку круглый щит, больше похожий на обрезанные по кругу плохо обработанные сбитые между собой доски. Тяжелый и громоздкий для нынешнего Егора, он чуть ли не перекошил его, тянул к низу. В другую руку пришлось брать самое настоящее дубье, очищенное от веток и коры, и тоже имеющее не такой уж и малый вес. Сам, с такой же дубиной, встал напротив, показал основные стойки пешего воина. На первом уроке вся техника сводилась к коротким ударам из-за щита или же укола. Заставлял постоянно передвигаться по очерченному кругу, меняя положение ног, поворачивать тело

по сторонам. Лиходеев и предположить не мог, что старик настолько изворотлив, загонял его до изнеможения. Семь потов сошло за время занятия, и это несмотря на то, что мышечная память работала как часы. Сцепив зубы, на «нерве» и самолюбии выдерживал «издевательства» наставника Лихой только теперь понял, случись взять в руки меч и выйти на поединок, он бы точно погиб, и в очень короткий срок.

Уже отдышавшись от понимания первых познаний, и на пару с учителем сидя на лавке у избенки, прислонившись спиной к шероховатым бревнам стены, оба шурились на яркое, но не горячее весеннее солнце. Егор ощущая, теперь уже тупую боль в гематомах на теле, спросил:

–Старче, я конечно небольшой специалист в бою на мечах...

–Это точно, совсем небольшой.

–Ну, да. Так вот, то, что ты мне сегодня преподавал, кажется простым. Эдак за короткое время любого можно натаскать, и будет он мечником не хуже других. Так ведь?

–Прав, Егорий, натаскать можно любого. Чего сложного мечом махать? – хитрая улыбка промелькнула на лице аборигена.

Это было так непривычно Лихому. За два месяца прожитых на берегу скованной льдом реки, улыбался Беловод чуть ли не впервые.

–В иных городах у ворот и стоят такие, как ты сказал, натасканные дружинники, то ли из мастеровых, то ли из смердов набраны. А, чего? Им и надоть всего-то монету за провоз собирать, да сами воротины на ночь закрыть, а поутру отпереть. Много ума потребно для действия сего?

–Х-ха! Чую, сейчас по-полной приложишь мордой об стол!

–Как ты сказал?

–Говорю, меня дурака уму разуму научишь.

–Интересно сказал. Так вот, то, чему ты сегодня учился, и боем то назвать нельзя. Одни наметки, да и то не тебе они значимы, а для меня. Тебе сейчас, словно малому дитю, ходить не умеющему, стоять на ногах научиться потребно. Научишься, первый шаг зробишь. С завтрава будем силушку наращивать, а то твоя худоба супротив мощных размашистых ударов нурманов, никак не устоит. У них, у скандинавов, основной бой на что нацелен?

–Ну, откуда мне знать?

–Чудной ты у меня ученик! По размышлению и стати своей, так не то, что на боярина, на отпрыска княжьего схож, а по сути своей, иной раз смерд и тот про жизнь понятие большее имеет. Так вот, слухай... В большинстве своем, в нурманском бое цель одна, проломить или снести защиты врага, и прорубить его доспех. Редко кто из них способен на большее, но встречаются иные непоседы, кои похोдив по миру, побывав в Византии, и землях, далеко за Тьмутараканью лежащих, привезли знания, традиции и приемы совсем иного боя на мечах. Хочешь выжить – осваивай, учи и учись. Уразумел ли отрок?

–Понял. Я буду стараться, учитель.

–Добро!

Пригревшись, оба разнежились. Вставать и идти в избу не хотелось совсем, хоть и понимали, что прислуги нет и кормить их кроме их же самих некому. Лиходеев совсем как мальчишка, шмыгнул носом. К его новому телу, и привычки новые проявлялись, которых раньше не было и в помине. Или забыл? Вот! Подмечая их, Егор про себя ругался, а сделать ничего не мог. Попросил деда:

–Расскажи еще про викингов?

–Про нурман?

–Ага!

–Гм. Чем они у тебя такой интерес вызвали?

–Так ведь сам говоришь, что воины сильные.

– Это да-а! – Задумавшись, повел неспешно речь, вычлняя из памяти яркие образы, а на их основе и выводы. – По сути своей, чистые разбойники, ну и наемники конечно. С меча кормятся. Видишь ли, скандинавы считают каролингский меч, кой давно под себя обручили, чисто рубящим клинком. Но сей меч и в колющих ударах не слаб.

Резко затих после этих слов, будто поперхнулся. После короткого раздумья, бывший княжий боярин снова заговорил.

– У большинства их мечей острие скругленное. Но! – Усиливая сказанное, жестом поднял указательный палец вверх, мол внимай главное, мотай на ус. – Тычковый удар в кольчугу подобным острием, ужасен. Не будет глубокой раны, но кольчугу и даже чешуйчатый панцирь, клинок «пройдет», а ежели и нет, то контузит, а внутренности повредит уж точно. К тому же, некоторые доспехи, а именно мягкую бронь, такой мысок пробивает лучше заостренного. Но удар пыром, применяют еще редко, рубку нурманы предпочитают в бою и на поединках. И рубка мощная, в хорошем темпе. Удар, удар, еще удар. Круши щит и кольчугу!..

Распалаясь, дед перешел на жестикуляцию. Пустой рукой нанося удары по воздуху. Скосив глаза на молодого, понизил градус выплеска информации. Странно, как-то? С появлением в жизни Беловода, новой метушейся души, Егора, отрока подсунутого одной из богинь, он отдавая ему теплоту своей души, ожил сам, даже помолодел. Хмыкнул с пришествием этой мысли, явившей себя в параллели с воспоминанием о скандинавских бойцах. Успокоившись, продолжил:

– Иной раз град ударов и вершит все дело. И пусть первый, и даже четвертый удар не поверг врага – они не бесполезны. Твой враг отступает, он задыхается, теряет свой запал. Вот он уже пошатнулся, а ты не зевай! Его шлем промят, а то и вовсе сбит, щит прорублен, отбит в сторону, сам враг устал, он контужен и даже слегка ранен. Все наруку!

Подвел итог:

– Нурманы – умелые, проверенные во множестве схваток воины, способные биться в одиночку, плотным строем и небольшой группой, они владеют любым оружием, а иной раз пользуются и просто кулаками или наручами.

Беловод оборвав рассказ, снова призадумался. Воспоминания увели его прочь от собеседника, вернулись на несколько месяцев назад, в зимнее утро к сараюшке в сгоревшей веси.

...Из сена спрятанного рачительным хозяином под крышу, выбрался на свет божий отрок, с поразительно светлыми голубыми глазами на бледном худом лице. В темно-русых волосах на его непокрытой голове застряли сухие травинки. Одежда, в которую он был обряжен, обвисла на его худорбе и висела, словно рядно на ветви березы. От бывшего воя не укрылась повадка отрока, при виде незнакомца, мальчишка схватился за нож, и маскируя держал его правильным хватом. Добре! Перед ним явно не смерд. Да, и клинок засапожника не дешев, и одежда не проста, пошита из дорогого сукна, только явно не по размеру и цветом непривычна.

Тогда же взгляд юнака удивил старого воина. Холодный, оценивающий, ничуть не опасливый. Как будто он сам, боярин, должен был опасаться мальчишку, а не наоборот. Ну, да! Как же он позабыл! Ведь говорила во сне богиня, что выгорела душа у мальчика, а для таких как они, страха нет. Это одно! Второе, то, что воспринимает Беловода по причине преклонного возраста, как калику переходного, и на висевший на поясе меч, ему чихать. Ну-ну!

– Здравствуй, отроче, – первым поздоровался курянин. – Гляжу, нет в тебе почитания к старшим. Али сам князь передо мною? Коли так, звиняй княже, не признал.

– И тебе здравствовать, добрый человек. Прости, что не поздоровался первым. Со сна растерялся.

Речь правильная, смущения и в помине нет, где-то даже нахрапистая. Явно не смерд.

– А относительно происхождения, скажу, что начало свое веду из родов кривичей, как-то прямыми потомками Дажьбога считают себя. В княжестве Черниговском наша вотчина родовая, Гордеев погост на реке Псел. Слышал?

–Нет.

–Гм!..

Может чего напутали Монзыревские деятели? А может все просто. Перед ним человек, которому политика государств, даже средневековых, до лампы. Живет себе и живет! Только беседу все равно до логического завершения довести придется.

–В жилах моих руда боярина Гордея течет. Батюшка меня Егором нарек, позже прозвищем Лихой обзавелся, – Лиходеев без затей назвал свой прежний позывной и добавил отчество, малость переиначив под славянский калорит. – Самого батьку Витославом рекли.

При упоминании Чернигова, старик посмурнел, однако сдержал наплывшие чувства, лишь в сторону леса повернул лицо, чтоб ненароком глаза не выдали душевной муки.

Речь юноши содержала в себе некий южный говор. На севере Руси говорили чуть по-другому, особенно смерды, глотали окончания иных слов, путая привычную Беловоду артикуляцию. Перед ним, можно сказать, стоял земляк, южанин, мало того, по крохам поведения явно из благородного сословия.

–Не слыхал о таком. Ну, да не суть! На Руси малых городков и погостов тьма тьмущая, всех не упомнишь. Сам-то ты откуда путь держишь? Прости, что имени своего не сказал ране, Беловодом меня кличут.

–А по батюшке как?

–Не нужно по батюшке, калике отчество ни к чему. Так, откуда путь держишь, и ежели не секрет, то куда? Почему в столь юном возрасте не ешь хлеб дедовский?

–Какой секрет? Нет никакого секрета.

Беловод вновь поймал взгляд юнца, но взгляд тот изменился, стал каким-то тоскливым, в чем-то отгороженным от сего мира. Миг и промелькнувшая тень беспросветной тоски сползла с лица собеседника. Отрока будто прорвало.

–Понимаешь, Беловод, секрета нет, только я сам не знаю откуда и куда иду. Последнее воспоминание то, как из леса вышел к этому покинутому селу, и все. Память, считай чистый лист. Будто, кто вычеркнул год воспоминаний. Хочешь верь, хочешь не верь!

–Да, ты случаем не жить ли лесная?

Юноша возмутился:

–Я человек! Чем хочешь поклянусь.

–Тогда?! – старик на мгновение призадумался и сам же ответил на свой вопрос. – Похоже, услышал ты, Егорий, пение Алконоста, и забыл все, что касалось твоего пути. Се бывает. Другого объяснения не ведаю.

–Что ж мне делать теперь?

–Жить! – просто ответил Беловод. – Тем паче, я именно за тобой сюда и пришел.

–Это как?

–Сон вещий сей ночью приснился. Позвала Мокошь, велела сюда идти. Велено учить тебя, несмышленища уму разуму. Через свой урок и души наши с тобой оживут.

–Тогда веди, Вергилий! Задубел, зуб на зуб не попадает.

–Беловод, я. – Удивление промелькнуло на лице русича. – Али забыл?

–Прости! Это я так неудачно пошутил...

Вот с тех пор и обосновался в избе еще один насельник. Привыкали, притирались друг к другу, наверное седмицы четыре, не меньше. Ходили на охоту, вернее, ставить силки и капканы, собирать дичь. Дед все удивлялся. Имея две здоровые руки, малой не умел стрелять из лука. Как же это? Пробив во льду на реке лунки, удил рыбу. Кашеварили. Так и пообыклись. А с наступлением нового года, Егор попросился в ученики по овладению мечным боем.

Чудно! Поразмыслив, старый понял, что отроку надобно нарастить мышцы на его худобе, слепить крепкое тело на костяк, а попутно учить и бою. Теперь у обоих весь день был загружен с раннего утра, до позднего вечера.

–Вот твое уклонение, при сохранении промежутка в расстоянии меж тобой и противником с последующим выходом на удар.

Дед без затей показал прием, завершающим финтом приложился дубьем к телу Лихого. Сила удара ощущалась даже через подклад. Никакой имитации – синяк будет достойный.

–Понял? Давай еще. Вот я уклонился, а сам в это время на твой замах делаю движение и удар. Но это получится, ежели ты, вот как сейчас, исполняешь рубящий удар. Ты пытаешься прорубить мою защиту, а я во время уклонения, иду на опережение по времени на полстук сердца по отношению к твоей последней атаке, потому, к началу моего удара ты вынужден только заканчивать свой. И, действие мое, более короткое по траектории, нежели твоя атака, оно направлено либо на ее прерывание и создание благоприятных условий для собственной атаки, либо на поражение легкодоступных в такой ситуации слабо защищенных мест в вязи твоей работы с мечом. Еще раз показать?

–Еще не раз.

Каждый божий день, Беловод на занятиях с Лихим, менял технику атаки, с рубящей на режущую, с колющей на рубящую. Происходило противопоставление атаке более быстрого, либо более мощного, либо более точного атакующего действия. Учил своим заморочкам, ранее казавшимся забытыми им навсегда. На вертикальный рубящий удар в голову заставлял, на автомате выполнить контратаку режущим ударом с одновременным разрывом дистанции, да при этом еще и повысить скорость движений. На атаку режущим ударом отвечать рубящим. При этом вдальбывая в голову ученику, что, если противник еще не успел выполнить поражающего действия, он столкнется с более мощным и более разрушительным воздействием, направленным на себя, в тот момент, когда он находится в неудобном положении.

Не сразу дался представителю иной реальности, перехват инициативы мечником в паузу между атаками. Техника боя одинакова у обоих противников. Когда старинушка, вдруг прерывает серию атакующих ударов, делает паузу, а Егор должен воспользоваться этим, контратаковать. При правильном исполнении, действие контратаки начнется раньше, чем следующий в серии удар противника, что вынудит его перейти в защиту, либо обеспечить себе сохранение права атаки иными техническими действиями. Насколько Лиходеев помнил, а на память он никогда не жаловался, такой прием в его времени назывался рипостом.

Передобеденный отдых заключался в приготовлении какого-то варева, причем, неважно вкусно ли оно, или нет, главное чтоб сытно. Как понял Лихой, дед наращивает его мускулатуру, выжимая все соки из тела и тут же пичкая его протеином животного происхождения. Полежать после еды, тоже не получалось. На «молодом» – помывка посуды и котла.

Снова физическое воздействие на утомленный организм. Сидя под стеной избы, местный абориген, голосом заправского ротного старшины периода Советской Армии, командовал:

–Не пристало воину жалеть свое тело! Работай! На правое плечо, с правого перебросил на левое. Так, хорошо! Теперь за спину. Переставил ноги на два шага вперед. Отошел на четыре назад. Добре! Перебросил мешок на грудь. Пять шагов вперед. За спину. Крутишь над головой. На грудь. Вокруг пояса протяни, два раза. Еще два раза в обратную сторону. На спину. Присядь с мешком два десятка раз. Поднялся! По кругу пошел, мешок на правом плече. Перебросил на левое, в обратную сторону, бегом. Скорей! Стой. Не спать! Вокруг пояса. Еще. Еще.

Изувер! Измывается над малым! Лихой отдышался, и снова по команде схватил свой «инструмент» в руки. Снова бесконечные упражнения. Если бы в черепной коробке у мальчика были спрятаны действительно мозги недоросля, он бы может и воспринимал сии действия как издевательство над организмом, но Егор уже понял, что его «раскачивают» по ускоренной программе. Непонятно, откуда в голове у Беловода отложился такой комплекс физической подготовки, только свои плоды он приносил с удивительной скоростью и КПД.

Когда три месяца тому назад курянин бросил на колени Лиходееву пустой холщевый мешок, и криво улынувшись, сказал:

–Сходишь к берегу, наберешь в него два десятка своих горстей песка, горловину завяжешь и принесешь сюда.

Егор не понял, для чего это все, но вопросов задавать не стал. Исполнил. В тот же день он разминался не тяжелым оклунком, под наблюдением учителя вертя его вокруг собственного торса, пружинящим шагом двигаясь с ним вперед и назад, а то и бегая по кругу. Через два дня, по приказу старого, распустив горловину, добавил в мешок еще две горсти песка. Еще через два дня – снова, столько же. И пошло поехало. На сегодняшний день, Егор не смог бы сказать, сколько весит мешок, но таскал и вертел объемный предмет спортивного инвентаря он, пыхтя и ругаясь про себя. Тяжел, зараза! А, куда ему деваться? Завтра снова песка прибавится. По вечерней поре, обмывшись теплой водой, нагретой в большом, оставшемся от прежнего времени казане, пошкандыбал в жилище, хотелось только одного развалиться на лавке и спать. Второе дыхание еще не открылось, но чувствовал, что его КМБ у учителя подходит к завершению.

Вроде бы только глаза прикрыл? Сначала голос Беловода, потом легкий пинок вывел из сонного небытия.

–Вставай отроче, утро на дворе.

–О-о-о!

–Вставай-вставай! Долго спать вою не пристало.

Как и следовало, утро началось с того, что старый боец заставил размяться с мешком, потом последовал марш-бросок по лесу с целью проверки силков и капканов. С небогатой добычей прибежал назад, по пути распотрошив и ободрав две заячьи тушки. Пока варево в поставленном на огонь Беловодом котле, подкипало, учитель заставил Лихого взять в руки меч. Делал он это каждое утро, дабы привыкнуть к клинку которым в дальнейшем придется пользоваться постоянно. Разминка. Наступательные и защитные позиции, позиции готовности, из которых наносятся все виды ударов, Егор обязан был зазубрить как «Отче наш...». Несомненно, они представляют собой начало обучения. Все принципы и приемы боя применяются в связи с этими позициями. Но это не «статичные» позиции, Лихой не новичок, сразу осознал, они очень даже динамичные. «Позиции готовности», из которых атакуют или контратакуют.

Высокая горизонтальная указывающая стойка – «Бык». Из нее переход в «закрытую» срединную, старый называет ее «Плугом». Дальше уходим в низкую срединную – сыграем «Глупца», опять перетек вверх – высокая срединная стойка, «Крыша». Егор, замер в крайней позиции, скосил глаза на учителя.

–Ну, и чего замер? Замерз, что ли? Опять про «Хвост» я напоминать буду?

–А-а! Ну да.

Лиходеев угловато совсем, не перетек, а можно сказать перекатился в пятую базовую стойку мечника, заднюю, называемую «Хвостом». Дед недовольно засопел, от нерадивости подопечного.

–Каждая из этих пяти стоек позволяет переход в любую другую и, таким образом, они являются базовым тренировочным упражнением. Начинают эти стойки левой ногой, меч в правой руке. Переход между этими позициями должен быть текучим и плавным. Может быть совмещен с движением вперед ноги из заднего положения, или шаг назад – из переднего. – Беловод показал, в руке он держал свой меч, гораздо длинней и тяжелее меча Лиходеева. – Понял, как двигаться из стойки в стойку, и какое действие готовит каждое положение защиты?

–Вроде п-понял.

–Вроде понял! – передразнил Лихого русич. – Меня успокаивает только то, что ты поразительно смышлен для того, кто меч в руки взял лишь по весне, да за плечами у тебя не одно поколение воев стоит. Ладноть, поговорили, продолжим. Базовая стойка «Бык»! Встал!

Подчиняясь приказу, Егор отставил правую ногу назад, чуть согнул ноги в коленях, корпус в полоборота, меч в обеих руках, рукоять за головой, клинок на уровне глаз гранями вертикально, острие направлено книзу.

–Плуг! Противник справа!

–Есть!

Небольшой шаг ногой, поворот корпуса, и меч как бы из-под низа должен смотреть противнику острием в лицо.

–Добре! Крыша!

Меч взмывает над головой, не то для отбива удара, не то, чтобы напасть с верхнего положения...

В повседневных заботах и тренировках прошел еще месяц. Лихой делал успехи на ниве клинкового боя. За то упражнения с окончательно потолстевшим мешком доставляли ему муку. Это уже был не мешок – настоящий чувал для парня его комплекции. А он ворочал его, не опуская на землю. При каждом опускании или срыве, наставник ругался, иногда обзывая подопечного обидными словами. Но все это ерунда, по сравнению с тем, что Лиходеев уже давно почувствовал, как его тело раздалось в плечах, а на худых было руках, появились мышцы. Появились не только на руках – везде, по всему телу. Сами руки стали больше и толще. Это вращение тяжелого мешка «раскачало» их.

За дождливой осенью пришла зима, такая же снежная как предыдущая. Долгими зимними вечерами Лихой расспрашивал деда о жите-бытье. Понял, что он точно в иной реальности. Русь была не такой, какую он изучал по книгам и интернетовским текстам. Взять хотя бы информацию о том, что не главенствовал над здешними городами Киев. Да, был здесь такой заштатный городишка, вроде Мухосранска, и все. А, городские цитадели, как рассказывал Беловод, возвышались каменными крепостями с их неприступными стенами, бойницами и подвесными мостами на цепях. Иные бояре, те что побойчей и побогаче, ставили на крутых берегах рек орлиные гнезда замков, держали округу в ежовых рукавицах. Князья забавлялись междоусобными войнами, а о княгине Ольге и ее сыне великом Святославе, дед слыхом не слыхивал. Все не так! Это не радовало Егора. Ну, провалился он на тысячу лет в прошлое, с кем не бывает! Вон ведь и Монзырев со товарищи... Так нет же, мало этого! Страна не та, люди не те, реалии и те не его мира, а жить все едино нужно. Выжить, вжиться и подняться над другими, вот его задача, раз нет ему места там, в будущем своей державы. Однако к его невеселым мыслям добавилась еще одна неприятность, похварывать стал дед, то ли на рыбалке подстыл, то ли действительно стариковское здоровье стало сбоить. Непонятно! К сходу снега с земли его старческий кашель становился все громче и ощутимей. Чем помочь?

Однажды поутру Беловод затемно поднял Лихого с лавки, не по обыкновению, ласково предложил:

–Вставай внучок. Пора нам с тобой в стольный град Курск уходить, боюсь времени мне мало отпущено, пора тебя к делу приставить. Надеюсь, есть еще на этом свете люди, которые не забыли боярина Беловода.

–Да, ты че-о, дед!

Старик нахмурился, в голос легла нота металла.

–Собирайся.

Увешанный двумя тяжелыми кожаными саквами через плечо, с мечом на поясе, сам в рубахе почти до колен, в высоких сапогах, пошитых Беловодом специально для него, Лиходеев ничем не отличается от любого русича. В дороге они вторую неделю. Сама дорога, уходя от деревни к деревне, начиналась с узкой тропы, летником погружалась в смешанный лес, пересекала речушки и змеилась вдоль болот. Песчаная почва южных территорий Руси, и лес делала светлым, не было того бурелома каковой бывает в лесах Подмосковья и Ленинградской области, какими их помнил Лиходеев. На их пути не встретились заболоченные торфяные поляны

с темными бездонными омутами, как на северных территориях России. Ночевали в попадавших в пути деревнях, один раз на постоялом дворе на перепутье дорог, в глуши. А как же, везде люди живут! Пару раз пришлось коротать ночь на придорожных полянах, под шум леса и потрескивание костра. За то днем слух ласкал щебет птиц, погода в пути им досталась отменная. Идешь неспешая по лесным просторам и радуешься летнему солнцу и небу, и тому, что ты просто есть на белом свете. Хорошо! Ощущения у Егора были как в детстве – особых забот нет, что ждет их впереди – неизвестно, думает в пути за него Беловод. Прикольно! Точно, как в детстве. Только ноша на плече тяжела, да и она вполне терпима.

К вечеру узкая дорога соединилась с дорогой раза в три шире прежней. По ней обычно проходили торговые караваны, воинские дружины, по ней перегонялись табуны лошадей и гурты домашнего скота. Дорога, на которую вышли, одна из «магистралей» этой Руси, проложена она между Черниговом и Курском.

На широком тракте встретили купцов, везущих товар в Чернигов, от них узнали последние новости. Опять беспокойно в княжествах. Опять сильным мира сего не дает житья желание повелевать всем, до чего дотянется их дружина. Но и без добрых вестей не обошлось. Молодой Курский князь Изяслав отдает сестру замуж за князя Ростовского. Уже и сватовство было, и невестой дары приняты благосклонно, теперь вот саму засватанную славницу вскорости повезут в чужую сторонushку к жениху. Беда в том, что свадьба без братца родного пройдет. Не может ноне Изяслав стол свой и на короткое время оставить. Тут как посмотреть, торговля торговлей, а Чернигов Курску враг.

С купецким караваном прошли добрый отрезок пути по извилистой, широкой дороге, утопанной сотнями повозок. Справа и слева – густой лес, в котором пространство между деревьями заполонил колючий, высокий кустарник и лещина. Шорох песка под копытами, глушил лошадиный шаг. Возницы телег, издали замечая всадников, видно, что оружных, часто принимали правее, выезжая на обочину, нашаривали, подвигая поближе к себе топоры и мечи, с опаской наблюдали, как те верхами проходят мимо, спешат по своим делам.

У деревянного, широкого и длинного моста через Десну, купец повернул на север, заставив пехом переправиться на другой берег.

– Вот и ладно, – прокашлявшись, оповестил Беловод. – Версты через три будет деревенька мово боевого товарища. Переночуем, а там и до Курска рукой подать.

Услыхав о скором привале и ночевке, молодой, ускорил шаг, а вскоре чуть в стороне от тракта, действительно нарисовалась деревня, избенок на пятнадцать, не более.

Боярин Дергач уже года три надолго не покидал свой кров, чаще его можно было заметить на охоте, в поле или в лесу. Изредка напрягал в занятии воинской учебы свою дружину, которой у него было аж трое воев. Как всякий феодал разбирал непонятки между смердами, да и то, выступал в таком качестве больше как свадебный генерал. Хозяйство было возложено на «сильные» плечи боярыни Белавы, вот уж действительно в ком была жесткая воля, холодный разум и хозяйская хватка. Повезло мужику!

На первый взгляд, Дергач показался Лихому несколько грузноватым, немолодым мужчиной лет пятидесяти. С отпущенной, на взгляд Лихого, больше меры, бородой. Широколицый, с доброй, но покровительственной улыбкой старшего по возрасту человека. Он производил впечатление сибарита и сладкоежки одновременно. Одежда на нем шита добротно, вся из хорошей ткани. На ногах мягкие черевы из крашеной кожи, без каблуков. Походка вальяжная, медвежья. Скрытая физическая сила чувствовалась в этом человеке. Легко познакомились, легко общались за столом во время ужина, к концу которого, Лихой понял, что пора оставить боевых побратимов одних. Пусть вспомнят былые походы, выпьют за тех, кого среди живых уже нет.

Прошелся по подворью. Подметил, частокол ограды в двух местах подгнил. Бревна-то сосновые, ремонт последний был черти-когда, может со времен постройки заборола, и вовсе не был. Полукругом к периметру подходит лес. Тоже, по мнению военного, слишком близко

такое соседство. Надо бы спилить карандаши, по меньшей мере, метров на семьдесят. Очень удивился, когда увидел снаружи, почти у самой тыльной стены ограды береговую черту озера. Про берега и говорить не нужно – заросли высокой травой. Во, бесхозяйственность! А все потому, что не на глазах Белавы. Небось в жару от комарья не отбиться?! Нда! Не богато живут бояре. Потревоженная их приходом челядь, под неусыпным оком хозяйки, бегала как вспугнутые куры в курятнике. Обижаживая хозяина и его боевого побратима, Егора проигнорировала, чуть ли не своим признала.

Вернулся в дом. Два бравых воина слегка нагрузились до состояния веселого куража. Пока он у озера прохлаждался, уже успели писняка дать. Вот уж действительно, человек во все времена одинаков. Завидев Егора, старик стал похвастаться младшим родичем, подмигнул ему. Видать хмель искал выход и нашел его в лице ученика.

–А что Егорша, дорога тебя мало утомила?

–Нормально.

–А ну, бери-ка ты меч в руку, на подворье пойдем, хмель из тебя выгонять будем.

Какой на фиг хмель? Лиходеев спиртного и в рот не брал.

–Дед...

–Идем! Хай боярин глянет, какого воя старый Беловод взрастил.

Подчинился.

Дергач с боярыней и со всей дворней, наблюдал, как старый воин по двору гоняет своего младшего родича, не делая скидку на свой возраст, успевает поучать молодого, лишь с помощью выпитого за столом спиртного задавив на корню одышку.

–Смотри за моими движениями. От-так! – Скользил, как по писанному, едва дух перевести давая. – Ты проваливаешь удар, твой меч соскальзывает с моего, а я завершаю свое деяние вот так.

Меч Беловода без должной силы в реальном бою, чиркает по байдане Лихого, в районе левого бока и живота. Когда-то, рваные телодвижения Егора, теперь превратились в плавные, и то, что он чувствовал, как вытянулся телом, как это тело стало способно противостоять взрослому крепкому мужчине, все едино не помешало деду взять верх.

–Смотрю, подутотил тебя Беловод? – Дергач широкой ладонью хлопнул молодого по плечу. – Я сам помню его руку, а уж сколь лет минуло! Доброго воя он из тебя взрастил. Возпрел?

–Да, все нормально.

–А то я не вижу! Семь потов с тебя сошло. Эй, там?! Явтух! Баню стопил? – окликнул кого-то из дворовых.

–Давно готова, боярин.

Было невероятно приятно сидеть в парной, истекая скатывающимся с тела потом. Ноги и руки привычно гудели от воинской работы. Славную трепку устроил ему наставник.

Вышли из парной слегка охладиться. Все втроем уселись под стеной. Сам Беловод, давая ученику слегка переварить назревшие мысли, откинулся к стене, оперся спиной о шершавую поверхность бревен, расслабившись, сидел с закрытыми глазами, молчал. Чего это с ним?..

В вотчине Дергача они вторую седмицу. После бани занемог дед, видать не в прок пошла разминка. Занемочь-то он занемог, да только обучения не прервал, подключив к сему действию хозяина сельца. А, тот и рад развлечухе!

Утро начинается, на-чина-ется! Снова выездка лошади, работа с мечом сидя в седле. Со двора доносилось приглушенное ржание лошадей.

–Выводи коня, – приказал боярин.

Чего, чего, а общаться с лошадьми Лихой не опасался, поэтому смело вошёл в конюшню, где стоял Рагдай, принадлежавший одному из престарелых дружинников. Однако конь совсем

не походил на своего хозяина. Зло кося коричневый глаз на незнакомого человека, он гневно бил о пол копытами. Подполковник невольно остановился.

Подошел Дергач с домочадцами. Сразу догадался, что новик струхнул. Улыбнулся:

–Выводи-выводи!

Пересилив робость, Лихой шагнул в стойло, призывно позвал:

–Рагдаю-ушка!..

Животное, почуяв нерешительность незнакомца, вновь застучало копытом. Конь захрипел и, круто повернувшись, прижал парня широким крупом к перегородке.

–Ё-о! – принудительно выдохнул воздух из груди. – Да, чтоб тебя...

Что тут делать? Либо пан, либо пропал! Лихой грубо прикрикнул. Конь на миг успокоился. Воспользовавшись этим, схватил уздечку, похлопал животину по шее и вывел на двор. Надо же, не цапнул! Зубы вон какие!

–Корпус держи прямо, не гнись!.. Свободней себя чувствуй, крепче шенкель, за луку не цепляться, упадешь – не расколешься! – покрикивал Дергач. И, наконец, скомандовал: – Рысью ма-а-арш!

Лихой пришпорил Рагдаю, с замиранием сердца, из замедленного шага сразу попытался перевести животное на рысь. Конь помчался галопом.

Не успел опомниться, как ноги его выскочили из стремян. Схватился было обеими руками за луку, но в ту же секунду его вышибло из седла.

Проклиная все на свете, Лихой поднялся и под общий смех побежал за конем. Снова в седле. Кажется приноровился. И ничего-то сложного нет! Только некоторые иные так не считали. Голос с ехидцей, спустил с небес самолюбования.

–Что ты сидишь на нем как пес на заборе?! Дитятко! Сколько можно тебе говорить, короче повод?!

Кажется, что выкрики Дергача слышны на всю округу, долетают даже до тракта. Во всяком случае, птичьи семейства, обосновавшиеся неподалеку от озера, притихли, невольно участвуя в учебном процессе, а дворня без надобности на двор носа не кажет. Белавка и та, поджав губы, смотрит на мужа осуждающе, но при всем, при том, молчит.

–Хлесткий удар с плеча! Та-ак! Еще круг!

Нынешний конь Лихого, такой же молодой коняшка, как и сам наездник, готов кажется от таких громких команд, шарахнуться в сторону, а уж сбросить седока, это пожалуйста, с нашим большим удовольствием! Егору бы, какого мерина поспокойней, да неповоротливого, а еще лучше старого и подслеповатого. Так нет, это наставник выбирал четвероногую бестию, небось по себе. Теперь езда, сплошная пытка для Лиходеева, видевшего лошадей ранее только со стороны. Ему бы БМДешку, ух, он бы показал Дергачу, кто есть «ху»! Дед разомлев на жарком солнышке, наблюдает весь процесс.

Мучения не прекратились. Последовала скачка, уже вдвоем по лесным звериным тропам. Только попробуй отстать от наставника! Потом на дерьмо изойдет. Куда только присущая Дергачу всегдашняя вальжность девается?

Ветви кустарников и деревьев хлестали по телу. Лихой припав к гриве, держась за хвостом впереди идущего коня, только и ощущал, как по морде стегают с шелестом и оттягом ветки. Хрясь! Хрясь! И так по всему лесному коридору.

Наконец-то поляна. Только успел выпрыгнуть из стремян, как новый приказ старшего:

–«Плуг!»

Выхватил из ножен меч. Сделав один небольшой шаг ногой, встал в указанную стойку, выставив перед собой жало клинка.

–Удар!

Резкий рубящий мах мечом.

–Левосторонний «Бык»!

И лезвие меча, направленное на Дергача параллельно земле, оказывается у левой щеки ученика. Правая нога в высоком полуприсяде выставлена вперед.

–Удар!

Меч несется вперед на укол и мах поперек на добивание, а в теории на выпускание кишок гипотетическому противнику.

–Добро! «Глупец!»

Руки опускают клинок вниз, руки удерживают его перед собой. Острие меча в землю. Дергач отступил. Переход. Шаг вперед. Наставник шагнул вперед. Отход. Два шага назад.

–«Крыша!».

Руки с оружием подняты вверх под углом примерно сорок пять градусов, но не горизонтально. Шаг ногой при переходе в стойку. Лихой до автоматизма отработал базовые приемы и стойки, делал все настолько четко, что его можно было бы выставять на конкурсы мечников, если бы таковые были.

Последовала очередная команда: «Хвост!». И ученик, засунув свое недовольство и усталость «в дальнее-дальнее, теплое и темное место», добросовестно выполнил приказ.

–Это тебе не за столом пировать! Настанет время, когда придется клинком с утра до ночи махать, тут-то и потребуется весь навык и выносливость. Понял ли меня отрок? Беловод постарался, воина из тебя слепил. Но кое в чем, к сему делу, и я руку приложу. Я тут пригляделся со стороны, и понял, есть малый пробел в твоём воспитании. Оно конечно не плохо, свой стиль проявился. Только грешно левую руку использовать меньше чем в полсилы. Непорядок это! С сего дня, буду наставлять тебя на работу со щитом в левой руке.

Лиходеев кивнул.

–А, защищаться теперь, будешь против секиры или нурманского боевого топора. Секиры у нас нет, вот топор в хозяйстве у запасливого смерда Мефодия, я возьму. Он почитай, что и боевой. Осознал?

–Понял, не тупее некоторых, – огрызнулся ученик.

–Тогда возвращаемся.

Топор быстро отыскался в сараюшке. Причем, был он массивен и «бородат». Рукоять деревянная, по бокам обита железными пластинами. Дергач с умилением показал деду новую игрушку, а Лихому заявил:

–То, что нужно! Будем считать, что в руке у меня секира. Именно это оружие я бы выбрал для пешего боя. Это страшное оружие в умелых руках, и поверь, даны им пользоваться умеют...

Лиходеев наблюдал за медленными действиями своего нового наставника, пытался запомнить каждую мелочь работы с топором. Толчки и зацепы за щит сверху, снизу, с обеих сторон, следовали один за другим. Темп учебы стал нарастать. Ко всему прочему, Дергач использовал толчки и удары ногами. Опять после занятий прибавятся синяки на шкуре! От сильных ударов щит трещал по «всем швам».

Чарка хмельного меда после занятий, привела боярина в приподнятое состояние духа. Скоро обед. Сам Беловод загадочно улыбался, глядя в глаза Лихому.

В трудах и учебе прошел май, а июнь перевалил за средину. Лиходеев учился, как губка впитывал науку обоих воев, телом становился сродни силе молодого бычка. Сноровка и обучаемость давала ожидаемые плоды. Работа окончательно проявила на свет уже не хлипкого отрока, а крепенького хлопца, способного уверенно носить на себе два пуда железа и без усталости крутить над головой меч, одновременно работая щитом. Как-то поутру, оставшись с хозяевами наедине, наставник изрек Дергачу:

–Нашему пристанищу у тихой речки подходит конец. Спасибо, старый товарищ за приют, за ласку. И тебе, хозяйюшка счастья в дом! – пожелал Белаве. – Собираемся!

–И куда вы теперь?

–Мир велик, дороги есть везде. Сон плохой мне приснился, Дергач. Мое время почти все ушло, кличут родовичи к себе в Ирйи. Пора нам в Курск, напоследок отрока к делу пристрою, а там...

–Можэ я с вами?

–Не! Тут недалече.

–Что ж. Легкой дороги вам!

-4-

Шанс не бывает единственным,
жизнь обязательно предоставит
еще один!

Пауло Коэльо.

К вечеру второго дня пути, обоз выполз к слиянию двух дорог. Широкий тракт, как принято на Руси во все времена, виляя, ныряя в низменности и поднимаясь на горки, подвел купеческие караваны к Курску. Навстречу попадались пешеходы, шагавшие из города. Женщины с лукошками и сумами, мужчины, тащившие холщевые мешки, гнавшие скотину, проезжали повозки, нагруженные разной утварью и рухлядью. Чувствуя скорое прибытие, повеселевшие людины стали подгонять лошадей. Солнце еще высоко и желательно попасть в город до закрытия ворот. Лихой, если б мог, поторопился б еще шустрей. Лежавший на повозке дед, был совсем плох. Егор спешил попасть к знахарке, которую еще и найти нужно было. Врачей в этом времени и этой реальности, на Руси еще не было.

При выезде из леса, сразу же проявились очертания большого городища.

–Курск! – с какой-то затаенной грустью просипел Беловод, увидав стены твердыни.

–Ты лежи, дед. Силы береги. Скоро сдам тебя на руки знающему человеку, поставит на ноги.

Потянулись ремесленные мастерские, кузни, судя по запаху, принесенному ветерком, кожевни и красильни, отнесенные на расстояние подальше к реке. Народу на большой рыночной площади было не много, сказывалось позднее время для торговли. По-правую сторону виднелись тщательно возделанные поля, что на них было посажено, Егора не интересовало, он лишь отметил присутствие порядка по всей округе.

Ворота прошли споро. Никто из вратарей на двух сирых путников даже внимания не обратил. Что с них взять? Широкоплечий отрок, обвешанный саквами, перехватив через плечо руку седого как лунь немощного деда, почти тащил того по центральной улице. Егор глазами искал того, кто мог бы подсказать в какой проулок свернуть. Беловод, что называется, отключился.

Наконец увидав благообразную старушенцию, лозиной гнавшую двух коз перед собой, остановил, задал вопрос:

–Тетушка, подскажи, где тут у вас знахарка проживает?

–Это юнак, тебе вон в тот проулок повертать надобно, а уж там тащи старого в самый конец улицы, крайняя к реке изба и будет той, якую шукаеш.

Поблагодарив, сподручнее взгромоздив Беловода на загорбок, поплелся по указанной улице. Пыхтя, и под тяжестью общего веса, едва переставляя ноги, досеменил до искомого пункта назначения. Улица давно кончилась, с нее соскакивала тропа и изгибаясь среди высокого кустарника, вилась в гору. Изба стояла практически на отшибе, не имея перед собой ни ворот, ни изгороди, ни мало мальски хоть низкого тына. Дальше нее, городскую черту с крутым берегом, отделяла от реки высоченная стена. Кто б поверил! Стольный град, а в нем такая глухомань. Свалил сумки у входной приступки в избу. Пристроил деда на импровизированную лавочку. Продышавшись, кулаком постучал в щелястую дверь. Тишина!

–Ты потерпи, дед. – Ободрил старика. – Сейчас пройду, разведая, что да как.

Обошел по кругу избу. Все как у всех. Махонький огородик, неподалеку цветничок. Видать бабке не чуждо чувство прекрасного. Метрах в пятидесяти темнели старым деревом еще два строения. Сарайчик и баня, прятались под сенью высоких берез, которые своими ветвями укрывали обе крыши.

– Где ж ты старая хоронишься? – вслух произнес Лихой.

Молодой задорный голос, словно откликнулся на заданный вопрос.

– С добром ли пожаловал, молодой?

Егор обернулся. Ну вот, всего лишь миг назад никого не было, и на тебе, молодая девчонка, стоит, понимаешь в белой рубахе до пят, ухмыляется. Чему ухмыляется? Из кустов, что ли выскочила, пигалица. На вид лет пятнадцать, если не меньше.

– Бабку позови, дело у меня к ней. – Насупился Лихой, сам при этом осознавая, что его молодое тело, притащило за собой и пацанячьи замашки.

– А, бабка тебе зачем? – ничуть не смущаясь, продолжала опрос малолетка.

– Много будешь знать, скоро состаришься. Зови, кому говорю!

– Ха-ха-ха-ха! – звонкий залиvistый смех, казалось бы, разбудил сонное царство ведуньего подворья.

Тишину вечерней темени нарушили песни сверчков, стрекотавших на все лады, а в ветвях березы подала голос ночная птица, Лиходеев и не понял, то ли сова, то ли филин. Кто разберет? Чай не орнитолог. Так же резко смех прервался.

– Тебе ведунью? Так она перед тобой!

– Иди, ты! – опешил он.

Если б не угол избы, за которую успел схватиться рукой, от удивления Егор мог очутиться на пятой точке организма. В его представлении, ведунья – горбатая старуха, с широким, бородавчатым лицом и крючковатым носом, своим всевидящим оком способная заглянуть в душу. А, тут... Опомнившись, пояснил:

– Деда я привез. Совсем старый плох. Поможешь?

– Идем.

На пару занесли старика в избу, расположили в темноте на неширокой лавке. Девка зажала светильник, и наконец-то Лихой осмотрелся в чужом жилище. Ничего необычного для этого времени. Мало того, что изба не стояла на курьих ножках, так еще и внутри все как у всех. Печь, сундук сбитый из массивных досок, та же лавка, то есть постель, покрытая домо-тканым рядном, на которой сейчас возлежал Беловод, массивный стол. На «слепой» стене куча полок с горшками, ступками и тесками, а под притолокой развешаны на веревках пучки пряных трав. Где старуха? Где черный кот? Где, десятка полтора хвостатых чертенят? Туда ли все же они попали?

Девичий голос вывел из раздумья.

– Шел бы ты молодец спать, а то, своими глупыми мыслями сбиваешь меня с панталыку.

– Куда спать?

– Да, вон хоть в сараяшку иди.

– Добро.

Егор почувствовал непреодолимое желание спать. Когда шел к сараю, глаза слипались на ходу. Как по лестнице на чердак взобрался и в сено плюхнулся, даже не запомнил.

Утро. Выспался... Во! Нет. Даже, во-о! Как на всю жизнь вперед. По лестнице не спустился, соскользнул с нее. Где здесь дом неизвестного архитектора? Обозрел округу. Не нашел. Малую нужду справил за сараем. Стоявшая у дверей бани кадь, на три четверти наполненная водой, пригодилась как никогда, вымылся, наполнив влажной прохладой крепкое тело. По тропинке подошел к избе.

Вчерашняя девка встретила у крыльца. На миловидном лице глаза ее ярко проявились темными пятнами под ними, знать ночка ей досталась та еще, нелегкая.

—Помер твой дед.

Сказала, как отрезала, заставив Егора чуть ли не шарахнуться от нее в сторону. Настроение резко скакнуло вниз, из глаз помимо воли выступили слезы.

—Да, ты не плачь! Прожил Беловод жизнь долгую, а временами, так и счастливую. Я уж и Родану позвала, скоро придет, отпоет старого погребальной песней, а к обеду Гнедаш на телеге свезет его к месту сожжения. Я присмотрю. Иди, простись. Дед передал, чтоб не ждал, пока он пеплом станет. Сказывал, что сам он не успел, так ты поутру чтоб шел в княжий детинец, нашел там боярина Милорада. Передашь ему просьбу пристроить к делу последнего из рода, то бишь тебя, а чтоб он не сомневался в правдивости твоих речей... вот!

Ведунья протянула ладонь перед собой. Лихой сразу признал на девичьей ладошке дедову шейную цепь из серебра, с круглым медальоном на ней.

—Беловод сказал, что «Колодяник» в солнечном круге дарил ему сам же Милорад, за спасение сына. Вот, мол хай позаботится о внуке. Кажись не забыла ничего.

На лавке лежал дед. Седой и высохший, хотя раньше Лихой этого не замечал. Всегда казалось, Беловод крепкий, богатырского телосложения. Присел рядом, поправил прядь волос старого воина.

—Что же ты, дед... — только и смог промолвить.

Надолго замолчал, вспоминая первую встречу с человеком, можно сказать, воспитавшим его в этой реальности. Послышались глухие голоса за дверью, а вскоре в горницу перевалилась через порог дородная женщина, с точки зрения нынешнего Лихого, старуха. Окинула взглядом покойника, затем Егора, грудным тягучим голосом сказала ему:

—Подь на двор, милай. Не сомневайся, отпою старца.

Лиходеев в чем был, вышел из избы, и сразу услышал слова ведуньи.

—Уходи. Найдешь время, за скорбом придешь. Пригляжу.

Кивнув, проглотил комок, подступивший к горлу, повернулся, и под звуки скорбной песни направился к тропе.

* * *

Каменная крепость, выстроенная в самой середине города, внушала уважение каждому, кто оказывался рядом. Твердыня. Иногородних пугали толстые высокие стены с бойницами, крытыми переходами и зубцами на больших квадратных башнях. Это была крепость в крепости, с внутренним склоном оборонительного рва, шириной метров десять, а то и больше. У ворот, на границе подъемного моста, княжий детинец охраняли наемники-даны. Неруси, со скукой во взоре, наблюдали за суетой дворовой челяди, наметанным глазом умудрялись в считанные минуты обшарить снующие туда-сюда повозки и телеги. Казалось бы, их никоей мерой не затрагивают беготня этих славян, приготовления к выезду молодой княжны на новое место проживания, хотя в городе про это не знал только слепой и глухой. Народ в Курске на все лады обсуждал предстоящее путешествие и бракосочетание...

Милорад вошел в отведенные князем одному из своих ближников покои, сбросил с головы колпак, обшитый бобровой опушкой, бросил на лавку. Следом, туда же полетел ремень с широкой пряжкой и пристегнутым к нему кинжалом. Потянулся стоя у открытого настежь окна, посмотрел вниз во внутренний двор цитадели, туда где мельтешили трудящиеся массы. Устал! Устал на участвовавших перед отъездом княжны боярских советах, от выборов посольского поезда, комплектования малой дружины, должной сопровождать невесту. Наверное, возраст подходит, молодых вперед пропустить пора! Вон и князь молод. Хотя, сколь помнит себя, люди не меняются. Чуть выше взобрался, и ну под себя подгребать, иные не разбирают ни роду ни племени. Хапают! Когда нажрут? Тьфу! Только б не увидеть того, что сыновья в таковых переродились! Но это не должно, закваска в них не та, корень крепкий.

Присел к столу, вынув из чехла нож, с тарелки отрезал кусок холодной свинины. Налитый в кубок стоялый мед, оприходовал в три глотка, закусил. Полегчало, даже силы прибави-

лось. Из чеканного ромейского графина снова налил в кубок питья. Стук в дверь оторвал от желанной влаги.

–Ну, кто там еще?

В проеме открывшейся двери стоял десятник Ставр, а за его широким плечом виднелась голова воя в доспехе, повернутая куда-то в сторону, сосредоточенная на чем-то за стеной.

–Прости, боярин. Вьюношу к тебе привели. Шустер дюже, умудрился мимо данов проскочить и по детинцу походить, а когда споймали, трепыхаться не стал, говорит твой человек. Вот, привели.

–Ну, давай его сюда. Посмотрим.

Пред ясны боярские очи, представили молодого парня, ничем особо не примечательного, разве что крепкий, высок, да взгляд не боязливый. Порода видна, явно не смерд. Только вот, чья порода? Рассмотрел не торопясь.

–Ну, что скажешь?

Щенок, а по-другому и не назовешь, молчаливо глазами указал на сопровождавших. Боярин жест понял.

–Выйдите!

Оставшись наедине, из-за пазухи что-то достал, на открытой ладони протянул Милораду. Боярин сразу узнал оберег. Лет десять тому назад он отдал его человеку, спасшему Дарослава, старшего сына боярина.

–Дед сказал, что вы пристроите к делу.

–Гм! Сам-то он где?

–Сегодня ночью помер.

Новый стук в дверь вывел боярина из задумчивости.

–Боярин, князь всех скликает!

–Иду! – И уже Лиходееву. – Жди здесь, до моего прихода из покоев ни шагу.

Ожидание затянулось надолго. Солнце на небосводе, проделав свой путь, зашло за стену ближайшей башни. Егор устроившись у окна, предавался невеселым думам. Опять в этом мире он один. Каким окажется берег, к которому судьба заставляет пристать?

Тяжелые шаги в коридоре, переключили все внимание на дверь. В комнату вошел боярин. Дорогая, плотная материя его вышитой рубахи, подпоясанной широким ремнем, украшенным серебром, всем своим видом указывала на значимость этого человека при княжеском дворе. Это, как погоны на плечах. Глянул. И ты знаешь, перед тобой генерал. Встречая хозяина покоев, Егор поднялся на ноги, да так и остался стоять под пристальным взглядом собеседника.

–Зовут-то тебя как?

–Лихой.

Чего позывной, а не имя назвал, и сам не подумал, поправился:

–Это прозвище, имя Егор.

–Хм! Ну, рассказывай, каков ты сам, хвались, чему тебя Беловод успел обучить?

Внутренний мир молодого тела, соответствовал количеству ранее прожитых лет, а работа в разведке меняет суть любого человека. В ход пошла заготовленная «легенда» о юном отпрыске боярского рода, а наводящие вопросы не могли сбить юный организм с заученных тезисов основной жизненной канвы. Не средневековому аборигену, было ловить его на мелочах. Все повествование выстроилось ровными рядами прожитых лет.

Боярин потянулся к чарке, повертел ее в руках, размышляя о чем-то своем. Изрек:

–Лихой! Лучше бы тебя Хитрым прозвали, или Лисом.

–Чего так-то?

–Объясню. Видать Беловод не удосужился про варну рассказать. Мы, живущие на этой земле, даем имена не только по складывающимся качествам мальчика, его очередности рождения в семье, иногда времени года, но и в соответствии с его варной. Все люди делятся на четыре

варны – ведуны, витязи, веси и смерды. Так было спокон веков. Варна – уклад жизни, это место в миропорядке. Дитя рождается голым, но возвращаясь, может стать кем-то.

Брови Лихого удивленно полезли вверх. Ухмылка на лице подсказала боярину, что ко всем его речам отрок относится скептически.

–Ага. Навидался, знаю. Кто смердом рожден, ним и остается.

Показалось, что пронзительные глаза Милорада, заглянули в душу. Взгляд усталый, знающий о чем говорит. Он усмехнулся, а вместе с улыбкой подобрели и его строгие глаза, кивнув, продолжил говорить:

–Прав, но не во всем. Росичи – внуки Дажьбожьи, прямые потомки богов, а боги славянские, когда-то в давние времена тоже были людьми. В скрижалях писано: «в прелъсть великоу не внидят мняще боги многы Пероуна и Хорса, и Трояна и иныи мнози ибо яко то чело-вцы были суть старейшины Пероунъ в елинахъ, а Хорсь въ Кипре, Троянь бяше царь в Риме». Понял ли?.. Все рождены от одних корней, но в силу обстоятельств, один может подняться, а другой упасть и боле не встать с колен. Однако – варна!

Лихой заметил, как разгладилось лицо боярина. Потеплевший взгляд по-новому оглядел его. Собеседник снова хмыкнул, видно пришел к какому-то выводу и он, этот вывод, был в пользу Егора.

–А, ты не по возрасту рассудителен и умен. – Поднявшись на ноги, боярин прошелся взад-вперед по широкой комнате, снова остановился напротив отрока. – Будет тебе дело. Садись и слушай!

Собеседники расселись глаза в глаза.

–Через пять дён в Ростов из Курска отправится свадебный поезд. Посольство повезет княжну Ладославу в жены князю Всеволоду Ростовскому отдавать. Послом поедет боярин Горыня со свитой. В поезде и ростовчане будут, и по слухам не все они приветствуют сей брак, как кстати и наша верхушка. Охорона поезда, пять десятков младшей гриди, десяток старших воев. Два десятка пеших данов, обеспечат защиту на привалах. Дальше няньки, мамки, челядь. Одного приданного двадцать возов будет.

–Не доверяю я наемникам, – не сдержался, перебил повествование Лиходеев. – По опыту знаю, продать могут в любое время. Кто больше заплатит пообещает, на того и работать будут.

–По опыту, говоришь? И большой опыт, отроче?

–Достаточный. У военных, начальник верный человек?

–Чего?

–Спрашиваю, воями кто командовать будет?

–А, ну да! Сын мой поедет, боярин Дарослав над всей охороной верховодить будет. Ты мне здесь сейчас никак не потребен, а в поезде свадебном, лишние глаза и уши не помешают. Тебя здесь не знают, а по возрасту еще серьезно воспринимать не будут. Ежели довезете Ладославу к жениху в целости и сохранности, будет тебе служба среди княжих гридней, а нет, так шкуру с живого спущу. Так и знай. Уяснил?

–Чего ж не понять? Ясно.

–Всецело доверять можешь Дарославу, волхву Красимиру, да вот Ставру, коий тебя ко мне привел, я им про тебя обскажу. Остальных сторожись. В поезде поедешь хлопчиком на посылах, оно и возраст твой позволяет. С завтрава осваивайся, вживайся, знакомься. Ехать тебе придется в свите княжны.

–Можно узнать предположительный расклад по скрытым недругам?

–Эко глаголишь? Но я понял. К Красимиру подойдешь, он разъяснит и подскажет. Еще? Что гложет, спрашивай.

–Все понятно. Мне б за вещичками к Желане заскочить.

–У ведуньи ночевал?

–У нее.

–Да-а, Беловодово подворье в граде, прежний князь по причине отсутствия наследников, вместе с челядью другому подарил, теперь уж и не воротишь. Что ж иди. Утром придешь.

Ведуны встретила Лиходеева у избы. Мимолетно брошенный на него взгляд, принес саркастическую улыбку на лицо девчонки.

–Варна позвала?

Не то спросила, не то, констатировала факт событий.

–Она, родимая! – пошутил Егор.

–Тогда пойдем в избу, в дорогу тебя снаряжать буду, несмышлениша.

* * *

Тени скользили по переходам подземелья, отблески огня на факелах слизывали темноту со сводчатой кладки потолков. Сквозняк. Не громким эхом прошлестел голос:

–Останьтесь здесь!

Одна из теней проследовала дальше, оставив сопровождавших у ответвления коридора. Шаги умолкли, позволив оставшимся на месте расслабиться и отвлечься от забот.

В широком подземном зале встретились двое. Если бы эту встречу видел сторонний наблюдатель, то понял, что они давно хорошо знают друг друга. После обоюдного приветствия, тот что пониже ростом, укутанный темным корзном с головой, первым начал разговор.

–Все ли готово к отъезду свадебного поезда?

–Да. И челядь и охорона подобраны и утверждены князем. Мои люди есть и там и там. Попытка убрать из сопровождения волхва, натолкнулась на сопротивление сему Милорада, а ежели сейчас убить Красимира, можем застопорить отъезд. Станут подозревать в случившемся всех, перетряхнут назначенных. Кто поручится, что все сложится как планировали?

–Бог с ним, пусть едет. Дорога дальняя, боярин Елага в нужное время озаботится о нем. Многим ростовчанам эта свадьба, что кость в горле. Наши все тоже на местах. В общем, я могу оповестить Чернигов о готовности начать свою игру?

–Можешь.

–Сколько у нас времени?

–Не боле седмицы, а то и меньше.

–Успеем. Прощай, брат. Если все сложится как должно, встретимся и ты не пожалеешь, что прислонился к Черниговскому столу. Князь пока доволен тобой.

–Прощай.

Звуки удалявшихся друг от друга шагов стихли. Дворцовые подземелья во все времена и во всех странах являются молчаливыми хранителями многих тайн.

...Викинги – не национальность, а призвание, они доставили немало хлопот цивилизованному миру. Морские разбойники с давних пор держали в страхе Европу, от Британских островов до Сицилии, дурная слава о них ходила и на Каспийском и на Средиземном морях. Попав на Русь, эти морские работники ножа и топора обжились, по берегам водных артерий образовали поселения и даже города. Сюрнес, Палтескья, Хольмгард, Ростофа, Сурдалар, Морамар. Через сотню лет преобразившиеся в Смоленск, Полоцк, Новгород, Ростов, Муром. Но морских разбойников как магнитом тянули богатства востока. Главным занятием викингов, были работорговля, грабежи соседей и нападения на купцов.

Через сотню лет викинги пришедшие в царство славян, кровно смешавшись с ними, преобразовались в воинскую касту, ассимилировались и позиционировали себя боярами князей славянских земель. Еще через пару сотен, полностью растворились в славянских народах и вновь прибывавших на службу скандинавов считали чужаками. А почему случилось такое разделение, понимали все на Руси. Варяги это ни разу не викинги. Те как были разбойниками так во всех временах ними и остались, для них пожива прежде всего. И то не от хорошей жизни. Беднота в скандинавских странах в то время была несусветная, вот и получалось, что для выживания народа необходимо ходить в вик. Переводя на современное понятие, чтоб прокор-

мать семью, мужчине приходилось с ножом выходить на большую дорогу. Варяги, это конечно воины, но они же ко всему прочему еще и системные администраторы на своих землях. Хозяйственники.

Бурлила Русь междоусобицей княжеской, никому из князей не давал покоя престол Халега. Когда-то Русское государство, собранное воедино его крепкими руками, раскинулось от студеного моря, до дикого поля, а через него и до Тьмутаракани на юге, от земель черемисов и дремучих лесов на Оке, до границы с ляхами и уграми. Гардарики – Страна Городов, так прозвали когда-то Русь, пришлые из-за Варяжского моря свеи, даны и норги. И действительно, много городов в русской земле, иные из них стольные, могут похвастать своим князем, правящим в границах местечкового княжества. Вот только не хватает на всех столов. А хоть бы и хватало, все едино, дележ несправедлив. Всегда кто-то старший, а кто-то под ним по закону рождения ходить обязан. Каждый мечтал стать Великим князем, правящим над всеми, каждый мнил себя умнее других.

Но князья, они не сами по себе. Под свою властную руку они собрали ближников обремененных детьми и родней. Бояре, дружинники, волхвы, да те же купцы, в конце концов, все держались за своего господина. Они готовы были лить кровь свою и чужую, рисковать головой, нести службу у князя, влезать в любую междоусобицу. Естественно все не за так! За все нужно платить, и князья раздавали своим слугам во владения угодыя вместе с проживавшими на землях смердами, обогащали, вооружали, водили в походы не только на врага внешнего, но и на неугодного соседа одной с ним крови.

Совсем недавно вольные людины, теперь были вынуждены работать в боярских усадьбах, в хозяйствах дружинников пожалованных землей. Теперь они пасли господский скот, отдавали дань и несли платежи. Сельские и ратайные старосты отслеживали работу на полях, тиуны присматривали за хозяйством, а сборщики платежей, вирники да ябедники вытрясали долги. Русь похолопили! Раньше на торгу нельзя было торговать рабами, а рабом мог стать только военный трофей – попавшие в полон в войсковом конфликте. Теперь на рынках любого большого города всегда имелось место для торговли живым товаром.

Рынок гудел как растревоженный улей. Богатый город Курск, тут и сказать нечего. Внизу на солнце серебрится вода Сейма, на причалах белеют паруса пришедших в города Посемесья кораблей с товаром со всех концов земли. Однодревки снуют по водной глади, напоминая жучков-плаунцов. Сам торг не маленький. Купцы с востока разложив заморские товары призывно зазывали в свои ряды. А, и было на что посмотреть! Здесь тебе и оружие, и дорогие ткани, сушеные плоды невиданных фруктов. Все чего душа пожелает. Свои тоже не отстают, откуда только навезли всего, но нет в них вычурности инородцев, хитрой торговой хватки. Наши попроще будут, прямолинейней что ли. Торгуются, стараясь не уступить. Да-а! В Ростове рынок скудней и поменьше. Вот ряды волынян, здесь они держат марку. Сияет на солнце посуда из серебра, отделанная чеканным узором. Радуют глаз тесненные серебряные колты, украшенные тончайшей сканью серьги, поделки из черненого серебра. У купцов из Новгорода свой ряд. Тут в основном мехами торгуют. Шкурки лисы, бобра, соседствуют с куницами и соболями. А вот и шитые изделия из них. Шубы, шапки-боярки, колпаки отороченные мехом, И это все на любой вкус и кошель.

Подходи народ! Не ошибешься! Не увидишь желаемого, найдем и представим! Покупай!

Вот лавки греков. Златотканые паволоки уложены в ряды на прилавках. Но дорого! А где подешевле? Походи, присмотришься. Ежели повезет, найдешь подешевле. Можешь пока вин заморских отведать. Во-он боченки стоят, и виночерпий на разлив ними торговлю кажет. Да. И румское там тоже имеется.

Дальше, рядами стоят гончарные поделки – корчаги, кувшины, черпаки, даже амфоры для масла и вина. Стоят себе от мала до велика. Дальше соль в мешках. Также не дешовое удовольствие. Пряности. Изделия из дерева. Шумная пестрая толпа, как на шарнирах ходит

ходуном. Только здесь можно столкнуться с любым из сословий. Только здесь, народ глазее больше на вещь, выставленную на прилавок, чем на проходящего мимо.

Велинег, сопровождаемый двумя воями дядьки Елаги, во все глаза пялился на понравившийся узкий меч. Ну что за вязь по темному клинку, а заточка какая!

Он молод, всего пятнадцать весен минуло, но уже воин и оружие его прельщает больше всего на свете. Дядько Елага, родной братан отца, взял с собой хоть и не в боевой поход, а мир показать, да приучить воями управляться. Он не подвел, смотрел на все, подмечал. Поделился с боярином мыслями, как несется служба в курском детинце, в чем отличие выучки ростовчан от курских бойцов.

Ну что за диво клинок!

—Что за него хочешь? — спросил молчавшего купца в полосатом до пят халате с навернутой материей на голове, пристально, хитрым взглядом змеи, наблюдавшего за юнцом.

Купец-проныра, успел повесить улыбку на уста, только рот открыть собрался, когда от прилавка напротив покупатель растянув шаль перед собой в прикиде, стоит ли покупать, нечаянно спиной зацепил потенциального клиента. Сопровождавшие тоже хороши, отвлеклись, не уследили. От толчка молодой барчук животом слегка впечатался в прилавок, выдохнул, будто выплюнул:

—Ну, т-ты...

—Прощения просим!

Обернувшись Велинег взглядом встретился с наглыми глазами ухмылявшегося курянина примерно его лет, с короткой стрижкой волос на голове, в простой одежде и высоких сапогах тонкой выделки.

—Прощения просим! — парень свернул шаль, скорей решил, что инцидент исчерпан и можно торговаться дальше.

—Ну ты, морда немытая!...

Дальше не продолжая словоблудие, Велинег от всей души зарядил кулаком по лицу неожиданному подобной выходки сверстнику. Э-эх! Хорошо приложился, вон недоносок даже через прилавок перекатился. Суета в ряду нарушила торговлю. Откуда ни возьмись видоки протолкались, определяя, можно ли пожить за счет нарушителей спокойствия, но оглядевшись, прикинув откуда воины при полном доспехе, отвалили, решив не связываться. Недобро глянул на дядькиных воев, сделал внушение:

—И куда вы смотрели? Меня так и зарезать могли, и кошель спереть! Ну!

—Дак...

—Все боярину обскажу, как вы его племяша бережете! Паскудство! Пойдем, чую весь фарт испортил.

За прилавком с тканями завозился пришедший в себя потерпевший, но Велинег уже выкинул случившееся из головы. Все-таки пришлось оглянуться. Вставший из-за прилавка давешний оппонент помотал головой, напомнив собаку отряхивавшуюся от воды. Рядом мельтешил купец, хозяин лотков, возмущенно курлыкая что-то на своем непонятном языке.

—Бу-уру-у! Знатно приложил. Ну да ничего, как говорится, один раз, не пи... гм, не этот самый. Эй, малый, ты куда? Разговор не окончен!

Рукой оттолкнувшись от прилавка, хлопец махом перескочил в проход. Ну и рожа! Лицо заплывшее фиолетовым фингалом, походило скорей на свинячью морду, даже прохожие отшатнулись. Упырь, наверное краше будет, прости Господи! Теперь-то охранители не сплывали. Расталкивая народ, ринулись на курянина, а тот дурачина стоит на месте. Сейчас порвут как два секача неудачливого охотника.

Улыбка истаяла с лица Велинега. Курянин мало того, что не сбежал, так еще и непонятно как поизголялся с людьми боярина. Грузчики на пристанях так развлекались с тяжелыми мешками при разгрузке судов у нерадивых, жадных купцов. Уронив воев на землю, парняга прямо

по их телам прошел к побелевшему лицом ростовскому бояричу. Не вступая в словоблудие, кулачищем ткнул Велинега в холеное личико, словно лошадь копытом приложилась. Белый свет померк, утихомирились звуки, успокоение нагрянуло сразу, и может быть навсегда.

...Велинег приходил в себя медленно, иногда снова выпадая из реальности. Болело лицо, мутило и кружилась голова, почему-то ныла правая рука. Очнувшись в очередной раз, осознал, что лежит на лавке в отведенной для него комнате. Чернавка вытиравшая влажной тряпкой с пряным настоем его лоб и шею, заметив это, радостно вскрикнула и убежала. В комнату ввалилась грузная фигура дядьки. Боярин Елага сидя подле болезного племяша, долго и нудно выговаривал ему, пеняя на неумелость и неумение себя вести со смердом. Обвинял того в коварстве и бесчестном нападении, а служилых людей курского князя в нерасторопности и отлыниванию от своих обязанностей как дознатчиков.

–Ничего-о, за все мне заплатят. Скоро заплатят! Ты племяш оклемывайся шустрей впереди дело нас ждет. Надоел этот град. В Ростов вернемся, перед девками гоголем ходить будешь, я обещаю!

И ведь будет. Дядька знает, что говорит. Сон снова увел его в дальние дали, теперь уже просто сон.

А вот Егор с рынка сбежал только после того, как рассчитался с обидчиком. При всем, при том, успел кинуть монету нацмену и прихватить приглянувшуюся шаль. Ввинтился в толпу и словно растворился в ней. Кураж прошел, смог даже добродушно пошутить над курьезной ситуацией. До подворья Желаны добрался без происшествий, а ведунью нашел на грядках за избой.

Увидав постояльца, девка от необычности внешнего вида парня, где стояла, там и уселась на попу. Прижав кулак к губам, округлила глаза. Нет, не от испуга, смехом давилась. Было на что посмотреть. Красавец! Вымолвила:

–Ой, лихо ты мое! Где ж тебя носило? Кто так постарался? Или в чертогах княжеских так встречают юнаков пришлых?

Лиходеев, словно мальчишка, потупился. Тем самым вызвал еще больше смеха у девицы. Лицо его вновь преобразилось от этого, но уже в перезревшую тыкву.

–А-ха-ха! Ой не могу!

Из-за пазухи достал шаль, протянул сидевшей на пятой точке девушке.

–Тебе! – Попытался объяснить. – На базар заходил. Вот там и...

–Поня-атно.

Приняв подношение, встала на ноги. Как и всякая нормальная женщина, но без жеманства набросила подарок на шею, любуясь, провела рукой по рисунку изделия мастеров, умиленно улыбнулась. Вопросительно глянула на Лихого, будто спрашивая: «Ну, как мне, идет?».

Лихой выставил перед собой кулак с поднятым вверх большим пальцем, выдохнул:

–Во-о!

–Ой! – Спихватилась, приходя в привычное состояние. – Идем в хату, лечить буду, горе ты мое.

–Я за скарбом пришел.

–Уже догадалась.

Ранним утром Лиходеев был в князем детинце. Вселился в крохотную коморку в задних коридорах первого этажа – обиталище челяди. Хоть и отдельно от других, а все ж, как ни крути, проходной двор. Кладовка, ни как иначе, окна-то нет. Дверь на замок не запрешь, по причине отсутствия оногo. Зачем дворовым замки, у них и барахла то мало. Да и не вольные они, в отличии от Лихого, холопы. Разложив шмотье. Вздохнув, подавив позывы сарказма, упрятал, если так можно сказать, оружие под топчан с матрасом из соломы, при себе оставив лишь нож, приступил к исполнению своих новых обязанностей. Как там у Кожевникова в «Щите и мече»:

«Только вживаться. Чтобы ни было – вживаться». Теперь точно уже никогда не будет подполковника Лиходеева и нужно постараться, чтобы случился боярин Лихой, именем Егорий!

Прошло четыре дня с тех пор, как в замке появился молодой парень, волею случая и кого-то из ближников князя, приданный в свиту невесты. У Егора сложились самые дружеские отношения, с окружением княжны. Молодые боярышни приметили шустрого хлопца, не смерда и не челядь, но и не гридня, так, непонятно кого, подшучивали над ним. Он не железный, спермотоксикоз из ушей лезет. Пару чернавок успел оприходовать, но если и дальше так будет, то и в курятник с боярышнями придется лезть. Многим из барышень в скором времени предстоит переселиться в стольный град Ростов, а нравы в этом времени достаточно простые. Гридь из младшей дружины, вечно крутившаяся у покоев невесты, смотрела на вольного служку с пие-тетом. Они воины, а он кто? Он же держал себя со скромным достоинством человека, отлично сознающего разделяющее их неравенство в положении. По возможности старался быть незаметным, как ветошь на полке. От всего этого бомонда одни хлопоты. Весь день, Егор – подай, Егор – сходи, Егор – пригласи. Крутился юлой. Положительные моменты тоже присутствовали, кухарки и повара приветили. Всегда сыт.

Милорад не допекал, но свое око приставил. Интеллектуал блин! Мыслитель! Знал Лиходеев такой сорт людей. Им хлеба не надо, им службу давай! И мировоззрение подходящее – обладать властью над людьми. Выведать их слабости, копить улики по поступкам и действовать когда кто либо из ближнего круга князя проявит непокорность. Вот и получалось, и князь ценит, и он при власти. Отсюда и высокомерность, чопорность. Даже с равными себе, тонко и леденяще вежлив. Всюду искал измену. Лиходеев подвернулся ему как никогда кстати. Чужак, молодой, неопытный, чтоб подняться копытом землю рыть будет. Лихой и рыл, но только по другому поводу. Его в командировку посылают, а он зелень зеленую, весь в непонятках. А в воздухе пахнет войной. Чернигов не дремлет, и если б Лиходеев встал на сторону противника, первым делом, он навел бы шороху при переезде свадебного поезда. За то короткое время, что он в Курске, ничего толком естественно не успел сделать и это раздражало, не позволяло спокойно спать по ночам, он ведь в действительности не был юнцом в отличие от телесной оболочки. Вот так.

За день до отъезда в княжеском дворце случился пир. Наро-оду-у! Яблоку негде упасть. А на столах разносолы, дичина, заморские фрукты и сласти, местные меда, домашнее мясо и птица. Пиво рекой лилось, а уж ромейские вина кадушками. Пей, гуляй!

Видел Егор и своего обидчика. Сидел тот среди гостей ростовских. А лицо-то у него, в отличие от Лихого, отдает сивой незаживших фингалов, да и к правой руке бережно относится. Окликнули. Эх! Он не гость, можно сказать обслуга. Ага, кто там кличет? Точно, волхв. Чего это потребовалось «среди шумного бала, случайно...» Красимиру?

* * *

Не все гуляли на пиру, варна у каждого своя. Теплая, ясная ночь. Глянцевитая поверхность неширокой реки отражала и луну, и звезды, и синеву неба. Из близкого леса тянуло запахами перепревшей листвы. Горько пахли травы. Даже с засеянных полей, проросших сурепкой, кашкой и полынью, доносился нежный медовый запах. Сумбурный день остался позади. Вдали потерялся и непролазный лес, тайная тропа, по которой Колган вывел отряд. По лесной малохоженной дороге, покрытой песком с проросшей через него травой, кони шли спорой рысью почти бесшумно.

Прозор во главе своего воинства, усиленной полусотни конных ратников, держал путь на северо-восток, ведя людей на рискованное дело. Вывести дружину к месту сбора сотник Илия судя по всему так и не смог, а времени нет, а до Ростова верст полтора на юго-восток, ежели не больше. Как бы не пришлось менять планы, на коленке рассчитывать новый расклад по захвату.

Хромого, с двадцатью бойцами отправил вместе с проводником в передовой дозор. Душа наполнилась тревогой и опасением, вдруг не успеют или сойдутся с пути. Земли чужие, кто поручится, что где-то впереди не мог находиться враг. Вероятность встречи с отрядами ростовских бояр, крепивших границы, была велика. Если бы путь свадебного поезда пролегал по Муромскому шляху, то можно бы было попытаться вступить в стовор с вятичами. Уж у ихнего заря с князем Ростовским мира нет. Так, из года в год, сплошное перемирие. Друг дружке готовы шеи перегрызть. Только ведь невесту кружным путем повезут. Жаль!

Прозор с седла оглянулся назад. Лица едущих следом за ним воев, отчетливо белеющие на фоне зыбкой бледной мглы от бликов «ночного солнца», представились ему беспокойными и даже невеселыми. Не успел порадоваться просторам полей, когда вернувшийся с дозором Колган оповестил:

– Плохо дело, атаман!

– Чего случилось?

– Ошую, – указал пальцем, – за той опушкой стан воинский. Воев в нем больше чем нас. Дозоры не спят, а по следам можно понять, что разъезды посланы по сторонам.

– Что мыслишь об сём, Колган?

– Ничего хорошего. Не нас ли ростовчанам продали? Мыслью из Чернигова протекло.

– Мыслитель... Сейчас что делать?

– Вертаться, Прозор.

– Назад нам ходу нет. Сам знаешь, оплата принята.

– Не в Чернигов. К перекрестку вернемся, а там айною просочимся. Выведу. Только все едино время потеряем и лошадей загоним, они не людины, им отдых нужен.

– Веди.

Всю ночь в седлах. Лишь перед самым рассветом атаман распорядился спешиться, обиходить лошадей и передохнуть самим. Из чувства предосторожности костры разводить запретил. Место для привала было выбрано удобное. От опушки соснового леса, в пятистах саженях угадывалось окутанное туманом мелкое сельцо, вот там и передохнут до обеда.

Белесый, зыбкий туман нехотя отполз в низины, открыл взору наполовину заглубленные в землю бревенчатые избы за околицей, а вместо частокола виднелась обозначенная изгородь из слег прикрепленных к кольям. Из полусонной деревни раздавался беспечно залиvistый ор петухов, мычание коров, призывающих хозяек к утренней дойке. Где-то неподалеку поскрипывал колодезный журавль. От жилища потянуло духовитым дымком и теплым запахом парного молока и свежее выпеченного хлеба.

...Жителей не щадили. Никому не нужны лишние глаза и уши, свидетелей не оставляют. Расположились с комфортом. Скотину порезали, жрали от пуза. Как ни подгонял, а после обеда не стронулись с места. Не успели.

Два десятка чужих воев, набирая скорость, поскакали по деревне, заставив ватажков десятков торопливо поднимать в седла своих бойцов, ища спасения в бегстве.

– Сотня в клин! Полусотники за мной, остальным бить татей стрелами. Ма-арш!

Будто тяжелый молот в размахе набирающий силу удара, клин ростовчан в молчании набирал скорость по дороге, готовый втянуться в селище и ударить по врагу. Видать не всех деревенских изничтожили, кто-то добрался до засечного воинства князя Ростовского.

Отряд втянулся в селище и ударил в ошестинившихся оружием разбойников, распался по мере продвижения по проулку. Русы по трое-пятеро въезжали во дворы, стоящие справа – слева вдоль улицы, тут же спрыгивали с лошадей с мечами и саблями наголо, со щитами в руках. В самих дворах, где ранее орудовали пришлые, то тут, то там попадались лежащие на земле смерды, старики и дети. Раскинув руки, они приняли смерть, их кровь уже успела впитаться в песчаную почву. Понимая, что пощады им не ждать, ватажники сопротивлялись

иступленно. По селищу пошли пожары, горевшие избы едким дымом и огнем пыхнули быстро. Вот под прикрытием дымовой завесы, кое-кому удалось улизнуть.

Прозор с двумя десятками самых верных людей, уведенный Колганом в сторону болот, не видел как ростовские витязи выталкивая из избы связанных бойцов из его ватаги, уже неспешно стогнали полон к центру селища. Не видел он и того, что посланные по следу дозоры, дойдя до кромки болота, остановились. Следы уходили в топь, так что все в порядке. Тем более, враг лошадей бросил. Куда татам деться? Сами утопнут, скоро ночь ляжет на землю.

—Мы на острове, а ходу дальше нет.

Колган почесал лысую голову, исподлбья глядя на атамана лишнего форта. Зря он так посмотрел. Прозор такого взгляда простить не мог. Свет полной луны, словно призрачным днем отбеливал два десятка фигур сгрудившихся подле старшего.

Как выбраться? Ростовчане перекрыли горловину в «мокром мешке». Сами в болото до рассвета точно не сунутся, но и Прозору с остатками ватаги дальше ходу нет.

В лунном мерцании кажется, что болотистая земля в любую сторону простирается далеко, усеяна маленькими, густыми сорняками и скелетами высоких, рваных деревьев, чьи ветки высунулись из воды словно длинные, скрученные руки, лишь сам остров пупком чуть возвышается над мутью бездны. Миг... и темные, густые облака скрыли луну. Шепот за спиной...

—Мы все здесь погибнем! Не выберемся! Утром придут ростовчане и порубят нас!

...заставил мысли бежать вскачь. Прикрикнул:

—Молчать! Выберемся! Всем отдыхать!

Подозвал Колгана.

—Ищи тропу, Колган.

—Атаман, с острова тропа только назад есть. Зверь дальше не ходит, я проверил уже.

Поразмыслил. Впереди смерть. Позади... Позади ростовчане, а значит тоже смерть. Выход один. Чтоб не захлебнуться и не утонуть в этом грязевом дерьме, так лучше продать свою жизнь подороже, захватив с собой хоть кого из врагов. Спросил:

—Утром ростовчане могут на остров выйти?

—Почему нет? Мы ведь вышли. Звериная тропа указана ясно.

—Ладно. А ты по темноте обратно выведешь? Только чтоб тихо!

—Сам выйду. С тобой, тоже. А чтоб всех... Нашумим.

—Понятно. Как только тучи затянут луну, выходим.

Колган кивнул.

Прозор разделил отряд на три части, «железной рукой» прекратив недовольные шепотки.

—Первыми по тропе пойдем мы с Колганом. Снимем часовых. Через полчаса после нас выдвигаются Гусь, Третьяк и Стоян. Они для усиления будут. Еще через полчаса, остальные...

Колган повел по тропинке, ведущей по болоту. Прозор споро двигался за провожатым. Оставшаяся ватажка наблюдая за тем, как две фигуры скрылись в ночи, задалась вопросом, а что если утонут. Что тогда? Чап-чап! Хлюп-хлюп! Едва различимы звуки под ногами.

—Тише, Прозор! Дыши спокойней. Ног из воды полностью не вынимай.

Чап-чап! Прошептал:

—Еще тише.

Через указанный срок, трое назначенных отправились следом, но не торопились. Ночь! Затянутый грязью след едва был виден. Да и то, выглянувшая поганка Луна, заставила замедлиться. Страшно! Чап-чап! Хлюп-хлюп! Все трое были уверены, что видят какие-то темные тени и фигуры на болоте, но пока Бог бережет — ничего не происходило.

Наконец, Колган с Прозором увидели темнеющий лес и возвышающийся над болотом берег. Дошли, что-ли?

–Тише! Отдыхаем. Восстанавливаем дыхание. – Зашептал проводник. – Дымком от костра потянуло. Люди в лесу хоронятся, но нам повезло, лесовика с воями нет.

–С чего решил?

–К болоту приблизились, а вот звериную тропу не нашли.

–Так может...

–Тише. Сейчас медленно пойдем, на берегу по-левую руку уходим. Оттуда поглядим, как тройка наших выберется. Если тревогу не подымут, я их приберу...

Выбрались. В кругу света под соснами, у мерцающего костра мельтешили тени.

–Не спят.

–Тише. Отходим.

Мужчины стояли молча в темноте, напрягая глаза, и ожидая, что подойдут следующие ватажки и может быть произойдет что-то ужасное. Хлюп-хлюп! Идут. Когда разошлись облака и выглянула луна и свет на секунду озарил землю, оба заметили троих своих, тенями замерших перед кособоким твердой земли.

–Чего встали?

–Тише, атаман! Кажется не заметили. Сейчас я их скраду. Будь здесь...

Колган привел всех троих. Запыхавшихся, вымотанных, злых, еще не отошедших от страхов ночи на болоте.

–Отдыхайте. – Распорядился Прозор.

Усталые люди попадали под деревья, сейчас их голыми руками брать можно было. Колган объяснил атаману их дальнейшие действия.

–Как увидим остальных, тут-же уходим. За моей спиной держитесь, нам бы только лошадей раздобыть и по-тихому их увести.

–Согласен...

Чап-чап! Хлюп-хлюп! Два десятка оружных татей не могли идти тихо. Даже дышали люди шумно. Кажется, что с появлением людей сама тьма воскресла и выбралась из болота наружу черной слизистой жижей. Сидевшие на берегу люди Прозора посмотрели самое начало уничтожения ростовчанами своих невезучих товарищей, расслышали громкие вопли и крики ужаса. Затем тучи снова закрыли луну, и все вокруг потемнело. В этой темноте тонули в болоте пронзенные стрелами ватажки, плата за жизнь атамана и его приближенных...

-5-

Часто случается, что именно с пустяка начинаются самые важные в мире вещи.

Харуки Мураками.

Хорошее нынче выдалось лето, земля давно подсохла, а весенние паводки на реках сошли к привычному уровню воды, и без проливных дождей не поднимались. Днем гридням в доспехе воинском жарко, ночью прохлады заставляет лишь под утро слегка кутаться в мех, не двигаться поближе к костру. Оно конечно и в походе на землю лапник подсунуть нужно и укрыться, иначе обвеет ветерком, а земля тепло с тела потянет. Пообвыкся Лиходеев, своим средь всех стал. Воины поднесут молодому, весь день бегавшему на посылках у взбалмошной княжны, кусок слегка прожаренной убоины. Няньки добрым словом приветят, опять же боярышни взглядом окинут, словом зацепят, а бояре так и вовсе не замечают, кажется считают пустым местом, а он тому и рад. Тенью прошмыгнет у отдельного костра, там ухо наострит, здесь прислушается к тихому разговору.

–Не хочу, сыт я, дядько Ставр, – мотнул головой, отказавшись от краюхи хлеба с копченым мясом на ней.

–Охо-хо, – осуждающе произнес десятник обычной сторожи, к гриди и нурманам касательства не имеющей, воин преклонного возраста. – Зовсим сынку оголодаешь в дороге. Воину

первое дело поест от пуза потребно, чтоб сила в теле была. А, ты? Приедем додому, что боярин скажет?

–Все добре будет.

Лиходеев запахнул на себя волчью шкуру мехом наружу, с изнанки подшитую пестрой материей, опять отвлекаясь, глянул в ночную темноту. Средине июля, уже ночи не такие и темные, просто сосны при дороге отбрасывали тень на всю поляну, на которой расположился стан свадебного поезда. Снова думы полезли в голову, никуда от них не убежать. В какое время живет?

Бросил поленце в костер, с интересом наблюдая, как один из языков огня неторопливо и последовательно протаптывает себе дорожку по коре на стволике дровины. Пламя резче полыхнуло, окутало огнем все поленце, в один миг, догнав прожорливого собрата, с аппетитом потрескивая, выпустило в ночную мглу сноп искорок. Рядом у костров разместились воины охранной полусотни. У самого края под лесом, ощущалась плотная масса лошадей, пофыркивающих, издающих сотни разных негромких звуков.

Вспомнились слова напутствия Милорада перед самой дорогой.

«Присматривайся, прислушивайся. Если что, знак волхву подай. Запомни, любой человек имеет свои слабости, он может быть жаден, ленив или властолюбив. Князь всяко дело может взвалить на плечи избранному ним, но этот избранник должен знать, что неусыпное око, всегда смотрит как исполняется порученное. Вот и смотри».

Пламя костра заворачивало, уносило вдаль сознание, заставляло с мыслью соскальзывать в сонливую одурь.

–Караулы проверил. Ночь сегодня обещает быть прохладной. – Как через вату в ушах, слышал голос Дарослава. – Что молодой?

–Заснул, сердешный. Умаялся за день в седле. Ты бы, боярин, тож лягал. Знаю, за ночь раза три вставать будешь, а завтра уже по Ростовским землям пойдем.

–Ништо, Ставр, до Ростова доберемся, там и отосплюсь.

–Когда это будет?

Показалось, что вот только глаза прикрыл, а дядька уже за плечо трясет.

–Вставай Егор, ясный день на дворе! Поезд вытягивают.

Какой поезд? Откуда он тут? Продрал глаза. Ясно! А чего он ожидал? Вozы вытягивали в колонну. Утренняя свежесть ласкала прохладой не отошедшее от сна тело. Деревья одеты в ярко-зеленое убранство, выстроили по сторонам дороги пушистую изгородь. Мягкая трава стелется по обочинам, наполняя воздух своим запахом. Казалось, выпавшая на траву свежая роса, заставляет распускаться лесные цветы. Эх! Хорошо все же жить, дышать и всеми фибрами души чувствовать. Лето – ягодная пора. Несомненно зайдя он сейчас в лесной бурелом поглубже, пройди его насквозь и обязательно набредешь на поляну усыпанную ковром земляники, под деревьями отыщешь костянику, а малина, так она и вовсе выперлась к дороге, ее еще не поспевшие ягоды видны из под листьев.

Егор, ехавший на молодой кобылке рядом с возком княжны, окруженном по сторонам охороной, за плотным строем которой понукая лошадей скачет основное воинство, различает на слух как за придорожной стеной ветвей в глубине леса кипит жизнь. В воздухе жужжат дикие лесные пчелы, птицы завели свой веселый концерт, радуясь новому дню. И его мысли витают где-то там, в чаще. Лошади тащат поезд по наезженному летнику, глухо отбивая копытами по песку дробь. Вот мелькнуло что-то за кустом и пропало. Как будто куст сдвинулся с места, и пересек дорогу впереди! Ха-ха! Это заяц, замаскированный под цвета летнего леса, решил перебраться через дорогу. Просвистевшая справа от Лихого стрела, заставила животное сотворить кульбит через голову и замереть на веки вечные. Молодой боярин Вышезор, явно рисуясь перед высокопоставленной девицей, с восторгом прокричал:

–Хо-хо-хо! Княжна, зверье тут непуганое, пока до привала доедем, заполюем его на добрый обед!

–Добро, боярин. – С ленцой в голосе произнесла своенравная дева. – Вот ездай вперед, да, настреляй зайцев.

Сам напросился! От слов хозяйки, Егор чуть смехом не подавился. Как раз проезжали поворот, и летник сузился, сомкнувшиеся ветви зеленой тканью закрыли синеву неба. С ветви дерева, прямо на шеломы витязям посыпались ореховая шелуха и шляпки желудей, это запасливая белка готовит себе тайничок с едой на зиму.

–Ты дивись бесово семя, – прыснул в усы ехавший по другую сторону возка, волхв. – Хорошо, что ничем другим на голову не наделала!

Ехавший впереди поезда десяток воев, услышав такое, заржал, словно расшалившиеся жеребцы, и смех этот перекинулся на весь караван, заставив приумолкнуть пичуг у дороги. Смеялся Лихой, смеялась княжна, а вместе с нею и мамки с няньками. Дарослав видя, как его люди расслабились, подал команду:

–Ставр! Десяток в галоп, ма-арш!

Лошади подогнанные шенкелями, сорвались с легкого бега на скачку, оставляя телеги и брички с возами далеко позади, понеслись вперед, разгоняя руду по жилам. Лихому теперь некогда было раздумывать на посторонние темы, оставшись рядом с возком без ближнего прикрытия кавалерии, озирался по сторонам, не вылетит ли из-за ближайшего дерева стрела. Некачественно поступает боярин, опрометчиво. К тому же земля здесь уже Ростовская. Вон, на приближение большого населенного пункта указывают и возделанные, колосившиеся рожью поля и пара весей, встреченная воинами в стороне от дороги. Лес был все таким же густым, как и в малонаселенных районах. Где-то впереди, показалось, что на самой дороге, три раза прокуковала кукушка и за поворотом сотня притормозила бег лошадей. Навстречу не торопясь рысили два всадника одетых небогато, без броней, но на добрых конях.

–Принять с дороги! – прокричал им один из воев Ставра, скакавший на четверть стреллица впереди всей процессии.

–С каких это пор бояре, словно простые смерды, должны уходить на обочину? – возмутился один из всадников, годами постарше, с посадкой воина на лошади, но калека не имеющий левой руки почти по самое плечо.

–Ша-агом! – распорядился Ставр, пристально вглядываясь в калеку. – Кто будете?

–Боярин поместный, Скородум, с сыном выехали на объезд вотчины. А вы кто?

Десяток не распался толпой, лошади встали, покачивая гривами и отфыркиваясь после скачки. Появившийся Дарослав с парой воев, сблизился с встреченными ними людьми, приглядываясь, будто пытались определить, кто они есть на самом деле.

–Сопровождаем княжну нашу в Ростов на свадьбу.

–Слыхали про то, что наш князь женится, но, чтоб так на дороге повстречать... Счастья-то ей воочию пожелать дозволишь, боярин?

–Поехали.

Однорукий Лихому не понравился сразу. Бывает так, увидишь человека, и вроде бы чего там, а вот не лежит душа, хоть тресни. И то, как вел себя калека, откровенно уничижительно для боярина, и то, что его усадьба поблизости оказалась, все дышало опасностью. Вотчинник раскланялся, в гости пригласил. Пообещал, если почтут честью наведаться, как раз к обеду в усадьбу поспеют! Вот ведь, пригласил же ирод, а пигалица согласилась. Егор репьем приклеился к ростовчанам, незаметно подвинув под руку замотанный в тряпье меч.

Придерживая повод коня единственной своей рукой, Скородум повел подбородком в сторону Лихого.

–Се есть кто из твоей родни, княжна?

– Не угадал, боярин. То мой мальчишка на побегушках. Он у возка завсегда ошиивается, вдруг мне слово донести кому надобность придет.

Как-то так случайно, а может и не случайно, сошли с широкого летника. Весь поезд заполнил собой дорогу поуже. К обеду в поместье не успели. Уж слишком медленно шли телеги с приданным. Высокий и большой деревянный терем в окружении хозяйственных построек и частокола широкого двора, с распахнутыми створами ворот, неожиданно появился после поворота. Красив, ничего не скажешь, сработан умельцами. На воротах как водится, вратари ожидали хозяина с гостями. Всем на подворье не разместиться, большая часть гужевого транспорта осталась за «забором». От Лиходеева не укрылись вороватые взгляды дворни, изредка бросаемые на охраняемое добро. Ну, это ладно. Как там Милорад сказал – «человек может быть жаден». Пока распрягали лошадей и устраивались для долгого привала, обошел подворье. На заднем дворе все жарилось и шкварчало, с фасада устанавливали столы, накрывали скатертями, таскали из погребов соленья, квас, брагу, стоялый мед, и то, попробуй прими у себя такую ораву. Зачем это нужно одному? Исхитрился, обследовал терем. Вроде бы все как должно быть, вот только не нравится ему что-то. Вот, что? Уловить во всей этой кутерьме никак не мог.

Мучаясь непоняткой, возле сарая нос к носу столкнулся с Красимиром. Волхв рачьими глазами уставился на Егора.

– Ну?

– Не нравится мне здесь. А, что не нравится, понять не могу. – Своими ощущениями поделился Лихой.

– А ты напрягись. Тебя зачем посылали? Не нравится ему! Мне тоже не нравится, и что?

Лихой пожал плечами. Красимир цепкими руками схватил его за плечи, попытался потрясти, да не получилось, силушка у Лиходеева теперь была, дай бог каждому. Сказал со злостью в голосе:

– Иди! И чтоб глаз с княжны не спускал, да по сторонам смотрел!

Лихой и пошел. Ходил, смотрел со стороны, как чествуют Ладославу со всей ее свитой. Смотрел, что чаркой не обнесен ни один курский воин. Непорядок конечно, но не криминал для этого времени. Не запретишь. За такой запрет, легко могут и чавку начистить. Блин! Ну, что ж так гнетет-то?

Шараханье из стороны в сторону, привело к тому, что столкнулся с Милованом, сыном местного боярина.

– Ты чего отрок угощение не тронул? Али брезгуешь боярской снедь? Я за тобой давно наблюдаю. Вижу, ты в каждую дырку нос сунуть норовишь.

– Да, что ты, боярин!

Лихой пытался на скорую руку выжать из себя оправдание своим действиям в усадьбе. Что придумать, что сказать?

– Животом с утра маюсь, вот и мечусь. Есть-пить не могу, не лезет. Мне б молочка, чтоб пронесло!

– Х-ха! Нет коровы в усадьбе. Это в деревеньку к смердам кого, посылать нужно. Так ведь недосуг, гости.

– Придется терпеть.

– Ну-ну! Только под ногами не путайся – пожалеешь.

Милован ухмыляясь, пошел к столам с пировавшими, оставив Лихого в крепком раздумье. Меж тем, дворня на стенах частокола закрепляла горевшие факела и светильники, солнце последними лучами озаряло небосвод, ему на смену выползла темень. Скоро Среча вступит в свои права, совсем стемнеет. За руку ухватил проходившую поблизости Велижанку, девку княжны, определенную в прислугу.

– Веди в покои княжны, покажешь, где они! – потребовал у хмельной чернавки.

—А, чего это...

—Веди, стерва!

—Идем.

Проведя по коридорам первого этажа, показала большую комнату с широкой лавкой, покрытой пуховиком, подушками и тканым одеялом. Два окна стеклянные слюдой, больше походили на бойницы. Худого дитяню протиснуть можно, а вот взрослый явно не пролезет. Отрадно, комната пуста.

Через двор в сумерках пробежался за частокол, разыскал свои саквы. В темноте, торопливо выпотрошив их прямо у колеса, стал пихать в одну из них все, что посчитал необходимым. Под кафтан пристроил дедов меч, и сторожась встречных людей на пути своего следования, пробрался в дом. В комнате распихал под одежду и снарягу все нужности. Сакву и ножны от меча бросил под лавку, залез туда и сам. Да, пофигу ему вся красота княжны, пусть хоть всю ночь голой перед глазами вертится, ему своя шкура дорога. Если что, ведь боярин Милорад слово сдержит. Устроившись поудобней, притих, стал ждать.

Как всегда мысли полезли, да все не те. Вот и пойми теперь, нужно ли было перед уходом в эту дыру, штудировать исторические справки и летописи. Сейчас, следуя по дорогам Руси, он из седла мог видеть и анализировать происходящее в ней. Нужно сказать, что на его взгляд картина совсем не радовала. Мало того, что дороги кишели разбойным элементом, а целые деревни выходили на тракт с целью легкой добычи. Это их большой поезд не трогали, а если судить по следам, другим путешественникам доставалось. Не так уж и страшно то, что поместные бояре взымали мзду с проезжих по их землям, производили самый настоящий рэкет, так еще в глобальном масштабе сами князья, из-за бесконечных усобиц, изменяли торговые пути, проводили рокировку населения на подвластных землях. Для простого крестьянина это убытки, а в целом все это зло. Лиходеев со слов купцов и простолюдинов, в голове у себя мысленно рисовал карту государства, отмечал, что прежние маленькие деревянные городки превратились в многолюдные столицы княжеств. В них были выстроены мощные кремли-детинцы, в центре высились белокаменные княжеские палаты. В городах развивается ремесло, растет число ремесленных специальностей. Города становятся центрами окружающих территорий, военными опорными пунктами.

Стоп! Что-то неуловимо нужное, касавшееся поездки пронеслось в мозгу. Так, так, так! Ага! Говоришь, коровы в поместье нет? Верю. У тебя здесь не только коров нет, но и бабы отсутствуют. Челядь, одни мужики. Как же раньше в голову не пришло? Старею, видать.

Сунулся было покинуть пригретое место, да тут в коридоре услышал шум приближавшейся толпы. Мать честная, как же теперь? Куда? Придется лежать и ждать, что будет.

Дверь отворилась и в покои впёрлась толпа. Среди голосов Лихой разобрал присутствие Дарослава, волхва, иных бояр посольства, а уж мамки да няньки кудахтали почище любой насадки. Минут пятнадцать терпел хмельной бедлам. Потом мужики удалились, а женская часть общества, приготовив Ладославу ко сну, уложив княжну в кровать, наконец-то тоже покинула помещение.

Невеста полежав и поворочавшись с боку на бок, по всей видимости осознала, что не все исполнила прежде чем заснуть. Поднялась с кровати, повозившись и найдя что сиюминутно потребовалось, поставила на пол посудину буквально в полуметре от лица Лиходеева. Откинув рубаху и раздвинув ноги, присела. Твою-ж мать нехай! Мамкина норка во всей красе, хоть и достаточно темно, но вполне различимо. Звук напора струи в темном помещении, ясно дал понять о происходившем. Не могла все это проделать в другом месте, устроила понимаешь, порнуху с извращениями. Пьянь. Ногой подсунув емкость под кровать, прямо к голове невидимого охранника, улеглась. Чуть полежав, сонным голосом попросила напиться квасу. Сенная девка, кажется Огнеяра, набулькала ковшиком, поднесла, а забрав назад, завозившись в своем

углу, успокоилась, засопела. Егор, какое-то время лежал неподвижно, затем убедившись в том, что девки спят без задних ног, отсунув ночной горшок в сторону, выполз из укрытия.

Стоявший на круглом столе светильник, едва освещал покои. Взяв его в левую руку, Лиходеев по кругу стал обследовать комнату. Потолок высокий, из массивных, грубо рубленых досок, нигде никаких прорезов и в помине нет. Стены. Стены из бревен. Двери крепкие, изнутри запертые на брус-щеколду. Попробуй такую открыть, задолбишься пыль глотать. Если через нее входить, так только прорубаться. Вон и петли кованые. Ну, под кроватью все чисто, раньше проверил. Взгляд упал на лицо спящей княжны. Спит. Красивая, странно, раньше не замечал! Спит, раскинулась, сопит в две дыры. Интересно устала или подпоили? По всем признакам, так больше на второе похоже.

Огнеяра на сундуке. Девка крепкая, такую снизу из-под пола, сразу-то и не сдвинешь, постараться надо, силы приложить. Вместе с сундуком на центнер с гаком потянет. Шаркая ногой, при этом подсвечивая светильником, проверял каждую доску пола. Облом-с! Пол цельный, хоть чечетку бей! Неужели ошибся? Поставил светильник на место, выставил по центру комнаты табурет, с мечом в руках уселся на него, погрузился в ожидание.

Время медленно ползло по темным стенам отведенного покоя. Глаза самопроизвольно прикрылись веками. Такое чувство, что только сморгнул. Вот, уже и глюки от недосыпа!

Стол у самой кровати, чуть скрипнув доской, приподнялся сантиметров на пять. Панель под ним стала сдвигаться в сторону, а из щели образовался луч свечения.

–Ё-ё-ё!

На кошачей лапе, Лихой метнулся к задней части стола, встал расставив ноги на ширину плеч, примерился ударить первого, кто появится над уровнем пола. Из подполья показалась рука, сжимавшая в кулаке дужку масляного светильника. Неизвестный из норы подземного хода осмотрелся по помещению.

–Ну, что ты там застрял? Знаешь ведь, что Прозор торопит!

Голос был знакомым.

–Успеет твой Прозор в свой Византийский ад попасть, но меня там точно не будет, а ежели и придется отведать все то, чем он нас всех пугает, так только после него! – прошипел в ответ человек поднимавшийся первым.

Скрип ступени и над полом показалась голова в колпаке. Тянуть было нельзя и Лихой, как битой, с размаха приложил голоменью меча по шапке со стороны левого уха. Материя и мех, погасили звук удара, а Егор торопливо подхватил светильник из водночасье ослабевшей руки, поставил его на пол. Просунув руки подмышки бандиту, вытащив его на поверхность, уложил рядом с лядой. Не успел дух перевести, как следом лезет другой клиент. Не мудрствуя, потянул все его тело на себя, с отвратным звуком сворачивая шейные позвонки. Уже покойника вытащил. Кто следующий?

Третий схитрил. Зная, что в комнате свои уже должны шуровать, поднимался, развернувшись телом в сторону Лихого, к тому же выставив перед собой клинок меча. Умный? Ну, так получи! Егор с силой воткнул свой меч сбоку под подбородок. Бульканье выталкиваемой крови, нарушило спокойствие ночи. Можно было не тихариться. Мертвое тело с шумом соскользнуло в подпол.

Услышал из темного зева подземелья.

–Эй! Вы чего там?

Не таясь, громко ответил:

–Чего-чего! Живу я здесь! Какого лешего вы там вошкаетесь и честным людям спать не даете?

А в ответ тишина, едва различимое совещательное шушуканье. Наконец разродились:

–Т-ты кто?

–Дед Пихто! Пошли отсюда, полуношники! В такое время спать нужно, а не по соседям шариться.

А ведь действительно послушались. Звук удаляющихся шагов оповестил о том, что его пока оставили в покое. Надолго ли?

Пока время позволяло, связал оглушенного придурка, мечтавшего жить долго. Подсунул бесчувственное тело к дальней стене. Подойдя к сундуку, ладонью похлопал по щекам Огнелю. Результат нулевой. Точно опоили! Поднапрягшись, все-таки груз не малый, перетащил девку на кровать к княжне, а ту в свою очередь поместил в опорожненный на пол сундук, даже крышку прикрыл, но так, чтоб дышать могла. Сделал рокировку фигур на поле. Если и убьют его, то есть шанс, что не разобравшись, в темноте утянут вместо одной, другую девицу.

–О-ой! – послышалось из темноты. – Кто это меня так приложил?

Ответил, восстанавливая дыхание после известных телодвижений:

–Ну, я, И, что?

–Слышь, малой? Отпусти, а? Я тебе заплачу серебром!

–Угу. Плавали, знаем.

–Правда заплачу, у меня есть!

–Ладно, посмотрим. Ты лучше скажи, чего это боярин Скородум так за нашу девку взялся?

–А он никакой и не боярин, – чувствуя, что с ним пошли на контакт, распинался задержанный. – И зовут его Прозором. Тать он черниговский, тамошнему князю служит. Надысь пожаловал с малой ватажкой, нас под себя подмял, вот и маемся. С души воротит – византийскому богу мольбу чинит.

–О, как! А вы сырые и убогие, словно бараны в отаре за пастухом бегаєте. Поместье-то чье?

–Отпустил бы ты меня, мил человек?

–Я вопрос задал.

–Тутешнего боярина Скородума вместе с домочадцами и дворней Прозор порешить приказал.

Пленник замолчал. Ага, это он своих услышал, сразу и риторику изменил. Словесно погрозил Лиходееву:

–Живым ты отсель не уйдешь!

Вот и началось! Вывать к рассудительности никто не стал, предложений не последовало. Входная дверь в покои содрогнулась под ударом топора. Дубовая, хрен сразу раздолбишь! В подполье послышались шорохи. Полезли, крысы! А вот и слюда на окнах ссыпалась на пол, в бойницы просунулись наконецники стрел.

Егор задул светильник, схоронился за массивным столом. Десяток ударов сердца в груди, и из подпола показался разбойник. Едва смахнул с его плеч голову, как вражья стрела рассекла ухо.

Полегче, ему это тело слишком дорого!

Проткнул второго, при этом едва разминувшись с очередной вестницей смерти. Броском загнал свой нож, которым обычно пользовался за столом в грудную клетку здорового бугая. Стрелы посыпались как очереди из автомата, пока спасала темнота, стол и спинка кровати. Дверь очередной раз содрогнулась и затрещала. Не долго мучилась старушка! Лихой понял, осталась малость, скоро вломятся на ремни порежут. Дотянувшись, потянул одеяло с кровати, вылил на него масло из светильника, чиркнул зажигалкой, единственной вещью, оставшейся у него от прошлой жизни. Воспламенившуюся материю откинул к двери, следом пульнул светильник бандитов, при падении разлившийся, оросивший дерево потоком. Огонь вспыхнул сразу и сильно, перекинулся на тряпье, вывернутое из сундука и не стесняясь стал вгрызаться и пожирать сухую древесину пола.

–Пожа-ар! – заорал, что есть силы.

Ему вторил голос пленного, при свете огня, проявившегося из темноты под стенами.

Сорванная с петель дверь принесла с собой поток свежего воздуха, а тяга из окон и под-земелья, заставила полыхнуть языки пламени еще сильнее. Из коридора послышался голос Прозора:

–Девку хватайте, лентяи! Выносите!

–Так, огонь там!

– Скорей-скорей! Шевелитесь сонные мухи!

Задыхаясь от дыма, Лихой из-за кровати видел как двое мужиков схватив в охапку заку-танную в простыню Огнеяру, надрываясь и кашляя, потащили к выходу. Припекало. С трудом дождался пока звуки лошадиных копыт и ржання, прекратятся на боярском подворье. Сунув-шись к сундуку, взгромоздил на плечо исходившую кашлем, не пришедшую в себя Ладославу. К внутренним покоям дома, из-за огня пробиться было сложно, ну и огонь тягу внутрь имел, поэтому по ступеням, едва не оскальзываясь на свежей крови, спустился в подпол, спотыкаясь на трупах, прошел по кишке подземного хода, густо заполненного дымом.

-6-

Всем известно, Жизнь – Театр.

Этот – раб, Тот – император,

Кто – мудрец, кто – идиот,

Тот молчун, а тот – оратор,

Честный или провокатор,

Людям роли Бог дает.

Для него мы все – игрушки,

Расставляет нас с небес...

Валентин Гафт.

Легкий ветерок разносил полуденную жару, сдувая ее с полян, внося в лесной коридор дорожного тракта одного из древнейших путей на территории ростовского княжества. Старая дорога пролежала неподалеку от реки. Во все времена по рекам или по их берегам продвигалось, осваивая новые земли, пригодные для земледелия население края. На берегах же рек, возникли и первые поселения, а затем выросли мелкие городки, от этих мест до Ростова многие версты, большее время года представлявшие собой картину непролазного бездорожья.

Верховые, скакавшие на лошадях, отмеряли дорогу в колонну по два. Десяток оружных, одоспешенных витязей шли передовым дозором, ведя за собой хвост поезда. Возки с людьми, груженные телеги, со снующими рядом со скабром всадниками и замыкающий шествие отряд конных воев, на версту вперед оглашали округу слухом о своем приближении. Не только из-за жары, но и по причине дальней дороги, бронь везли в кожаных сумках, щиты и шоломы ремен-ными петлями приторочены к стремени у самых лошадиных круп. Попробуй в жару два десятка килограмм постоянно носить на себе! А, случись что, передовой дозор всяко придержит врага, вои быстро оденут доспех, прикроют тела свои железной защитой. Стороннему, будь встретится таковой на дороге, сразу ясным станет, что ведет малый отряд молодой боярин с рубцом через бровь на лице. Уж слишком гордый взор у него, уж явная осанка начальствующего. Видать, не привык гнуть спину человек. Во-он, кого они сопровождают! Краса-девица в легком возке, видать сама княгиня. Свита при ней немалая.

Егор давно перестал замечать восторженные взгляды колхозников по поводу проезда поезда мимо населенных пунктов аборигенов. Давно осталось за плечами приволье пограни-чья, дубравы и перелески, возделанные смердами поля и их веси, веселые светлые леса. В при-роде стала заметна перемена. Лес в землях Ростовских, бывший и без того густым, надвинулся на курян темной громадой, в иных местах сходилась над летником непроглядным шатром, стал сумрачным, а воздух в нем как-то потяжелел, запах сладковатой прелю мхов и прошлогод-

них листьев. Теперь даже деревни у дорог встречались редко, и только тропы, уходящие от них в чащобу, говорили всадникам о том, что где-то совсем рядом живут люди, которые не спешат появиться на глаза чужакам. Халупы и полуземлянки на пограничных землях, сменялись во встреченных селах, рубленными четырехстенными избами. Редко за частоколами высокой изгороди боярских усадеб возвышались терема, на взгляд Лихого, очень отличавшиеся от известных ему по рисункам из книг и по фильмам о средневековой Руси. Одно слово – нищета, прости Господи!

После жаркого приема «боярина Скородума», где княжну чудом удалось спасти от лап разбойников, а два десятка душ, воинов и свиты, перекочевали из этого мира напрямик к пращурам в Ирий, приходилось ночевать в селах, а чаще всего просто в лесу у костра. За все время, постоянный двор повстречался лишь раз, да и то, седмицу тому. Степняки, так те судя по всему, в эти места наведаться еще не успели. Куда им! Не очень то и спешили сложить кости в глуши эдакой. То ли действительно, лес их смущал, то ли дальность расстояния от Дикого поля – непонятно. Забрехала уверенность в том, что дальнейшая поездка пройдет без приключений.

Хватит приключений. Сыт! Угревшись у костра, Лихой вспомнил, как он тащил на себе Ладославу, как преодолев сто метров, отделявшие частокол забора от лесомассива, спрятав девку в кустах, а сам вернулся обратно. Ходил между возами и телегами, пытался разбудить спящих. Дохлый номер, опоили качественно. У кого такое зелье купили? В жизни всяко бывает, адресок «аптекаря» мог бы и пригодиться. У полыхавшего ярким пламенем терема, наткнулся тогда на Красимира. Зарезали волхва, видать чем-то помешал бедолага. Еще несколько трупов курян видел. До утра трясся как осиновый лист, боялся, что вернутся. С рассветом перетаскивал княжну в становище, устроил в возке, а сам караулил до тех пор, пока народ не стал просыпаться. В то же утро доложил обо всем Дарославу и до самого вечера отсыпался в одной из телег. Все, спать! Не его дело еще и ночью караулы проверять. О! Вот и дядка Ставр подходит. Свет померк, вырубив уставший за долгий день организм. Сон принял его в свои объятья.

Показалось, только глаза закрыл, а уже тормозят. Не хочу-у!

–Вставай Лихой!

Ростовский боярич Велинег, с которым подружился после памятного пожара, тормозил за плечо.

–Вставай! Княжна кличет.

Сел на пятую точку, продрал глаза. Чего нужно от него этому прыщавому юнцу? Как банный лист, право слово. Но смешно, ростовчанин ведь так и не признал в нем обидчика в инциденте на курском торгу. Зевнул.

–Чего ей?

–Я почему знаю?

Потвора, один из десятка Ставра, подвел уже заседланного Буланку.

–Сидай боярич. Скоро поезд тронут.

–Спасибо, Потвора.

Смотри-ка, а ведь после того как не дал княжну похитить, у народа статус по отношению к нему вырос. Надо же, боя-ярич! Оба пионэра пустили коней легкой рысцой, а вскоре подъехали к готовому тронуться возку.

–Где тебя носит, Лихой? – наехала молодая госпожа. – Тебя вечно нет, когда нужен!

–Что прикажешь, княжна?

–Уже ничего. Без тебя управились. – Поджала губки, тут же забыв о нем, обратилась к боярину. – Дарослав, когда поедет?

–Поезд выстроен, княжна.

Боярин вдев ногу в стремя, поднялся в седло. Мимолетно скосил глаза на Лихого, ничего не сказал, тронул поводья, поравнялся с возком Ладославы.

– Вели двигаться, боярин.

– Велеба, готов десяток?

– Готов.

– Выдвигайся передовым дозором.

– Слушаюсь!

– Правая колонна повозок, начали движение! Возницы, подгоняй лошадей. Пошел-пошел!

...Нет ничего глупее, чем попасть из огня да в полымя. Но они попали. И случилось это, до обидного обыденно. Наезженный тракт вывел дозор к дотла сгоревшему мосту через реку, заставил следовавших за ним вклиниться в скопление телег и повозок. Поддавшись стадному чувству, на взгляд Лиходеева, сотворили глупость, пристроились к тележному поезду купцов, наяривавших лошадей, спешащих как можно скорей и дальше оставить в стороне порченное место. Потом, то ли от невнимательности, то ли по злему року судьбы, прощелкали развилку летника, пошли вместе со всеми по более наезженному тракту. Разошлись с попутчиками, уже самостоятельно искали брод, мост или переезд. Только тот, как заговоренный, не находился. Поди ж ты, на какую из дорог не становились, она как и положено подходила к реке, а дальше или круча, или пологий берег, но брод отсутствовал. Нет, ну право слово, это только в России могут дорогу построить ведущую в тупик, деньги потратить на ее стороительство, а чтоб перед начальством оправдаться за истраченные средства, презентовать ее как идеально ровную, соединившую один населенный пункт с другим, скромно промолчав о тупике. Получается, реальность иная, а повадки у народа одинаковые.

Лошадь Велинега рысила бок о бок с коньком Лихого. Надо же, сначала рожу бьет, а после в друганы набивается. Кстати, в отличие от Егора, фэйс ростовчанина до сих пор в неприглядном состоянии. Двигаясь, Велинег успевал доверительно поведать другу про свое житье-бытье:

– Эх, Лихой, только после смерти отца, я понял, как мне его не хватает. Ты бы видел, как мы под Ростовом с отцом охотились на всякого зверя, в своих родовых угодьях. В пущах лесных, два тура метали меня рогами вместе с конем, олень бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал...

Надо же? Выходит это Лихой не первый пацану дрозда выписал!

– ...Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь у колена потник укусил. Лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и Род сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей. Отец посмеивался, говорил, что крепкий род у нас. Он сам, на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давал себе покоя. На посадников не полагался, ни на биричей, сам делал, что было надо. Весь распорядок и в доме у себя тако же сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок свой завел, и у конюхов. О соколах и о ястребах заботился. Бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным на своих землях. Вот каков был боярин Гостята. Мы ведь род от варяжского корня ведем. Все в семействе воины. Теперь отца нет. Старшим в роду теперь брат отца считается, боярин Елага. Он меня в посольство с собой взял, чтоб навык был с людьми дело иметь.

– Ну и как? Появился навык?

– Не знаю. Наверное.

Миновав деревеньку, дорога вывела к одинокому полю, возделанному у самого летника. По другую сторону от дороги раскинулся лиственный лес, за которым, как уже знал боярин Дарослав, шел обрыв к реке. Лиходеев остолбенел, находясь в седле, наблюдая необычную для него картину, на недавно убранном куске земли. Женщина, одетая в полотняную рубаху и поневу перекаtywалась по обработанной земле, и что-то бубнила в голос. Разобрать, о чем она

говорит было невозможно, далековато до нее. Рядом с ней застыло все семейство, углядевши проезжавший княжий поезд, пялились на телеги и всадников.

–Спятила баба? – кивнул в сторону смердов Лихой.

Велинег хмыкнул в едва пробивавшиеся усы, удивленно глянул на товарища, практически менторским тоном пояснил «недоумку»:

–На поле, хозяйка дома выходит на очищенное место и катается по последней полосе или грядке, приговаривая: «Нива, нива, отдай мою силу». Здесь считают, что после этого обряда земля отдает женке потраченные на нее силы. В чем-то ты прав. Безумцы. С селянами всегда так, ничего не поделаешь, сплошная глупота.

Поле осталось позади, а летник углубился в лесной массив. Солнце зашло за кроны деревьев, раскинув полутень на все живое вокруг. Пора было искать пристанище на ночь, но возвращаться к оставленной позади деревеньке не хотелось, да и проехал караван от нее уже верст пять.

Выскочили к речке и телеги поколесили по кромке обрывистого берега. С головы колонны прискакал воин передового дозора.

–Боярин, брод нашли, только Велеба велел передать, что на том берегу оружного люду много. Старого знакомого видели.

–Кого?

–Однорукого. Похоже тати дорогу перекрыли.

Дарослав придержал коня, Лихому почудилось, что побледнел начальник, но тот решившись на что-то, справился с чувствами.

–Остановить телеги! Сигурд, со своими воями, бери княжну и посольство в кольцо охраны. Всех кто чужой – убивайте! Ставр, свой десяток выдвигай первым, стрелами расчистить проход. Остальной отряд, вздеть брони, пойдем на расчистку брода. Шевелись!

За плечами Дарослава, свиньей для атаки, выстраивалась конная гридь. Мечи, секиры и копья пеших ратников не могли нанести серьезного ущерба бронированным всадникам, и стоило некоторым из них прорвать первые ряды пехоты, как той оставалось лишь с честью погибнуть. Поэтому очевидно, что набранные «с бору по сосенке» ополченцы не могли рассчитывать на успех в схватке с великолепно подготовленными гриднями, хоть и молодой дружины, каждый из которых в совершенстве знал «свой маневр».

–Готовы? За мной марш!

Даны тоже исполнили свой урок. В считанные минуты отделили возок княжны от передних телег с рухлядью, подогнав ближе, прикрылись задними, загнав в охраняемое ими пространство лиц оберегаемых, и не обращая внимание на причитание женской половины поезда, заняли позиции для отражения налета. Для данов все происходящее не было чем-то выходящим за рамки привычной работы. Необходимость принимать первый бой с численно превосходящим противником привела к тому, что у них к снаряжению и подготовке воинов предъявляли особые требования. Еще их предки, создали в высшей степени оригинальную и действенную систему всенародной подготовки и соревновательного отбора бойцов «без отрыва от производства», Лихой подметил, что молодые скандинавы воспринимают происходящее почти как игру.

Где-то там, впереди каравана, слышался шум боя, едва различимые крики, и доходившие до ушей глухие удары. Рубятся! На прорыв пошли.

Лиходеева с Велинегом сунули под самый берег, чтоб не мешали щенки драться, если придется. Что их ждет? Серой неприметной тенью, из глубин и темных углов души, на поверхность прошмыгнул страх. Это бывает, не лежит душа к предстоящему деянию, и все тут!

–Тебе страшно, Лихой? – задал вопрос друг.

–Не бояться только дураки. – Ответил не глядя на парня.

Скосил взгляд на соседей. Вот уж две противоположности. Уже знал. Слева прикрывшись бортом телеги сидел Орм, молодой воин. Может быть, пошире его самого в плечах будет, да рыжий волос на растрепанной бородке жидковат. Доспех у него явно похуже, оно и понятно, род то захудалый, мужчины почти все бонды, хозяйством живут. Зато сам Орм повадками на Сигурда, старшего у данов схож. Смел, быстр и напорист. Вон, уже стрелу на лук наложил. Небось приготовил ее для будь первым показавшегося татя. Даже если б не наступившие сумерки, Лиходеев вряд ли увидал бы страх в глазах этого парня. Он это знал наверняка.

Справа, Хрут. Этот, потомственный викинг. Спокоен как камень. Вот и сейчас разлегся прямо под сосной за дорогой, ожидает любого приказа. Ничем не проймешь! Руки раскинул в стороны. Хорошо, что Сигурд на другой стороне охранного круга, ох, он бы его сейчас... В правой руке меч, левую продел в ременные петли щита. В сече злобен словно тролль, а после боя любит много выпить. Ни в какие рассуждения в жизни не вдавался. Тупой, как сибирский валенок. Ему медвежья сила разум заменяет. Может так и надо? Егор усмехнулся своим сравнениям.

Из лесной чащи слышались звуки приближения людей, по цепи передали приказ хевдинга:

—Быть готовыми...

А вскоре со стороны в которой ратились, появившийся одинокий всадник, явно не свой, подняв руку, помахал нею. Гормкий голос Сигурда врезался в уши.

—Бей!

Предсмертный крик кого-то на возах совпал с повторной, но уже громкой командой вождя.

—Бе-ей!

Из луженых глоток в один голос вырвался боевой клич данов:

—Тил ор-русту-у! Бар-ра фёлдин!

Да, именно на битву, именно в бой – призывал каждый из них соплеменников. «Бара фёлдин!», «Только силой!» – в виках привыкли брать все, что понравится, все, что под руку попадется. Вальхалла – «Палаты погибших в бою воинов», ожидают каждого из них!

—Что за...?

Егор боковым зрением, и то в последний миг, увидел как Велинег металлическим кистенем, по форме походившим на грушу, наносит ему удар в голову. Сделать уже ничего не успеть. Смог лишь чуть отклониться, прижать подбородок к груди. Все! Свет погас, будто кнопку выключателя нажали.

Он уже не видел того, как его друг столкнул тело с крутого откоса в реку, при этом, губы его расплзлись в кривой улыбке. Не слышал напутственных слов: «Тебе на роду написано, в этой реке раков кормить, байстрюк! Вот и корми!».

И хорошо, что не видел и не слышал, потому что даны, волками набросились на тех, кого обязаны были защищать, и резали их без зазрения совести, а завершив кровавую баню, с похищенной княжной и тремя посольскими ростовчанами, ушли в лес, не забыв прихватить с собой самое ценное из приданого невесты.

* * *

Боярин Часлав имел свой кусок земли на окраине земель ростовских, но всю жизнь кормился войной. Не за горами старость, только он не заметил, как и время пролетело. Два сына подросли. Вон, первенец по левую руку скачет, статью и силой в отца пошел. Жену схоронили, когда в походе был. Кто за хозяйством присмотрит в его отсутствие? На тиунов надёжи мало. Воровитая порода, глаз, да глаз нужен. Самому недосуг, нет спокойствия у границ, да и в самих княжествах его нет. Так уж с дедовских времен повелось, как только в пределы Руси внезапно вторгался враг, князь обращался к своим подданным, и тут же все способные носить оружие собирались в столицу, там экипировались и после строевого смотра выступали на позицию,

а разгромив неприятеля, возвращались к мирному труду. Он, Часлав, нет. Скучно ему дома. На отдыхе, лишь два удовольствия – на охоте из логова поднять медведя, да, в своих деревнях устроить на праздник игрища в форме кулачных боев «стенка на стенку», где каждый чувствовал локоть товарища и придерживался строгих правил. Оттуда и дружину набирал всегда.

Удивительная стойкость людей в отряде, которой отличались от иных его вои, именно из потешных боев ковалась.

Часлав обернувшись в седле, окинул взглядом свое воинство. Было на что глянуть, даже в Ростове его люди беднотой не смотрелись. Рубахи на воях с длинными узкими рукавами, с ластовиной под мышками, разных цветов, белые, синие и красные, с вышивкой по вороту, по талии подпоясанные неширокими поясами, на коих мечи с перначами смотрелись богато. Высокие сапоги, закрывают порты на коленях. Головы у всех кроме него и сына, покрыты колпаками из белого войлока с околышем разных цветов. Все как один крепкие, жилистые, взгляды рыскают по округе соколиным взором. Хороши!

–Батько, куда нам, налево или направо ехать? – задал вопрос Богдан.

Хм! Первый выезд у парубка. Он в его годы успел меч окропить вражьей кровушкой, а его старший отпрыск все при матери от скуки маялся, да дворовым девкам подолы задирает. Такой же и младший, Еруслан. Разница меж ними в два года.

Одно радует, что Богдан ликом красен, весь в мать пошел, а статью в него, в Часлава. Статен! Рубаха из льняной ткани доходит до колен, у ворота разрез к которому пристегнут неширокий круглый воротник-ожерелье, а вокруг кистей рук, рукава скрепленные запястьем. Ожерелье и запястье сделаны из дорогой ткани и богато расшиты жемчугом. Сам сыну сю рубаху из похода привез. Красень парубок, женить пора, а вотчину в крепкие руки всучить. Хай хозяйствует да плодится.

–Правей примаем! По-над речкой пойдем! – повысил голос боярин. И уже тише, только для сына, пояснил: – На развилке, тот летник, что влево ведет, направляется в Ростов. Нам вправо на Горенки, Родники и Добрыниху. Вот в последней, вотчина боярина Веселина и будет, а там засватаем за тебя его среднюю дочку, Синичкой кличут. Ох, хороша тебе жинка достанется!

Повысил голос:

–Галопом марш! Мы так до полуночи не доберемся!

Поскакали, взбивая пыль из-под копыт, как вдруг, глазастый Смеян придержал повод, заставив разгоряченную кобылу подняться свечой. Указал пальцем на реку.

–Боярин, никак река утопленника к берегу прибила.

–Где?

–Да, вон же подле камышей у самой воды лежит!

–Стой! А ну, хлопцы, спешиться. Проверьте что там. Да не все разом, двоих хватит.

Часлав наблюдал, как двое воев сноровисто спрыгнули с круч, пробежались по песку речной протоки и наклонившись над покойником, ковырялись в его одежде. Вторуша поднялся во весь рост, крикнул:

–Батька! Живой он!

–Чего-о?

–Живой, утопленник-то!

–А-а! Тащите его наверх!

Богдан подъехал к отцу.

–Батько, зачем тебе тот смерд? Ведь точно ночью доберемся.

–Э-э, сынку, то не смерд. Видишь, несут его, а он рукой в свой меч вцепился, видать хлопцы и вырвать-то не смогли. Воин.

Подтащили, положили у ног коня боярина. Речная трава набилась в рот, глаза закрыты.

–Да, это юнак! – удивился Богдан.

–А ну, хлопчики, влейте ему в рот хмельного меда.

–Батка, да он и так напился воды. Чего мед зазря переводить?

–Я сказал, лей, Смеян!

Несостоявшийся утопленник закашлялся от хмеля, открыв глаза, лежа неподвижно, обвел непонимающим взглядом окруживших кругом воинов. Сморщился, видать от боли, выдохнул:

–Ё-ма-ё! Чем же это меня приложили?

–Ха-ха-ха!

Гогот собравшегося общества потряс округу под звездным небом, почти как днем освещенным полной луной.

–Ну, рассказывай, кто ты есть, и как в реке оказался?

Часлав слушал повествование хлопца, и лицо его все больше становилось хмурым. Если б не темень, знавшие его вои, увидели бы побелевшие от напряжения шрамы на лице. Распоясались тати на землях ростовских. Мало им купцов, уже и на князей охоту открыли.

–Что же это получается...?

Вторуша куском холстины бинтовал плечо, шею и голову малому, удивляясь тому, как неумело по касательной пришелся удар. Разомлевший от спиртного व्यюнош, словно ждал вопроса, ответил боярину:

–Получается боярин, не просто плохо, а в высшей степени погано! Сам посуди. Курский князь отправляет посольство с просватанной княжной к князю Ростовскому. Свадебный поезд входит в границы отчества жениха и тут же подвергается грабежу. У татей все прошло не так гладко как им хотелось. Тогда они нападают открыто, уже во второй раз. Не знаю, как там сейчас в караване, но если случится что плохого с княжной, этак и до войны рукой подать. Кому сие выгодно?

–Ну-у...!

–Правильно, князю Черниговскому. Он, что на Ростов, что на Курск, зуб точит. А если те породнятся, ему их не достать, а так они сами себя загрызут. Или я ошибаюсь?

–Ах ты бесова душа! Что удумал идол половецкий! Так говоришь это все на броне было?

–Там.

–Ну, да. Тебя ж река течением принесла. В седле сидеть сможешь?

–Батко, мы ж в Добрыниху едем! – возмутился Богдан.

Боярин из седла пятерней ухватил плечо сына, сдавил его так, что у молодого наследника выступили слезы из глаз.

–Какая там Добрыниха! Богдан, ты сын воина, и сам воин. Твое княжество в опасности. Защитить его вот наша с тобой судьба, а девка подождет. Не дождется, так и хрен с ней, другую посватаешь. По коням! Лис, дай своего заводного отроку. Смеян, Вторуша, идете передовым дозором, береженого боги берегут.

Дорога отклонилась от реки. Перед отрядом встала стена тумана. Такой молочной пелены Лихой в жизни не видел. Колдовство. Из этих сгустков выскочил Вторуша, остановил лошадь перед Чаславом.

–Батка, дальше ходу нет. Ежели поедем, как пить дать заблукнем.

–И-эх! Вороти на тропу. Знаю эти места. Тут неподалеку святилище есть, там до утра и переждем.

Узкой тропой, в колонну один за другим, уже никуда не торопясь добрались до настежь открытых ворот. Егор спешиваясь перед входом, заметил едва различимые в темноте черепа животных, насаженные на длинные шесты. Старческий голос прокашлялся за загородой. Держа факел над головой, из святилища вышел кряжистый дед в зимнем тулупе по летней поре, своим видом больше похожий на медведя. Сочным голосом прямо с порога заявил:

–Гой еси добры молодцы! Часлав, ты своих воев снаружи оставь и сынка тоже. Ничего с ними не станется до утра, поедят, поспят, в общем, ночь перебедуют. самого тебя с курским бояричем приглашаю в свою вотчину. Заходите, милости прошу.

И столько повелительного было в голосе старика, что все, и даже молодой Богдан, не стали перечить хозяину.

Повернув вправо, новоявленный боярич, за дедом и Чаславом вошел в древнюю избушку. Обстановка внутри состояла из печи, выложенной из обожженной глины, видно, что в зиму топившуюся по-черному. Возле окна, где вместо стекла была вставлена слюда, стояла небольшая деревянная кровать, накрытая свалевшимися, побитыми молью шкурами животных. К столу приставлены скамьи, а на столе стоял предмет, слепленный из глины – допотопный светильник. Без всякой задней мысли, Лихой взял его в руку, поболтал из стороны в сторону.

–Хык! – усмехнулся про себя.

Одноразовой зажигалкой, оставшейся со времен, когда еще курил, зажег его и поставил на середину стола. Единственная комната, она же горница, осветилась тусклым ненавязчивым светом. Все трое уселись за стол. Сказалась усталость прожитого дня, глаза прямо слипались. То же самое творилось и с боярином. Тот сник, не произнес ни слова. Старик без каких бы то ни было усилий сгреб ростовчанина и отнес на кровать, сам вернулся за стол. Перед Лиходеевым сидел уже не старик, а крепкий, здоровенный седой мужик с бородой, одетый в самую обычную одежду, какую на Руси носят смерды. Лицо серьезное, но вместе с тем открытое для общения, в глазах плавают смешинки.

Может разбудить Часлава, о чем ему говорить с местным представителем культа, водно-часье преобразившимся возрастом и обликом? Словно подслушав мысли, мужик кивнув на боярина, произнес:

–Пусть спит. Ну, здравствуй, боярич.

–Здрав будь и ты, добрый человек.

–Вижу, не догадываешься, кто перед тобою.

–Нет.

–Ну, познакомимся что ли? Велес я. Один из главных богов славянского пантеона.

Лиходеев хоть и имел вид недоросля, но мозги-то у него были взрослого человека. Тем более и предрассудками он не страдал. Ну, подумаешь Велес? Ну и что?

–Рад видеть. Чем обязан вниманию к своей скромной персоне?

–Да вот, интересно стало, кого мне Николаич подсунуть решил. Вот и подумал лично, так сказать, познакомиться и пообщаться. Рассказывай, как он там? Что привело сюда тебя?

Скотий бог потянулся к кожаной торбе, стоявшей у его ног, выложил на стол нехитрую снедь. Завершил сервировку стола бурдючком, емкостью литров на пять. Пояснив при этом:

–Сурья. Медовуха, по-вашему. Разливай. Ты смотри, на лице ни удивления, ни страха перед существом вышнего мира. Ты хоть бы наносное подобострастие выказал. Знаешь, как волхвы о такой встрече десятки лет мечтают, про князей промолчу.

Лихой потянувшись к бурдюку, дернулся от вступившей боли – недавняя рана все еще его тревожила. Он испытал некоторую неловкость за проявление чувства боли. Мгновенно справился с ней. Разлил по глиняным кружкам жидкость действительно с запахом меда. Выпили. Рассказал о Монзыреве, Горбыле и Ищенко. Как-то так, непринужденно поведал гостю все, что за долгие годы накопилось на душе. Рассказ его переплетался с воспоминаниями юности, переходил на зрелое понимание жизни. Нет, он не жаловался на то, что случилось лично с ним. Обидно было за судьбу государства, процессы, происходившие в нем, ведь такого колосса, как СССР, казалось непотопляемого броненосца, свалили не войной, а предательством, деньгами из-за бугра и разноплановыми идеями, лишив единства в народе, навязав ему за короткое время иные жизненные ценности и приоритеты, выплеснув в общество заgrimированную под добро заразу. Долго эту заразу культивировали в душах, да не учли малого. Русь не Европа в

полном смысле, а еще и часть Азии. Люди проживающие в ней от христианства взяли много, но не забыли своих корней. Скифы, славяне мы, и в этом загвоздка. Отсюда, пожевали-пожевали жвачку – «общечеловеческие ценности», да и выплюнули. Невкусная. Воли не хватает, справедливости, души, в конце-концов, в этих программах нет. После того как Чубайсов-Гайдаров пережили, америкосов с западноевропейцами тем более осилим. Хотят по чавке получить, милости просим, за нами не заржавеет. А на их санкции насрать. Что в первый раз трудности преодолевать? У нас на Руси и десяти лет народ не жил, чтоб трудностей не было, причем на протяжении всей истории.

Велес внимательно слушал пришельца из двадцать первого века, мало того, из другой реальности, сидел, кивая возбужденному слову Лиходеева. Когда тот прервался, глотнув медовухи сам повел речь:

– Не все так просто, как кажется. Ноги в происходящем будущем растут из прошлого времени.

– Как это может быть?

– Новые веры широко шагают по территориям Земли, отрывая от родных корней целые народы. Наверное, так должно случиться. На других обитаемых планетах такое уже было не раз. Но всегда остаются приверженцы старых богов, они представляют собой не кучку свихнувшихся старцев, а обладающих способностью напустить порчу на целый народ, подвергнуть проклятию целые поколения, вызвать мор, неизлечимые болезни у своих врагов.

– Это могут у нас там, – Лихой неопределенно махнул рукой куда-то себе за спину, – политики и ученые.

– Да, согласен, но гибель людей от их действий не растягивается на тысячелетия, а волхвы посильней ученых твоего времени будут. Хочешь примеры?

– Ну-у, хотелось бы услышать.

Несмотря на выпитое, голова светлая и спать не тянуло вовсе.

– Без проблем! Как ты считаешь, природа сама по себе целесообразна?

– Без сомнения.

– Тогда почему гомосексуализм наблюдается у животных?

– Ну-у-у...

– А ведь если вдуматься, присмотреться получше, можно заметить, что ежегодно на земле рождается определенное количество преступников и педерастов, причем циклично и в определенной местности. Эти мутанты разрушают общество.

– Пока не вижу связи...

Лиходеев лишь на короткий миг удивился современным ему оборотам речи и терминам древнего бога, но тут-же приписал это общению Велеса с Монзыревым. Старый пройдоха, как мысленно окрестил аборигена, меж тем вещал:

– Будет тебе и связь. Этой заразой люди заболевают в периоды, когда начинают действовать заговоры волхвов, направленные на то, чтобы заразить неприятельские народы подобными мутациями.

– Сомнительный пример.

– Ты смотришь на мир стоя на маленьком пригорке, смертный! Поднимись выше, обозри пространство вокруг себя. Те же идеи превосходства одной нации над другой, это симптомом начала гибели государства и народа. Когда в такой стране зараженные мутанты приходят к власти, они ввергают свою нацию в хаос и гибель. После самопровозглашения евреев богом избранным народом, исчезла не только нация, но и государство. Боги приняли вождя и пророка еврейского народа – Моисея в свой Пантеон и всячески помогали Израилю. Ты думаешь, библейский рассказ как расступилось Красное море, когда их преследовали египтяне, фантазия доморощенного автора, придумавшего сказочку на ночь? Нет, все происходило реально, и я тому свидетель. Боги оказали помощь семени израилеву. Но с тех пор, как евреи стали

почитать лишь одного бога, остальные боги отвернулись от них. И если некоторые думают, что Пантеон, дав им «богатство» и деньги, тем самым сделал их счастливыми, то они глубоко ошибаются, поскольку в действительности он проклял их, сделав заложниками вещей, денег, обстоятельств и обрёл всю нацию на несчастья. Это ли не пример?

Оба помолчали, не сговариваясь, уходя от поднятой темы не ко времени выплеснувшейся наружу. Лихой задал вопросы по поводу волшебного омоложения, произошедшего с ним. Велес улыбнувшись, в двух словах, как мог, объяснил дикарю весь процесс преобразования, закончив словами:

–Вот так, перескочив из кона в кон, с тобой произошло обновление. Ты получил молодость, так же, как когда-то тот же Монзырев получил в своем преображении новые возможности. Мало того, насколько я понял, сам переход изменил и твою кровь. Теперь, ежели не убьют, проживешь лет триста, а то и все четыреста. Еще такое долголетие через семя, всему своему потомству передашь. Понял?

–Ну, как-то, наверное, да.

–Хм! А хочешь, верну тебя обратно? Такая возможность у меня имеется.

–Не надо.

Мужчина хмыкнул, не удивился быстрому решению собеседника.

–Чем заниматься будешь?

–Жить.

–Ну-ну! Куда направляешься?

–А то ты не знаешь?

–Знаю. Потому ты и здесь. Караван разграблен, людей поубивали, девку сейчас, почитай без остановок в Чернигов везут. И тебе за ними никак не поспеть.

–Так что, мне теперь в сторону отвалить? Я дело до конца доводить приучен. Хм! В Курске пообещали шкуру спустить. Или защитишь?

–Даже не надейся! Все сам, все сам! Чай не мальчик, пять десятков лет за плечами маячат. Даже больше. По нынешней жизни ты вроде бы как перестарок. Думай, ты же умеешь! А вот совет... За советом я вас и завернул. Чем на месте у брода топтаться, в Чернигов сразу езжай, там ищи то, что увели. Дорога дальняя, опасная. Голову не теряй, чужого в руку не бери, боком выйти может. Завтра поутру забереешь с собой Богдана, хватит ему за юбку мамкину держаться. Смеяна бери, глазастый он. Лиса. Не смотри, что молод да смешлив. Имя он свое полностью оправдывает, хитер бестия и пронырлив, пригодится. Вторушу – рассудительный больно, такой тебе тоже понадобится, к тому же он в Чернигове бывал не раз. Ежели что, то и дорогу укажет. Каждый, чтоб одвуконь был и скачите чуть свет. А старый Часлав с отрядом, тихим ходом за вами поедет.

–Он-то зачем, если тихим ходом?

–А это, когда дело свершите, и погоню на хвосте потяните, так для последнего рывка вам пригодится. Как там у тебя в прошлом? Запасной парашют. Во!

–Где я боярина под Черниговом искать буду?

–Уговоритесь.

–А сам-то боярин такому самоуправству противиться не будет?

–То не твоя печаль.

–Добро! С остальным сами справимся.

–Тогда вот тебе еще от меня...

Велес привстав, опустил широкую ладонь на плечо Лихому.

–Прощевай, варяг. Глядишь, и свидимся еще вскоре.

Легкий сквознячок прошелся по горнице, пламя светильника на секунду погасло, затем вспыхнуло вновь, более ярко осветив помещение. Велес исчез, на лавке у окна посапывал боярин, улыбался во сне, видно снилась старому вою веселая свадьба Богдана. Лиходеев почув-

становал, что изменилось в нем что-то. Прислушался к ощущениям. Что-то было не так! Понял. Перестали болеть раны, не тревожила головная боль. Заголив рукав и сорвав с предплечья повязку с лечебными травами, увидел заживший шрам оставленный кистенем хитрого парня из Ростова, по виду давнишний, будто ему десяток лет, не меньше. Вот так чудеса-а! От выпитого хмеля приятно шумело в здоровой голове, а глаза слипались, требуя сна. Не заметил, как и уснул.

-7-

Пьянка была везде. И на производстве, и на кафедрах.

Это я знаю по работе Раисы Максимовны.

Михаил Горбачев

Велика Русь, лесной край. Проехать ее не от избы к избе перейти. Летники прорезающие территорию княжеств на сотни верст уводят путешественников в разных направлениях. Самым оптимальным вариантом для их команды было бы проследовать через Курск. Так ведь там голову оторвут за то, что не сберег невесту. Отправляясь на юго-восток, Лиходеев предполагал, что путь будет не близкий, а ко всему еще и небезопасный. Асфальтированного рая двадцать первого века здесь нет, а под задницей не четыре колеса внедорожника, а потертое седло на спине четвероногого друга. А и дорога не напрасна, худо-бедно притерлись друг к другу. Самым слабым звеном в этом плане был Богдан. Как же мол так, люди отца, да и он сам, ни с того ни с сего, лишь по прихоти батьки, вдруг подчиняются чужаку.

Десяток дней потратили, чтоб выйти к мало мальски значимым поселениям. По летнику, мимо столетних сосен, казалось верхушками упиравшихся в небо, вскочили в царство песчаных дюн. Необычность пейзажа рисовала в мозгу Лиходеева сюрреалистическую картинку. Надо же, не ожидал. Действительно дюны. Красота, на побережье Калининградской области похоже.

Проскочив деревеньку в два десятка халуп на одной длинной улице, обозначившую свою околицу невысоким тыном из высохшей лещины, километра через три-четыре вышли к населенному пункту, в родном Лиходееву времени, железно причисленному бы к ПГТ. Здесь тебе и частокол высок и широкие ворота кованные железом, и решетка брамы. Вратари одетые в бронь, усатые, бородатые мужи, по виду бывалые вояки, несут службу в пограничье, колючими взглядами всматриваются в пришлых. Изнутри за стеной на вышке маячит неусыпным оком еще один воин, но тот пасет всю округу с этой стороны. Чувствуется, серьезный дядька представлен князем смотреть за порядком.

Метров за сто перед входом в погост, по правую руку от дороги ввысь тянутся деревянные карандаши истуканов, врытые в землю щелястые, почерневшие от времени и погодных явлений. Мастер постарался, придав им формы, а лицам выражения. Народ пришедший в город и выходявший из него тонкими ручейками не минали заветного места. Сварачивали к божкам, приносили требы, делились сокровенным ничуть не смущаясь сторонних. Лиходеев хотел проехать мимо, когда услышал голос Вторуши, скакавшего за Богуславом:

—Боярич! Не след богов минать, фарта не будет.

Ну-ну!

—Добро, Вторуша, как скажешь.

Отряд спешил. Оставив транспорт на Лиса и Смеяна, втроем подошли и встали в живую очередь, выдвинув перед собой самого Вторушу.

Егор с интересом наблюдал и прислушивался, с чем пришел народ к месту поклонения. Каждый, будь то мужик или баба, выходил к тому или иному богу имея хлеб, мясо, молоко, лук, а то и горячительный напиток: пиво, мед. Кое кто подходя к столбу-богу простирался перед ним ниц, шептал: «О господине, я пришел издалека с товаром, благодарствую, что в пути не случились тати, что все здоровы, прими подношение и помоги расторговаться! Пошли мне купца с динариями и дирхемами. Можешь даже купца черниговского, новгородского, кур-

ского, пусть любого, только богатого послать потребно! Этот подарок я принес тебе!». Перед истуканом легла шкурка песца.

Кое-кто поклонившись, изъяснялся чуть ли не на равных, все ж родичи. Тот просил удачи в деле ратном, расплатился монетами. Ну дела-а!

Кинул взгляд в сторону, там молодуха поднесла продуктов. Подарила. Напевно общалась с покровителем. Вслушался, понял, с Макошью разговор ведет. Чудно! Чуть ли не стихами общается с деревянным истуканом, видно натура творческая.

–С высоты неба, поведай, праматерь наша,
Оттуда ты видишь границы света,
Побеждает ли муж мой поганых,
Слышишь ли там его громкие приказания?
С высоты неба, поведай,
Не скосила ли смерть моего родного,
Обогрывает ли он меч свой в крови поганых,
И грабит ли добычу и гонит ли полоняников?

«Во баба дает! Ну я понимаю, за мужика беспокоится, это естественно. Но, чтоб так о хабаре думать, да еще и про рабов не забывать! Нда! То ли мы там у себя обмельчали, то ли жизнь такая штука сложная».

Служители культа добросовестно и расторопно распоряжались принесенным. Подошла очередь. Вторуша положил добрый кусок сушеного мяса, в плошку опустил маленький брусок серебра. Между тем как Егор с Богданом молчали, он поблагодарил Волоса – скотьего бога за скатерную дорогу, попросил и дальше оказывать их отряду свое покровительство. На том все и закончилось.

...Бывал Лиходеев в погостах уже не раз. Между всеми ними отличия небольшие. Какие побогаче, иные победней. Не города стольные, но уже далеко не деревни. Ко всему прочему, в каждой администрации имеется, рынок, пара постоянных дворов. Вот к ним и направились, скопом решили хоть день, да передохнуть в Туровском городке, смыть пот и грязь долгой дороги. Как ни торопись, ворогов на дистанции все едино не догнать, к гадалке не ходи, а вымотанными они не бойцы. Да и места пошли лихие, Дикое поле рядом. Вон оно за речкой и начинается. Никого не спрашивая, Лиходеев уже понял, что дорога подвела их к Оке.

Турово большой погост с укрепленным детинцом, разбивший концы на вершине холма в самом нужном месте. Купцы облюбовали это место. С одной стороны поселение подпирают широкие берега Лопасни, к другой берегом примкнула Ока. Густой лес и возделанные поля завершали картину.

Отоспавшись, обиходив лошадей, ранним утром снова пустились в дорогу. Лиходеев и не помышлял сокращать расстояние через Дикое поле. «Нема дурных» дергать фортуны за сиськи. Думал, коль суждено тащиться в хвосте похитителей, чего ж надрываться больше чем можно. Задачу без сомнения исполнить нужно, но здоровье оно не казенное. Случись что, князь пенсию платить не станет. И это в том случае, если живы будут. Повел свой маленький отряд тропами и летниками правой стороны реки.

Фортуна на сей счет имела свое мнение. Как только миновали возвышенность и за спиной остались меловые горы, на отряд наварлся малый половецкий дозор. Небольшой такой. Всего-то десятка два душ, не больше. Правда этого им хватило по самые гланды. И только то, что кочевники возвращались с разбоя, да считай находились в двух шагах от родных становищ, прямо за рекой была их исконная вотчина, расслабленных бандитов удалось ошеломить первыми.

Вывернув вправо, Лис что есть силы натянул поводья своего коня, тут же жестом подал сигнал опасности. Ростовчане изготовились к бою, удирать и прятаться было уже бесполезно. Настороженность повисла в воздухе. Явно, что перед предстоящим боем у всех, даже самых

отмороженных в команде, заиграло очко между ног. Сколько их там? Справятся ли? Когда первый копченый въехал в дорожный загиб, череп его провертела стрела Богдана.

–Бе-ей! – Заревел Лихой.

Отряд по причине малого числа выстроившийся кастрированной свиньей, почти опрометью бросился на захватчиков пограничных пределов. Пошла голимая рубка.

–Н-на-а! Н-на-а! Получай!

Замах. Удар налево. Замах. Вправо удар. Еще! Еще! Темп, темп, темп! Шенкеля лошади под ребра. Прости милая! Закрылся щитом. Главное не позволить воспользоваться луками, уж даже хороши степные умельцы в сей дисциплине. Факт!

Замах. Удар. Никакого искусства, все как у скандинавов. Удар. Темп, темп! Ломим! Ломим их, проклятых!

Короткий бой, это как поединок двух бойцов. Умелого и неумелого. Считаю на кураже раскатали как бог черепаху. Самые умные или хитрые, первыми осознав чем пахнет, вовремя догадались слинять. Забыли и про честь, и про совесть, ну и про товарищей соответственно. Их остановить точно не получится. Точно! Теперь нажалуются кому следует и совсем кисло станет. Тяжело дыша, Лиходеев опустил руку с мечом. Все! Кончились интуристы из-за реки. Вытер со лба пот, мимоходом зацепил кровянившую щеку, скривился от неприятного ощущения. Окинул место побоища. Как там свои? Все живы? Фу-ух! Слава богу, все. Повезло. Вон, уже и мертвяков потрошат.

Поторопил:

–Поживее! Уходить пора.

–А...

Жестко осадил приказом победителей:

–Лишнего, громоздкого не брать!

Раскинул мозгами, решая, что дальше делать. Варианты были, но все какие-то проигрышные, а значит...

«Так! Назад отступать не вариант. Эти волки сейчас обозлятся, из шкуры вылезут чтоб догнать. Нужно Лиса озаботить, пусть след по летнику в обратную сторону путает, а отряд за реку выводит. Может хоть в Диком поле не найдут? Только торопиться придется».

–По коням!

Уйдя за речку, отряд давно уже оставил в стороне гористую местность, углубился в степь. Под копытами лошадей пролегалла плодородная, тучная пажить, довольно часто перерезанная оврагами и глубокими долинами с небольшими речушками, по этим оврагам сосредоточилась древесная растительность. Кусты терновника и акации, соседствовали с дубами и даже березами.

«Ни хрена себе, ровная как стол степь. Шалишь, даже если догонят, повоюем».

Преодолев почти пересохшую речушку, скорее всего талицу, отряд стал на отдых в одной из балок. Лиходеев оглядевшись и определившись по месту, выставил наблюдателя. Вечерело. В овраге, поросшем растительностью – балкой, нашелся родник с чистой вкусной водой, сводившей зубы от холода. Напившись, умывшись, напоили транспортные средства, слегка перекусили сушеным мясом и твердыми лепешками, размяли ноги. Кажись оторвались. Замели следы. Теперь бы на свою сторону перебраться.

Ночь прошла спокойно. Рано утром двинулись дальше. Отдохнувшие лошади легко двигали грудью высокие стебли желто-зеленого ковыля. Где-то часам к восьми утра, степные пространства, поросшие дикой травой, заглушаемой седым щетинистым ковылем или неуклюжим колючим бурьяном, вывели к высокому кургану с одинокой фигурой наблюдателя на нем. Степняк издали смотрел за продвижением цепочки русов по своей территории.

«Заметил!!!»

В руках у бойцов сразу же оказались луки, отряд ошетинился к бою. Обнаружение группе грозило неприятностями. Смеян, следовавший в дозоре, с мечом наголо выскочил на курган, готов был срубить одинокого половца. Егор издали смотрел, как дозорный, придержав лошадь у курганного надсмотрщика, вложил клинок в ножны и, подняв руку, подал сигнал: «Опасности нет».

– А ну, айда глянем, что это за местный житель? – подал команду Лихой, направляя коня к возвышенности.

В центре кургана, высотой в человеческий рост стоял каменный истукан. Резчик по камню, довольно искусно передал очертаниям фигуры и элементы одежды божка, отчетливо выразил схожесть с человеком. Даже лицо, в отличие от славянских деревянных истуканов, имело четкость. Конники полуколемном окружили памятник степного зодчества.

– Балбалы, – внятно произнес Вторуша.

– Чего-о? – не понял Богдан.

– Каменная баба, ежели с половчанского на наш язык перевести, – объяснил Вторуша. – Копченые, над прахом своих покойников насыпают курган и ставят балбалы в честь воинов, павших в борьбе за свою землю.

– Откуда знаешь? – спросил Лис.

– А я в Дикое поле два раза в поход с боярином хаживал. А как полон брали, так и прожисть половецкую пытали. Вот так.

– Все! Насмотрелись? Погнали отсюда. – Распорядился Лиходеев.

Косо брошенный за спину взгляд, заставил несмотря на жаркий день, встопорщить мурашки на теле. На грани видимости, можно сказать на самом горизонте, заметил темную массу, похожую кто хоть раз видел, на россыпь гнид в густых волосах. Мать честная! Вряд ли не заметили. Стоят они на кургане, как три тополя на Плющихе.

– Быстро вниз! На коней, уходим!

Скачка длилась долго. Егор понимал необходимость уйти как можно дальше в степь, искать то их будут у реки. Если на след станут, мертвой хваткой вцепятся.

Жаркая знойная степь уводила их в северо-западном направлении. Лашадей меняли уже два раза.

«Интересно, как далеко ушли?»

– Принять правее! Лис, Смеян! Держитесь ближе к реке. Ищите брод или место где наш берег пологий.

– Сделаем.

Уставшие бойцы не сразу заметили надвигающуюся со стороны солнца, почти от русского берега черную тучу, и лишь когда тень от нее закрыла лучи светила, ростовчане заподозрили неладное. Ясным днем в южных широтах можно увидеть плотное облако, которое напитавшись испарениями из близлежащего водоема, превратится в тяжелую белую, ну на худой конец, потемневшую дождевую тучу, готовую пролиться свежестью дождя, напоив сухую степную землю. То, что надвигалось в синеве неба, даже внешне напоминало мрачный образ крадущегося хищного зверя.

Цепочка отряда, замедлив бег лошадей, не сговариваясь, встала. Разглядывание необычного явления природы, проложившего свой маршрут по жаркой степи, затянулось. Непонятное, доселе невиданное явление вызвало живой интерес у всех.

– Никак дождь будет, а, боярич? – подъехал вплотную к Егору Вторуша. – Только удивительно мне, туча-то, словно темнота ночная, а по сторонам от нее хмарей-то и нет. Как так может быть?

– Кой черт дождь! – Выругался Лиходеев, вспомнив наставления воспитателя в этом мире. – То, что мы лицезреем, называется чертова свадьба. Не слыхал, разве? Но мы ее трогать

не будем. Обминем. Она как раз в сторону половцев движется. Если все сложится, мало нашим злейшим друзьям не покажется. За мной, левой стороной обходим!

Спасибо тебе дед, многому научил, о многом поведал. Пусть тебе будет хорошо в твоём Светлом Ирии. По большому счету, для Егора в природном явлении ничего необычного. Кроме того, что и он видит огромный вихрь впервые в жизни. Так уж случилось. Обойдя воронку, ростовчане и Лиходеев поскакали дальше. Чертову свадьбу понесло мимо них.

Запыленные, вымотанные многочасовой скачкой кони, несли седоков подальше от черноты, наполнявшей синь неба черным разводом, пытались оставить несущуюся по небу тучу подальше от себя. Храпевшие лошади, понукаемые степняками, набрали скорость. Высокая трава, раздвигаемая грудью животных, шуршала под копытами. Не тут-то было, туча ускори-лась, изменила направление своего движения, пожирала отстающих, замешкавшихся. Перед тем как исчезнуть, люди чувствовали дыхание знойного ветра со стороны надвигающейся преследовательницы.

Вечерело, но солнце еще было высоко. Повеселившись, воронка ушла на простыри степи, позади себя оставив разобщенные кучки людского материала. Короче выжившие были.

* * *

Молодое тренированное тело казалось, не знает усталости, ни по чем ему горки и овраги. Подчиненный контингент под стать ватажку. Сердца перекачивают по венам литры крови, а легкие перегоняют кислород кубами. Лошади поедают километры пути. Чуткое ухо и зоркий взгляд Смеяна, следовавшего передовым дозором, вычлениют из общего фона звуков тревожные шорохи, запахи и силуэты. Двигается ли человек по немому бору, дремлет сонная пуща в тиши заповедной. Только шорох шагов, приглушенный травой и песком, да иногда прорывается осыпь мелкой каменистой крошки или песка под копытами. Напрягает незнакомая местность, заставляет постоянно быть начеку. Густые заросли одновременно и помощники и предатели. Они укроют от посторонних глаз в случае чего, и скрыться дадут, да и стрела степняка или татя, застрянет в них или изменит направление своего полета, но и мешают они же, не по-детски. Чуть расслабились, зацепил кто ветку, нашумел, обратил на себя внимание. За любым кустом мог и вражина притаиться, а то и целая ватага разбойного люда. Подпустят поближе и спеленают как последних лохов, а могут пострелять. И такое развитие событий имеет место быть! Опять-таки, скорость передвижения... Вот и приходится напрягаться, потеть и отвлекаться на каждый шорох, на каждый птичий свист, дозорных менять часто, чтоб глаз не замыливался. Не до болтовни. Никто из них не вернется домой, если он напортачит. Всегда так было, за все отвечает командир.

Смеркалось. После жаркого дня никак не хотелось верить своим глазам, тучи закрыли небосвод, холодный северный ветер своими порывами клонил долу березовую опулицу. Ветви деревьев трепещут, будто замерзая дрожат. Ко всему прочему в буйство природы добавилась паморось, заставившая воздух пропитаться сыростью. Как говорят, в такую погоду хороший хозяин собаку на двор не погонит. Бр-р-р! Лихой поежился, оглянувшись на товарищей, сделал вывод, что пора бы искать пристанище. Высушиться, поесть, отдохнуть. Только где его здесь найдешь? На десятки верст, небось ни единого жилья нет.

Ехали они уже по русской земле, перебравшись по броду через реку, избавившись и от погони и от самого Дикого поля. Местность на этой стороне отличалась не сильно, хотя и не балки, а лес, но часто лесные опушки граничили с самым настоящим степным видом округи. Вот и получалось, что летник то и дело пересекал ковыльное пространство, потом надолго нырял в буйство лесного царства.

Кутавшийся в короткий плащ, спешившись и разминая ноги, Лис ожидал их у лесной опушки. При виде начальника и товарищей по оружию, указал рукой на стоящее вдали на пригорке специализированное строение.

—Смотрите чудо какое...

Прямо от того места где встали, дорога змеей вилась к лысому пригорку на котором в серости дымки маячила ветряная мельница. Странно, но под порывами такого сильного ветра и самого местоположения, ее пропеллер не крутился, замер намертво. Конечно отрадно, что добрались хоть к такому обиталищу разумных, но не это главное. Плотное облако зависло над производственной постройкой. Из облака как из ведра прямо на крышу сыпался град, шум долбежки которого был слышен по округе. Но удивляло даже не это! Шипящие голубые пучки пламени то появлялись, то исчезали на полотне пропеллера и шпиле ветряка. Лиходеев вместе со всеми выпал в осадок.

«Ну и ну, себе струя! Сколько слышал, читал про это, но чтобы так увидеть воочию, даже не предполагал. Это же огни Святого Эльма».

–Что сие есть? – задал вопрос все тот же Лис.

Хотел ответить Егор, да вовремя прикусил язык. Какой нафиг Эльм? Кто его в этом времени знает? Ответил как всегда рассудительный Вторуша:

–Плохое место, нужно его обойти.

–Твоя правда, смертный.

Незнакомый хриплый голос, послышался буквально в пяти шагах от скучившихся русов. Все как один обернулись, потянувшись к оружию, готовые ко всему.

Из-за дерева вышел здоровенный мужик, в бараньем полущубке в теплую на юге пору года. Неподпоясанный, левая пола полущубка запахнута на правую, сам без шапки. Бровей и ресниц не видно, еще и карноухий. Борода козлиная, клинышком, редкие волосы зачесаны налево. Лиходеев хмыкнул, еслиб не бороденка и не отсутствие уха, ну вылитый Адольф Гитлер, собственной персоной. Хоть сейчас бери его и кино про войну снимай. Нда! За плечами у незнакомца висела дорожная котомка.

–Прав, смертный, – остановил свой взгляд на ветряке, совсем не заботясь о том, что пятеро воев готовы наброситься на него и порубать в капусту. – Плохое место, чертова мельница. Перуницы второй день поджигают, да все без толку.

Егор чуть расслабился. Коль пошел разговор, стало быть не до драки дойдет. Молвил:

–Кто ж так поджигает? Ну ветер ладно..., а дождь-то зачем? Сырое плохо горит. Им бы греческим огнем жилищный сектор окропить, а они водой.

–Так ведь как умеют. У них одно без другого не получится.

–Ты кто?

–Не узнал? – удивленно зыркнул, словно в душу заглянул. – Хозяин я здешний. Людины по разному называют: вольный, ляд, лесовик, леший, шатун, дикий мужичок, цмок, царек с золотыми рожками. Хм! Где они рожки-то золотые увидали, право не знаю. Иные лесовым царком величают, господарем над лесом.

–Леша-ак! – Воскликнули разом Богдан со Смеяном.

–Во-во! Правильно. А то уж я думал...

Мужик подошел ближе, вперился взглядом в глаза Лиходееву, признав в нем старшего.

–Сей ветряк, прибежище нечисти чужинской. Гиблое место.

Лиходеев обернулся к мельнице, осмотрел огромную проплешину, на которой та возвышалась, предположил:

–А я смотрю, здесь впору деревеньке быть. Место подходящее.

Лешак кивнул:

–Была деревенька при прежнем хозяине. По молодости привез из похода на ромеев молодую жену из знатного рода. Кто ж мог предположить, что стерва черным колдовством промышляет? За десяток лет извела господаря, а дальше... Эх! – махнул рукой. – Все дело в том, что за два десятка лет людин в деревне вымерло немерено, оставшиеся разбежались, бросив хозяйство и скарб. Да!.. Тринадцать лет тому назад, поздним вечером, вдовствующая боярыня и сама разбилась, оступившись, упала с повозки, шею свернула. Старая была, лет пятидесяти,

в народе она прославилась, как колдунья, увлечение у неё такое было, любила заговоры «собирать», в толстую книгу выписывать. Траву сушила, сны толковала, но занималась она черной магией, людей могла только словом убить или приворожить. Когда она помёрла, смерды и разбежались. Деревню от домов словно ураганом вымело. Пустырь. Один ветряк остался. Только стоит он под боком от кладбища, земля под которым христианским священником не окроплена, под похоронные требы не отдана, а жрецам дедовой веры и подавно не до померлых поклонников византийского бога...

Лешему нравился адекватный смертный. Действительно лидер, хоть и молод совсем. Остальной-то народишко испуган. Вон в мечи вцепились как? Даже кожа на косточках рук побелела. Обычное дело, бояться.

—...Вот гиблое место с тех пор цветет и пахнет. Ежели кто из смертных с чистой душой на чертову мельницу забредет, живым обратно не выйдет. Теперь мельница пристанище татей, колдунов и отщепенцев, коих собственные рода отринули. Русской нежити к ее порогу дорога заказана. Невидимая черта, старухой наведенная, не пускает. Не она, так давно бы колдовское гнездовье сожгли белым днем. И это все в моих угодьях происходит. Стыдоба, а поделаться ничего не могу. — Помотал головой.

—Так пока белый день стоит, найми смерда да сожги!? Деньги-то имеются?

—Ага. Умный! Люди лысой горы, как огня боятся.

—Что ж, так и будешь терпеть такое соседство, хозяин?

—А ты помоги!

—Как?

—Придумай. Ты же умный.

—Эх! Самому б кто помог.

—А в чем надобность?

— В Чернигов торопимся. Опаздываем. Княжну выручать нужно.

Если бы можно было услышать мысли, то от скрипа лешаковых извилин проснулся бы весь лес. Лиходеева изыскания нежити не цепляло, у него своя дорога и кроме него ее пройти некому. Народ же окуклившись от присутствия того, кем сызмальства пугают, наблюдал за действиями своего атамана. Лешак придя к какому-то выводу, озвучил свои умозаключения:

— Могу быстро перебросить вас верст на двести к стольному граду, дальше урочища другого хозяина, не моя земля.

Лихой напрягся. Двести по местным меркам расстояние приличное, его еще пройти нужно. Соглашаться. Непременно соглашаться!

—Двести, говоришь?

—Не далее.

—Принимается. А как?

—Лесавок напрягу. Закрутят каруселью, и порывом ветра унесут вас в нужную сторону.

—Так-так!

Позади кто-то подергал за рукав. Рассудительный Вторуша зашептал в ухо:

—Обманет, боярич. Скольких людей по лесам морочит, не счесть. И тебя обманет. Ежели по другому нельзя, хай именем Велеса клятву принесет.

Леший не подвел, поклялся. Видно здорово припекло соседство с нечистыми. Лиходеев не собирался впутывать в аферу всю свою братию. Визуально изучал чертово пристанище. Между тем, почти стемнело совсем. Моросящий дождик и ветер ушухли, мерзопакостная сырость осталась. Оглянувшись на местного красавца, спросил:

—Пока меня не будет, моих орлов приюти, обогрей...

—Ага, и накорми. — продолжил мысль лесной господарь.

—Нет, поесть они и сами сгоношат.

—Договорились.

–Так говоришь, это воровской картежный катран при ветряке образован?

–Играют. Все что несправедным путем добыто на кон ставят.

С ветви березы раскатисто подала голос ворона, слетев, уселась на плечо лешаку.

–Ну, чего тебе, карга старая?

Та словно отвечая, снова подала голос:

–Ка-а-а-г-г!

Кивнул:

–Ага, на мельнице первый игрец появился. К полуночи все тринадцать собирутся, ватажка татей подтянется, еще кое-кто.

–Так-так! А на что играют? Ставки какие?

–Ну уж не на интерес. В ход монета идет, желание. Колдуны, те на душу норовят сыграть.

–Денег у меня точно нет. Выходит, что кроме души на кон и поставить-то нечего. Ничего, мне бы только войти туда, а там разберусь, что к чему. Даст бог не пропаду.

Прислушивавшийся к разговору Богдан отвязал от пояса кошель, подойдя протянул Егору.

–Держи. Это батка на крайний случай дал. Там немного, но золотишко. Пригодится.

–Вот это дело.

Лесной господарь подмигнул Лихому.

–Ну и я тебя не с кондачка посылаю. Сейчас...

Растворился прямо на глазах, будто и не было никогда, не стоял, не разговаривал. Народ заволновался. Только наладились взаимоотношения и вот, опять непонятки.

Материализовался. Протянул Лихому ладонь, на ней стопкой дубовые листья лежат. Сказал:

–Вот, от меня. Тридцать шесть листов. Ежели совсем припрет, постарайся поменять колоду на это. Только помни, что если после такой игры жив останешься, игральные карты в руки брать тебе заказано. Судьбу проиграешь.

–Ну, как говорится и на том спасибо. Теперь уходите, легализоваться буду, так что вы мне здесь только помеха...

У двери «чертового пристанища» появился всадник на лошади. На звук копыт в открывшийся дверной проем выглянули сразу три похмельные хари, похожие на насельников вытрезвителя. Подсвечивая светильником, с интересом наблюдали за манипуляциями ненормального смертного, самостоятельно пытавшегося залезть в дерьмо. Тот в свою очередь, невозмутимо привязывал к щелястой колоде лошадиный повод. Упирившаяся скотина, кося глазом на незнакомых людей, упорно пыталась вырваться и сбежать. Изнутри строения раздался громкий начальственный голос, заставивший наблюдавших поежиться:

–Вы, что там, уснули? Тащи выпивку на столы, разложи колоды! Скоро потеха начнется.

–Так тут, это...!

–Кого там еще черти принесли?

Самый мелкий, скорей всего и самый говнистый в коллективе, ощерившись проблеял отповедь внутрь мельницы:

–Хозяин, сам посмотри, – и тихо добавил. – Злыдень!

На пороге, напротив освободившегося Лихого, материализовался хозяин начальственного голоса. Умудренный жизнью седоватый мужик разухабистого вида, в самом расцвете сил, ростом под два метра и весом, все полтора центнера. Сначала опешил, потом придя в норму, разулыбался нежданному гостю. Поприветствовал:

–Заходи, гостенек! Только тебя нам и не хватало! С чем пришел? Может какую помощь оказать? Так ты говори не стесняйся!

Яростно зыркнул на своих.

–Кыш, мелкие! Быстро на стол собрать, гость у нас!

Уже сидя за столом напротив Егора, корпусом подался к нему. Сложив руки как перво-клашка за партой, можно сказать с любовью вглядываясь а глаза пришлому смертному. Лихой неторопливо вел свою партию общения с лукавым, ряженным под пройдоху-простолюдина:

–Издадека я. Непогода да ночь застала. Места глухие, вот и заглянул на огонек, приста-нища попросить. Пустишь ли переночевать?

–Э-хэ-хэ! Грехи ваши тяжкие! Пустить-то пушу, только ночевать не придется. У нас в сю пору самая потеха и есть. Здесь тебе не постоялый двор, серьезные люди на игру съедутся. А ежели ты к нам попал, выбирай сам чем развлекаться будешь?

–А какая альтернатива?

На столе появился глиняный горшок с узким горлом, совсем нехитрая закуска усыпала сто-лешницу: луковые головки, шмат сала и хлеб. Лихой взглядом окинул обстановку. Прикольно! В дальнем конце просторного помещения с высоким потолком, рядом с инструментарием мельника, которым да-авно никто не пользовался, на грязном заляпанном полу соседствовал совсем не первобытный самогонный аппарат, причем в рабочем состоянии, производивший жидкость, явно по запаху до боли знакомую. Самогон! Заинтересовано, черт оценил посети-теля.

–Что, знакомая вещь?

–Ага, по прошлой жизни пользоваться приходилось.

–То-то я смотрю, ты какой-то неправильный смертный. Так вот, насчет альтернативы, у нас все просто. Либо мы тут с тобой на пару квасим, оказывая моральную поддержку другим, либо играешь как все.

–Играть-то, во что придется?

–Игра не сложная. Подкидной «Дурак» называется. Правилам тебя в миг научу. Только заметь без ставок здесь не играют. Альтруистов среди нас нет.

Лиходеев сделал кислую мину на лице. Вроде бы как задумавшись, выдал из себя:

–Вот это я встря-ял!

–Во-во, гостенек дорогой! Живым остаться хочешь? Тогда выбирай.

–Из чего тут выбирать-то? Водку жрать? Так за тобой не угонюсь. Тут без вариантов – никакой печени не хватит. Молод. Скорее вперед ногами вынесут. Остается...

–И это правильное решение. Мо-ло-дец!

Хозяин встопорщив усы, выставив козлиную бороденку вперед, перед огромным живо-том, прямо таял на глазах. Теперь действительно с любовью оглядел пришлого. В руках у него появилась колода карт. С известной сноровкой потасовав листы, с размаху хлопнув колоду на столешницу.

В открывшуюся дверь, внутрь под шум выкриков и возгласов приветствий, проследовала вереница людей разной «масти», рассаживались за столы, тут же потребовав от «обслуживаю-щего персонала» выпивки и жратвы.

Хозяин подмигнул глазом:

–Свои! Не все, но кворум имеется. Может метнем пока жрать будут?

–Эх, давно я не брал в руки карты!

–А уж как давно я их не брал!

–На что играть предложишь?

Лихой высыпал из кошелька пять золотых монет. «Мельник» на зуб попробовал достоин-ство одной монеты.

–Уважаю. Пойдет. – Крикнул в сторону, подзывая одного из подручных. – Хилый, злато на ставку неси. Видишь, гостенек созрел!

Обернувшись, протянул карты Лихому, изрек:

–Играть вдвоем будем.

–А эти? – кивнул в сторону шушеры, стоявшей поодаль, с видимой завистью созерцавшей начальство.

–Обломятся. – Мельком уделив внимание братии, рявкнул. – Работать! Вишь, гости проголодались. Бычок уж зажарился, тащите сюда, игру тормозите!

Обернулся к гостю, подмигнул Лиходееву. А взгляд выдает! Выдает шулера-каталу или лицо, промышляющее средними пакостями.

–Раздавай, нас-то с тобой никто не держит.

Шум за соседними столами набирал обороты.

...Шулера появились вместе с игральными картами. Все манипуляции, которые они принесли в игру являются классикой. Совершенствовать их уже сложно, а изобрести новые приемы практически невозможно. Поэтому истинные игроки оттачивают свое мастерство в тюрьмах и колониях. Егора еще в возрасте двенадцати лет, отец первый раз посадил за стол с картами. Лиходеев вспомнил:

–Запомни, Егорка, офицер в своей жизни должен знать многое, а уметь еще больше. Это нужно для того, чтоб в любых условиях выжить. Каждый офицер должен уметь играть в преферанс и знать, как противопоставить себя картежным шулерам. Запоминай основы. Мы с тобой к ним еще не раз вернемся. В наше время шулеров существует два основных типа, профессионалы и не профессионалы. Правда имеются разновидности, но это совсем уж редкость. Профессионалы это те, кто зарабатывает деньги на жизнь обманом. Соответственно не профессионалы, которых мало, используют свои шулерские навыки ради забавы. Понял ли?

–Да.

–Профессионалы подразделяются на крупных и мелких. Крупные играют на деньги по-крупному в специальных заведениях или в специально оборудованных для этого местах. Ставки большие. Играют в основном с теми у кого тоже много денег. Мелкие работают в основном на вокзалах, в поездах и в местах крупного скопления людей. Внешне они ничем не выделяются среди обычного люда. Ставки на игру у мелких шулеров не высоки и в основном они забирают небольшие деньги. Эти шулера являются отличными психологами, легко могут подбить человека на игру и легко могут обобрать его до нитки. Обычно им важно заставить человека хоть один раз сыграть. Дают выиграть несколько партий подряд, завлекая выигрышем и в последний момент, когда ставки высоки, забирают все деньги с игры обманным путем. Среди их приемов, есть те, которые используют карточные фокусники. Ложные тасовки, вольт, подмена карты или всей колоды. Смотри.

Дальше была учеба. Учил его отец, когда выдавалось свободное от службы время. И выучил, надо сказать не плохо. Потом было пару случаев в жизни Лиходеева, когда наука отца пригодилась...

Лиходеев рассмотрел карты с изнаночной и внешней стороны, будто привыкая к инструменту, на самом деле выбирая на сдачу лакомый расклад. Хозяин скривил рот.

–Ищеш крапленку? Не бойсь, нет ее.

–Ну, поехали! – Подсунул колоду – Снимай.

Из карт колоды Лихой выложил веер на двух руках, разделил его на две части. Веер левой руки сложил с веером правой, изображая это так, будто один сложился с другим в разрез. Смотрелось эффектно, даже колдун завис от такой мешанины. На самом деле карты не перемешались, находясь в том положении, в котором была сделана съемка, лишь верхняя часть колоды перемещена вниз.

Карты шуриша и слегка хлопая, ложились на стол. Из-за соседнего стола подошли первые любопытствующие, для которых игра это болезнь. В большом помещении слышались шепотки. Смотри-ка показалось или глюки? Червонная дама чуть вскинув подбородок, подмигнула Лихому. Что такое? Шух-шух-шух! Хозяин улыбаясь приподнявшись над столом, положил на плечи Егора две шестерки.

–А это тебе на погоны! А-ха-ха-ха! На что играть будем, дружочек?

Ухмыляется паскуда. Твою ж ма-ать! Это надо так подставиться! Простой мухлеж тут не покатит. Тогда что? Думай, думай голова. Что там леший про тридцать шесть листков с дубового дерева говорил? Была не была. Хотел достать, да не тут-то было. Колдун вместе с другими персонажами катрана, как рентгеном изучали его телодвижения.

–Выпьем перед тем как играть? – Не то спросил, не то предложил Егор.

–Дело говоришь. Наливай!

Выпили морщась от сивухи, закусывая голимым луком. Монеты проиграны, пришлось играть кон на желание. Как и ожидал, снова проигрыш.

–Ну, желаю знать откуда ты такой взялся. – Осклабился добрый хозяин.

Посторонние отошли, сказка приезжего не для их ушей предназначена. Рассказал. А чего таиться, если обязан отдать желание. Между делом поднялся из-за стола ноги размять. Подмена колоды являет собой один из основных, а иногда и главных приемов шулера, поэтому не расслабляться самому, а наоборот, отвлечь партнера. Держа правую руку на бедре, Лихой прошелся около стола и дождавшись удобного момента, подменил карты листочками лесного господаря. Глядь, а это уже и не листочки вовсе, а самые что ни на есть карты, от прежних ничем не отличишь. Ай, да леший! Ай, да сукин сын! Молодец! Ф-фух! Теперь поиграем. Освободился от старых карт.

–Ставлю душу против желания.

–Зам-метано! – воодушевился противник.

Дело пошло. После съемки карт, вместо того, чтобы положить нижнюю часть колоды на верхнюю, незаметно провел ее сверху последней и не останавливаясь, положил нижнюю часть в чуть выдвинутую левую руку, и в этот же момент наложил на нее верхнюю часть колоды. В итоге карты колоды остались в том же положении, в котором были до съемки. Раздал. Не сильно напрягаясь выиграл кон. Колдун округлил глаза, но смолчал. У самого Лиходеева отлягло от сердца. Если бы проиграл – прощай душа.

–Фу-ух! Всегда знал, что бог всемогущ. – Подитожил Лиходеев.

–Не спорю, – согласился «мельник», добавив от себя. – Но черти расторопней.

Что сказать? Умозаключение имеет право быть. Лиходеев спокойно дождался пока напарник выцедил кружку местного самогона, хрустя заел послевкусие нечищенной головкой лука, отрыгнул, завоняв пространство у стола алкогольно-луковым духом, постучал пальцем по грязной столешнице, напоминая о себе. Мутный взгляд главного алкаша мельницы сфокусировался на смертном. А! Ну да! Он же ему желание в карты продул. Смотри-ка, тихушник какой? Молчит, слова не скажет. Ждет. Ладно, долги нужно отдавать. Спросил:

–Ну, и чего ты хочешь?

Лихой хмыкнул. Раз уж попал в эту реальность, хотелось бы кое что прояснить по той жизни, в которой прожил полтинник годков. Задал наводящий вопрос:

–Ты мне вот что объясни, если мы здесь с тобой сидим, то как время на белый свет действует? Назад-вперед по нему прогуляться реально?

–Ну т-ты смертный загнул! – Наморщил лоб. – Время оно бесконечно. Конечен отрезок прожитый в нем. О, как! Понял.

–Получается при твоём желании можно заглянуть по времени вперед или назад?

–М-можно.

–А на ваш Ад взглянуть тоже можно?

–Ха-ха! Желаете заблаговременно место застолбить?

–Шутник. – Лиходеев отмахнулся, лениво тасуя колоду.

–Раздавай.

За соседними столами тоже шла игра. Метались карты, через край перли эмоции людских страстей. При доборе карт из колоды до шести, взял на две больше. Получил возможность набрать козырей и закидать противника. Выиграл у барыги чью-то грешную душу.

Снова смухлевал, заговаривая зубы, раздал себе на две карты больше. Отыграл золотишко, да еще и с прибылью. Хозяин притона занервничал. Чтоб успокоить, спел вслух запомнившиеся откуда-то куплеты:

Бродит черт с огромной ложкой
И мешает дрянь в котлах,
Зелье варит по рецепту,
Что известен в их кругах.

Из-за черных клубов дыма,
Не видать уже луны.
Доварили черти зелье
И разлили в стаканы.

Понравилось чернокнижнику доморощеному, не заметил как Лихой отбил его карту, картой левой масти. Даму треф отбил не козырем, а семеркой пик. Проканало. Ближе к утру выиграл мельницу, затем землю под ней. Батраки-работники косились на хозяина. Совсем мол сбрендил игрок. В воздухе повис сладковатый запах браги из-за разбившейся емкости.

—Ты что творишь, лишенец?

У левого плеча напарника торчал такой же крепкий мужик, крепкий в плечах, на лицо звероватый, откуда он появился, черт его знает. А, может это сам нечистый и есть? Напарника за столом, Лиходеев уже просчитал, подвыпив, тот поправляя прическу, явил на башке мелкие рожки. Как есть, бес!

—А, это ты Бальдр! А мы тут в картишки, понимаешь... Слушай, одолжи грешную душу. Клянусь Сатаной через пять, ну максимум семь дней верну. А?

Не вдаваясь в полемику новенький персонаж размахнулся и изо всей силы врезал бывшему хозяину мельницы. Понеслась... гм, мохнатая, по кочкам. Вцепились друг в дружку, как клещи, молотили словно в боях без правил. Мельничный молодняк разделившись на два лагеря, принял горячее участие в разборке. Третий лишний, Лиходеев ползком протиснулся к стене, там прикинулся ветошью. В игровом помещении дрались уже все без исключений. Когда драка подошла к своему апогею, Лиходеев от греха подальше прошмыгнул на воздух, со стороны наблюдая, как в щепки превращается строение, теперь уже его имущество, но не жалел об этом. Заалела заря и как гром средь ясного неба, крик петуха от лесной опушки прекратил побоище. Побитые игроки ухлестывали от пропавшего места наперегонки. И лишь прежний хозяин мельницы, углядев в последний момент бывшего напарника, погрозил:

—Помни Лихой, кто думает, что черти по свету ходят с рогами, а дураки с погремушками — тот всегда будет их добычей.

Откликнулся:

—Ладно, не забуду!

А все-таки, жалко мельницу — горит ясным пламенем. Какая-то скотина, может быть по пьяни или по злобе, удосужилась поджечь...

-8-

Успокойтесь, перестаньте нервничать...

Всё, что с нами происходит, случается
именно тогда, когда нужно...

Всплыло из закровов памяти, источник

неизвестен.

До поместного боярина окольными путями докатился слух, что жители лесной деревеньки, даже в этих местах считавшейся «медвежьим углом», находятся в отчаянном положении. Из-за внезапно объявившегося в окрестных местах, ни то усопшего колдуна, превратившегося в упырка, ни то навья, уже погибли несколько сильных охотников, а детей и стариков, ставших добычей твари, никто и не считал. Принесший в боярскую усадьбу плохую весть смерд, был жителем соседней деревни, прозываемой Заречьем. Он по делам ходил к лесовикам, да узрев такое непотребство, свернув свою деятельность, да толком не прознав все, повернув оглобли, погнал лошаденку к дому. Зареченский старейшина Мичура, не подкачал, боярин Милад и раньше отмечал его быстрый ум и сметку, отругал мужичка и недолго думая, послал его о сем деле предупредить боярина. Он ведь на то и поставлен над всеми головой, чтоб решить любую проблему подвластных людишек!

Мичура рассудил здраво. Страсти какие под боком, хоть Заречье и далече от Лесной, так ведь нежити, что? Глядишь, пожрёт такими сроками своих насельников, с голодухи припрется к ним. Что ему через две неглубокие речки перебраться? А уж семь верст для него не расстояние. Глуповатый Гомол толком не расспросил соседей. Спужался, убёг. Вот и думай теперича! Что делать?

К вечеру добравшись до места, не сразу пошел к боярину, переночевал у дальней родни, а утром с поклоном к Миладу. Гомол рассказал все, что ведал про Лесную. Только ведал не слишком много, не помогли и наводящие вопросы. На следующее утро, пристроившись в хвост боярской дружины, состоявшей аж из цельных пяти воев, двинулся в обратную дорогу, да не выдержав хода конных, отстал, потерялся за одним из поворотов летника. Он хоть и погано, но роль свою во всем этом сыграл.

—Боярин!

Датчанин Хольми, коего Милад, уже как лет восемь тому назад, отбил в одной из сшибок с половецким набегом на южных рубежах земли черниговской, а ныне расторопный боец его небольшой дружины, издали, от самого изгиба поворота на лесной дороге помахал рукой. Знать впереди все спокойно, раз вой без боязни подает голос. Деревня должна быть совсем рядом. На перекресток выйдут, а там повернут налево.

Высочив к перекрестку, нос к носу встретились с такой же как сами небольшой кавалькадой. Оба отряда не сказать, что растерялись, но руки потянулись к снаряжению. Придержав коня, Милад обзрев приезжих, на правах хозяина земли по которой проложен летник, обозвался первым:

—Я боярин Милад, вотчинник на сей земле. Гой еси, сварожичи?

Как ни странно, ответ держал отрок, почти мальчишка, а не тот вой, какого по одежде, манере держаться и оружию, определил как старшего.

—Люди ростовского князя, по делам службы едем в Чернигов.

—Ну, так верст восемь нам с вами по пути придется. Сопроводим вас до Лесной, в той моей деревеньке пообедаем, а там уж поедете дальше. От сих мест до Чернигова три дня скорого марша будет.

—Спасибо, от предложенного отказываться не будем.

Объединившись, отряды пока еще дичась друг друга, съехали с перекрестка и на рысях поскакали по нужной дороге. Милад все косился на юнца, пытаясь определить, как высоко стоит его род на общественной лестнице. Если судить по одежде, так воины следовавшие за ним, имели вид более презентабельный. Вон, молодой красавец, явно боярских кровей, одет богато, оружие вместе со снаряжением, у него на целое состояние потянут, лицо в ухмылке кривит, а перечить не смеет. Почему? Хм! У отрока над верхней губой да на щеках едва пух прорезался, а глазом глянет, так даже Хольми признает в нем того, кто распоряжаться имеет

право. Не княжье ли семя бок обок скачет? Мучаясь в загадках, Милад так и не спросил ответа на свой вопрос.

Небольшая, на два десятка дворов деревенька, среди царства светлого южного леса, выросла перед глазами как-то неожиданно. Только что кроме леса и не было ничего, глазом моргнул, люди живут. Живут ли? Натянул повод, прислушался к внутренним ощущениям. Что-то не так! Похоже на засаду. Тишина! Осмотрелся по сторонам, и все это в доли секунд.

– Стой! – старший над ростовчанами рывкнул так, что и хозяин вотчины без обиняков послушался. – Тишину слышите? Даже птицы не пищат. Что-то не видно, чтоб твои смерды боярин, нас добром приветить смогли!

– Не только птицы. Собаки не брешут, скотина глас свой не подает, и люд на улицу нос не кажет. – Задумчиво промолвил самый старший по возрасту из отряда чужаков. – Не к добру сё, боярич.

– Куда смерды подевались? – прорвало и Милада.

Нда! Атмосфера кладбищенская. Лихой спинным мозгом ощутил недобрый взгляд, брошенный в спину не понять и кем. Все это напоминает организацию точечной засады, обычно устраиваемой небольшим подразделением против малочисленной и компактно движущейся группы противника на ограниченно-малом участке. Если все так, то нужно рассредоточиться, не дать врагу возможность положить всех скопом. Предложил Миладу:

– Боярин, ты со своими людьми обходи деревню по левую руку, я справа пойду. В избах, сараях, а то и в погребках пусть посмотрят, может разыщут кого.

– Добро!

– Смеян, Лис, заводных коней при нас оставьте, мечи на голо, щиты на руку, марш в галоп на правую окраину. Богдан, Вторуша, за моей спиной держитесь, нам торопиться не с руки. Смотреть в оба. – Вжал каблучки в бока своей лошади, дернул поводья. – Н-но-о, родная.

Как ни странно в деревню вошли без приключений. Бойцы спешившись пошли по домам и хозяйственным постройкам. Тишина напрягала, нарушали ее лишь сами приезжие.

Лихой с мечом в руке направился к крайней избе, стоявшей на отшибе от остальных и имевшей вид неухоженного строения. Тропинка к ней натоптана, хотя бурьян, наверное никогда и не косился. Рядом ни бани, ни сарая. Хозяин, верно только охотой и промышлял, скотину не держал. Дверь поддавалась легко и с противным скрипом открылась, бухнув о стену, заставив отнестись к происходящему еще собраннее. Вошел в большую, но единственную комнату избы. Под потолком развешаны пучки трав, вместо печки – жаровня. Едой здесь не заморачивались. Запустением обстановку не назовешь, но внешний вид гнетет.

От маленького окна, с лавки послышался стон. Андрей пружиной развернулся на звук.

– О-хо-хо! Сподобили боги привести к порогу человека. – Просипел кто-то.

Лиходеев сторожась проскользнул поближе. Седой дед прикрывшись тряпьем лежал на кровати. Теперь ясно, почему все так запущено. Старость. Только, что это соседи помощь оказать не хотели?

– Ты как тут, дед?

– Воды подай, отрок.

– Что-то не вижу я ее у тебя в избе, сейчас принесу.

Дедок словно испугавшись остаться один, приподнялся на локтях. Откуда силы взялись?

– Да, ты лежи-лежи.

– С-сто-ой. Подойди ближе.

Отдышался. Егор чувствовал, как острый взгляд из-под кустистых бровей наблюдает за ним. Глаза выцветшие, пронизывающие, а лицо с клочковатой бородой на нем, доброе-доброе. Что за несоответствие? В прошлой жизни таким взглядом смотрели на федералов старухи в селах горных районов Чечни, в памяти отложилось. Бывало, кажется такая бабулька с добрым лицом предложит кружку молока испить, только останешься ли жив потом после такого уго-

щения. Вот и сейчас... Лихой сунул меч в ножны, сложил руки на груди в замок. Ну-ну, что ж тебе надобно от меня, а, дед?

Старик протянул ладонь с длинными неостриженными ногтями перед собой. Добрая улыбка озарила морщинистое лицо. Дедушка «работает» без затей, рассчитывая на «местный менталитет» по отношению к старости.

–Помру я скоро. На тебе на добрую память!

Рука Егора потянулась навстречу, но сразу отдернулась назад. Вспомнился совет славянского божества, не брать не своего, чужого не касаться. «Вернул» улыбку деду, с подчеркнутым добродушием отвечив:

–Поживешь еще, дедушка! А поминок отдай тому, у кого взял.

Старикан на глазах поменялся, застонал, заскрипел зубами, сам посинел, глаза аж кровью налились, злобой плеснули.

–Умный, да? Умный?

–Ну не дурак.

–Я скоро кончусь. Пусть в мучениях, пусть душа моя не попадет в светлый Ирий, но я буду знать, кончаясь, что и вас всех не минет горькая чаша Мары. Сдохните все здесь, как остальные, которых под корень извел... Никто не спасется, уж Верлиока постарается.

–Колдун, что-ли?..

Во! Что с людьми делается! Непонятно только почему и куда они в очередной раз встряли? Ясно лишь, что обещанного вотчинником угощения в этой деревушке не быть. Дедок в усмешке кривил рот.

–...Ладно-ладно, я понял, дальше можешь не грозить. Лучше скажи, куда людей всех дел?

–Ночью увидишь!

–Значит, всех порешил!

–Не я, Верлиока. Я лишь...

–Боярич! – послышался с улицы голос Вторуши.

–Прощай колдун. Жил как шакал-одиночка и помрешь одиноким шакалом.

Вышел за порог, услышав за спиной вытье лишенной души сволочи в человеческом обличье. Вторуша обрадовался, увидев его живым, бросился к старшему над отрядом.

–Пуста деревенька, ушли смерды.

–Не ушли. Все они мертвы. Покличь всех сюда.

–Ага, понял.

Вскоре, ведя лошадей в поводу, к Лихому ожидавшему у самой кромки леса, потянулся народ. Милад с Богданом подъехали разом, по всей видимости успев найти общий язык.

–Что-то нашел, Лихой? – спросил Богдан.

–Нашел.

Все наострили уши. Егор в раздумье похлопал плетью себя же по бедру, явно чего-то не понимая.

–Значит так, в этой избе сейчас помирает колдун. Все жители деревни мертвы, я не знаю как их порешили, но самое деятельное участие в сих деяниях принимал тот, кто сейчас в мучениях пытается покинуть этот свет. Боярин Милад, мы на твоей земле, смерды погибли твои, тебе и решение принимать по поводу урожая занимающегося волшбой. Мыслью из Лесной нам нужно уходить и чем быстрее, тем лучше.

Услышав про колдуна, выдавшие виды воины потянулись руками к берегам, лица и без того серьезные, запасмурнели. Кивок Милада и к его стремени подбежали двое воев.

–Опрышко, Дрон, запаливайте избу!

–Ага! Боярин, – бледный Дрон, ранее слыхавший про колдунов только в быличках, спросил прежде чем выполнять приказ, – колдун-то живой! Может, хай Опрышко зайдет, да зарежет его сперва?

–Нет! Живым жгите!

Старая изба занялась огнем. Сухое дерево сначала с неохотой загорелось, потом набрав обороты, со всех сторон закрылось языками пламени и едкого дыма. Люди отошли подальше, отвели за собой лошадей, стояли и смотрели на факел пожарища, потянувшегося от земли к небу. Послышался вой. Из отворившейся вдруг двери, стали выскакивать мелкие существа, по виду похожие на людей. Не обращая внимания на воев, забежали у разгоравшегося пожара по кругу, казалось пытались вытащить из огня что-то нужное им, голоса и причитая по-своему.

–Хухлики! – не отрываясь от зрелища, воскликнул стоявший рядом с Егором Вторуша.

–Кто?

–Ну, шиликуны по-вашему, так их куряне кличут.

Нечисть друг за другом кинулась в лес и растворилась в кустарнике.

–Пора! – Лихой оглянулся на Милада. – Пора нам расстаться, боярин. Нам дорога в Чернигов лежит, ну а тебе домой возвращаться.

–Да. – Кивнул поместный боярин, думая о том, что водночасье лишился людишек на земле, а значит прибýtка в и так не слишком наполненную калиту.

–Прощай. Здесь все и без нас догорит.

–Счастливо!

–Ростов! По коням!

Держа заводных лошадей в поводу, ростовчане цепочкой потянулись к околице, оставляя стоять местных перед горящей избой. А чем еще они могли помочь? У каждого своя варна.

–В седла садись!

Вот и выезд из Лесной, вот и дорога, ныряющая в лес. Если поторопиться, то к ночи отъедут от проклятого места, верст на десять, повезет, так и на все пятнадцать, а там... Найти полянку, развести костерок, сварить кулеш, поесть и заночевать. Лошадь Лиходеева, первым следовавшего по намеченному маршруту, словно врезалась мордой в стену. Ее откинуло назад, заставив седока уцепиться в седло.

–Т-твою-ж мать! Чуть язык не прикусил!

Лиходеев оторопело помотал головой, осмотрелся. Ничего необычного. Вон изба горит и аборигены, пока еще при ней. Вот дорога. Ровная.

–Н-но, пошла!

Лошадь подчиняясь, скакнула и опять откинулась назад от прозрачной стены.

–Чего случилось, Лихой?

Богдан скакавший сразу за ним, никак не мог понять, почему лидер топчется на месте. Растерянный Егор, наверное первый раз в жизни не понимающий что происходит на ровном месте, при светлом дне, глянул помощнику в глаза.

–Проехать не получается!

–Как это?

–Да вот хрен его знает!

Соскочил на землю, выпустив повод из рук. Прошел по дороге, с разгону лбом больно-прибóльно ударился в невидимое глазу препятствие.

–М-мерзость!

Сел на пятую точку прямо при дороге, потирая ушибленный лоб. Все его люди собрались тут же, стояли над ним кучей, окружив лидера, один только рассудительный Вторуша, уже догадался, что не все так просто с их ватажком, и местом в какое попали, сторожко крадучись, выставив руку вперед, как слепец подобрался к искомой точке, пятерней нащупал невидимую преграду, кулаком постучал в твердую как железо пустоту.

–Ну? – окликнул Лихой.

–Не, не пускает!

Что дело «труба», дошло и до остальных. Богдан порывисто выхватил меч и размахивая им атаковал «стену». Клинок рассекая воздух сопротивления не встретил, пока кулак с зажатой в нем рукоятью не встретился сам со «стеной».

–Ай! – воскликнул от боли.

Победил возраст и рассудительность. Подняв придорожный камень, размахнувшись Вторуша пнул его вдоль дороги. Не встретив на своем пути препятствий, камень пролетев метров двадцать плюхнулся в дорожную пыль.

–Значит, не пропускает только живое. – Задумчиво констатировал боец. – Старый Дубыня когда-то рассказывал про такое. Все думали шутит, а оно вона как!

–И что? Застряли? – проснулся Лис.

–Колдун побаловал.

Лис на десяток метров пробежался вдоль прозрачной стены, ощупывая ее. Удивленно оглянулся на товарища.

–Так Дубыня ж живой еще, до сих пор небо коптит?

Вторуша в раздумье снова подошел к «стене».

–Сейчас посмотрим!

Развернулся спиной к дороге и задом пошел на стену. Шаг, еще шаг, еще. Прошел контрольную точку, не встретив сопротивления. Остановился.

–Все как Дубыня сказывал. Говорил, сами вышли, а без лошадей остались, их-то задом не заставишь идти. Вот так!

Лихой подхватился на ноги. Точно так же как и подчиненный спиной вперед преодолел «стену». Остальной народ в полном составе проделал тот же фокус.

–Уже хорошо! – повеселел Лис.

Лиходеев без каких либо помех вернулся на «закрытую» территорию. Глядя со стороны на манипуляции ростовчан, к их лошадям подтянулись черниговцы, удивленные происходящим.

–Нам без лошадей никак! – высказался Лиходеев.

–А с ними не выйдем! Дубыня...

–Вытолкать жопой вперед!

–Да это же лошадь! Боярич, ну как ты ее толкать будешь именно у стены?

–И что предлагаешь?

–Бросаем.

–Вторуша, ты про верлиоку когда ни будь слышал?

Воин наострил уши.

–Ты это к чему спросил?

–Колдун пообещал, что ночью нас здесь верлиока кончит. Всех. Без лошадей далеко не убежим.

–Нда-а! – помрачнел лицом.

–Так, что, сливай воду, туши свет?

–Какую воду?

–Вторуша, не тормози! Кто такой верлиока?

–Ну, если как бабки расписывают, то... – наморщив лоб, процетировал. – Он ростом высокий, об одном глазе. В плечах поларшина, на голове щетина, на клюку опирается, сам страшно ухмыляется.

–Ну и что нам может сделать сей инвалид? Он же сам едва ходит!

—Это страшная нежить, боярин Лихой. — Подал голос Милад. — Говорят его так просто не убить, а он может многое. Все живое ему ненавистно. Мне не хочется вместо светлого Ирия, оказаться в Дасуне. Уж извини, как ты говоришь, лиятья потребно!

Вторуша хмыкнул.

—Так-то оно так, бояре! Да, только от напасти сей нам без лошадей не уйти. Он хоть и хром, да быстр, от преследования не откажется. Нагонит. Подумать крепко надо, что делать. Есть у меня одна мысль, опять таки от рассказов деда Дубыни пришедшая. Только, обсудить надобно, да поработать до ночи всем придется.

—Обсудим, — подвел итог Лиходеев.

Ночь вступила в свои права, укрыв все живое темным покрывалом. Июльская теплынь убаюкивала спящий мир едва заметным ветерком. Мертвая деревня как ей и следовало, не подавала признаков жизни. Закрывшая лунный круг туча, медленно отплыла в сторону, высветлив небосвод, дав ночному светилу взглянуть вниз. Храп и фыркание лошадей наполнило жизнью тишину. Разнуздав, их загнали в две большие избы особняком стоявших у околицы. Не хватало еще только начать ржать на всю округу. Лихой с крыши, покрытой дранкой, обозревал окрестности населенного пункта. Избу, где он устроил свой НП, и которой придется сыграть важную роль в истреблении монстра, выбирали скрупулезно, по-хозяйски. Чтоб крепкая была, чтоб дверь смогла выдержать добрый удар. А с крыши на соседское строение протянули веревку. Земляными работами занимались все, не глядя на чины и положение. Некогда было ерундой страдать. Выжить хотелось невероятно! Теперь бойцы попрятались по схронам, а Лиходеев в роли живца, должен был подманить верлиоку на себя. Сам вызвался!

Егор поправил ремешок щита, закинутого за спину. Мандраж в юном теле присутствовал. Как же ему не быть? Оделся легко, только в полотняную рубаху, порты да сапоги. Не мог по-другому. Вещун в груди с каждым вздохом долбил:

«Придет! Придет! Придет!»

Ну, да, ты еще поучи меня уму-разуму. Поведай, как правильно жить меж аборигенами! Хотелось годика два пожить в сем тихом омуте, возмужать, подрасти, с действительностью слиться, вжиться в реалии, в конце концов. Думал, поймал Бога за бороду. Ща-аз! А вот на тебе родимый, проверочку на прочность. Как там ты себя поведешь? А вот, заполучи-ка вторую! Штаны не запачкал в ожидании? Проверим!

Лиходеев привык доверять вещуну, не раз спасавшему жизнь. Не мог просто так взять и уснуть сегодняшней ночью. Выжидал, маялся как неприкаянный. Вот и видно, какие разные они с тем, прежним Лихим, старым умудренным опытом, битым волком, которому нечего терять в жизни. Пацан!

Отвлёкся на мысли. Хорошо лошади тревожно заржав, привели в чувство. Прямо по дороге, проходившей по деревенской улице, ковыляя, двигалось чучело. По-другому не назовешь! При свете луны шедший экземпляр один в один, походил на огородное пугало. Верлиока, кому ж быть. Шел медленно, приглядываясь к каждой постройке.

—У-у-у!

Протяжный вой за околицей не походил на волчий, но заставил пот на спине холодным бисером прокатиться по коже, а рубаху прилипнуть к телу. Как ни ожидал чего-то тухлого от появления нечисти, но от напряжения чуть не скovyрнулся с выбранного насеста, в последний момент, удержался за веревку.

—Да, чтоб тебя! — вырвалось в полный голос.

Верлиока услышал, навел резкость единственного глаза на парня.

—Чего уставился, лапоть? Видишь, живу я здесь! А ты своим видом мне гнездиться мешаешь.

Монстр не оправдал ожиданий, сломя голову не бросился к избе, стоял и глазел на Егора. Чего ему еще нужно? В гляделки поиграть? Лихой пролез в дыру на скате, скрылся на чердаке.

Пусть знает, что он где-то рядом, пусть поищет приманку. Улегся на живот, на чердачных досках, рядом с присевшим на колено Смеяном, приник к пустоте люка, просунув в него руку с зажженным факелом. Языки огня осветили обстановку людского жилья. Ничего! Вот утырок! Где же ты есть? Запел с хрипотцой ломающегося голоса, от нетерпенья срываясь на фальцет:

-Где же ты, где
Звездочка алая?
Где же ты, где
Искорка малая?
Где же ты, где...

Внизу с грохотом открылась дверь. В свете факела проявилась морда лица. Ох, и страшен! Крючковатый, мясистый нос из под которого сельдями повисли усы, в потемках и не разбираешь какого цвета, борода выделяет вареники губ. На Егора выпучился единственный глаз на огромной щетинистой голове, он с ненавистью сверлит своего врага. Между тем весь вид монстра пробил Лихого на «ха-ха». Одет как чмо, в какой-то старый макинтош, длиннорукий с сучковатой палкой. Ну не воспринимался мутант серьезно, хоть тресни!

Здравый смысл пересилил, и то, заметил как чучело одним мигом изготовилось к прыжку. Отскочив, выкрикнул:

–Бей!

Смеян не подкачал. Ростовчанин вогнал стрелу в глаз прыгнувшего вверх монстра. Дикий рык поверг округу в состояние паники. Подпрыгнувшая нечисть, ослепнув, промахнулась, от души припечаталась мордой о потолок, встряхнув который, подняла клубы застарелой пыли, а падая с треском провалилась через прогнившие доски, уложенные над вырытой ямой, как раз над чердачным люком.

–Кхэ-кхэ-кхэ! А-кхэ-кхэ!

Прокашлявшись, Лиходеев сунулся посмотреть. Хорошо, что сначала выставил факел. Яма вырытая в два человеческих роста, инвалида не удержала, выскочил, мало того, вслепую умудрился выбить из руки «осветительный прибор», чуть руку не оттяпал когтями. Зараза! Силищи-то сколько! Бесновался внизу, о-го-го как!

–Бежи-им! – воплем позвал Смеян.

Оба вылезли на крышу, спотыкаясь, ухватившись за веревку, перебирая руками полезли по ней на соседнюю избу.

–Поджига-ай! – хрипел Смеян, понимая, что мальчишеский сип Лихого, воины могут и не услышать.

У самой избы, в ловушку которой поймали монстра, шла натуральная возня. Кто-то бегал, поджигал солому, которой заблаговременно обложили бревенчатое строение, кто-то мечом очерчивал круг и засыпал его дорогой по нынешним временам солью, сброшенной вскладчину в один общий кисет. Когда Лиходеев подбежал к месту расправы, дверь, снаружи закрытая на щеколду, содрогалась под мощными ударами изнутри. Два черниговца и ростовчанин, спинами подпирали ее. Уже немолодой Вторуша, ощущая на поясице силищу верлиоки, в голос вычитывал заклинание. И как вычитывал! Егор опешил, услышав слова наговора.

Вторуша даже не кричал, он ревел во всю глотку:

–Велесе гой есе, услышаси и подажди все. Ты же, сила нечистая, и мать твоя сука траханая в восемь дыр, в гроб, в душу, убожество безродное, курвище и угрёбище, отойди, сгинь, пропади, исчезни! Отсылаю ты верлиока на хрен, изгоняю в горы, в доли, где солнце не светит, где месяц не блеснёт, где собаки не лают, где никто не бывает. Силищей превозможу всё охрененной и самим же хреном железным, богами несённым, офигаху ты и расфигаху ты! А не пойдешь добром...

Б-бум! Дверь снова содрогнулась и стало понятно, еще удар изнутри и все... Вырвется поганин!

... – пойдешь босяком, дристать по сраным оврагам, давиться хреню по корягам, оторву тебе место причинное напополам! Сгинь, пропади и рассыпся, сучье отродье, размандя суконная-толоконная! Не бывать тебе здесь, ни в сём теле, ни в сём месте. Сгинь навсегда!.. Фиг с тобою, иди к сорока дубовым колодам. Пшел в гузно, на самую глубину, тьфу, тьфу, тьфу!..

Вторушу кубарем снесло за пределы почти заверщенного обережного кольца, но концовку заклаться он прохрепеть успел.

...– Всем гоям гой!

С последним словом, монстр прекратил ломиться, только утробно ревел за дверью и чем-то гремел. Вот и дверь подожгли, а круг замкнули как раз остатками соли, успев до этого выско-чить наружу.

–Всё! – выдохнул Богдан.

Народ дышал как загнанные кони. Все отбежав, оцетинились клинками, прикрывшись щитами, с вожделием слушали рык в огне.

–Все живы? – спросил Милад.

–У нас все. – Ответил Хольми.

–Наши тоже все живы, – обозвался Лис.

Огонь пылал не переставая, треском и своими сполохами нарушая тишину ночи. На огонь можно смотреть часами, особенно любясь ним, когда в нем сгорает твой враг. Рев оборвался и больше не возобновлялся. Воины не сразу заметили как посветлело небо на востоке, только самый юный из Миладовых воинов, Растан проронил:

–Зимстерла просыпается, а колдун говорил, что до рассвета не доживем!

Лиходеев притиснулся к уху Вторуши, спросил:

–Кто проснулся?

Умудренный опытом воин удивленно окинул взглядом ватажка, но ответил:

–Хм! Зимстерла, богиня рассвета и утренней зари.

В это время горевшая изба обрушилась внутрь себя, похоронив останки нечисти. Русичи на всякий случай вздели на руки щиты, из ножен повытаскивали мечи. Нет, пожар сожрал все. Лихой повернувшись, пешком пошел по дороге на выход из деревни, в том месте, где должна была находиться прозрачная стена, замедлил шаг, чтоб не удариться лбом, но как и предполагал, беспрепятственно прошел к самому лесу.

–Бинго! – вспомнил слова колдуна на смертном одре, улыбнулся. – Как говорил товарищ Чапаев, «с голой пяткой против шашки – это оригинально».

-9-

Чем дольше созерцаешь море,
тем дальше уплывает золотая рыбка.

Личное предположение.

Однако это надо было увидеть собственными глазами. Сразу чувствовалось, что князя черниговские не бедствуют, и среди своего класса, являются чем-то сродни олигархам Российской Федерации, времен начала двадцать первого века. Громада каменного детинца, окруженного рвами, валами, неприступными стенами с высокими башнями, занимала площадь в несколько гектаров. Во всяком случае, Егору показалось, что это именно так. По временам, высоко на стене, в промежутке между зубцами, солнце пускает блик на шлем и кольчугу проходящего караульного воина. Не дремлет стража ни днем, ни ночью, и любая непогода ей нипочем. С высоты птичьего лёта обозревают округу. С точки зрения диверсанта, тот, кто строил этот замок, был умным, предприимчивым мужиком. Выстроил свой «дом» на мысе, в месте слияния рек Десны и Стрижня, тем самым взяв под контроль всю местность.

За линией оборонительных сооружений, посад. Стройными рядами поднимаются боярские усадьбы, перед ними купечество сказало свое слово, поставило дворы. Посад продолжился гостевыми и постоянными дворами, харчевнями, складами. Мастерские ремесленников, медуши и мельницы, вытеснили поближе к Стриженю, там же обосновалась городская чернь, ютившаяся в лачугах. Единственно чему был удивлен Лиходеев, так тому, что святилище столицы соседствовало с этими лачугами. Волхвы еще в стародавние времена поставили свое капище на холме, на востоке от Подола и воспринимали весь люд одинаково, им было по барабану, князь ты или смерд.

Прошлявшись без особого толку полдня, Егор вернулся в район городской бедноты. Праздного люда на улицах почти что и нет. Все что-то делали, куда-то торопились, шли, ехали. На Лихого никто внимания не обращал. Ну, идет себе молодой горожанин, и пусть идет. Видать фарт у него такой, идти, и никуда не торопиться.

Рисуясь перед девками, собравшимися у колодца, два княжих воя в кольчугах прямо поверх рубах, при мечях на поясах и щитах, заброшенных за спины, прогарцевали в конец Подола. Видно девиц тоже не оставили мысли про кавалеров, что-то прощепетав по поводу служивых, прыснули смешками. Засмотрелся. Эх! Вон та, что с краю застыла, смотрит куда-то вдоль дороги, хороша-а! Организм вспомнил, что он не девственник, что ему нравятся именно такие невысокие, русые, спортивного телосложения особи. Те, что рядом – не-ет! Поразьедали на натуральных продуктах телеса, для ныне живущих парней, эталон красоты, для него жирноваты. Кустодиевские барышни, блин горелый!

Остановив лоточника, Егор бросив ногату, стал обладателем пары вкусно пахнущих пирогов с зайчатиной. С аппетитом умял сначала один, за ним второй, незаметно для окружающих проверился на предмет «хвоста». Черт его знает, этих аборигенов, вдруг у них уже появилась соответствующая служба. Вычислят, поймают, доказывая потом, что ты не верблюд. Чисто! Уже радует.

На одной из узких улочек, где стояло подворье Барсука, мужичонки в годах, занимавшегося мелкой торговлей, дальнего родича Вторуши, в воротах столкнулся с Волгавой, хозяйской половиной, несшей на плече матерчатый узел. Утром уже виделись, потому Лиходеев, чтоб хоть что-то сказать, пропуская дорогую женщину, предложил:

–Помочь, тетка Валгава?

–Та не! Туда, куда несу, чужих не привечают, а уж седмицу как, княжий воевода и вовсе запретил пущать без его дозвола незнакомых мужей, будь-то любого сословия и возраста. Так что, я уж сама управлюсь.

–Ага. Мои-то на месте?

–Вернулись, снедают.

Лихой вошел на двор, прикрыв за собою створу калитки. Жерех, старый дворовой пес, учуяв его появление, вылез из конуры. Еще раз приняхавшись, подав лапы вперед, прогнувшись, потянулся, зевнул, подняв при всем, при этом, филейную часть своего организма, выше головы. Помахал хвостом, тем самым выражая радость при виде хозяйского гостя, утром лично угостившего его костомаром.

–Что, Кабыздох, службу несешь? – зыркая взглядом по стене изгороди, спросил собаку Егор. – Или спокойная жизнь заставила забыть об обязанностях? Как говорится, кормят и ладно.

Усевшись на задницу, Жерех вглядывался в человека, чувствовал остатки адреналина в крови. Может быть думал своей собачьей головой о том, чего это приезжий ничего с собой не принес. Инстинкты и блохи взяли верх над всеми остальными потребностями, кабель отвлекся, принялся вычесываться и вылизываться.

Из сарая высунулась физиономия смуглого вихрастого паренька, старшего сына Барсука, шмыгнула носом при виде постояльца.

–Передай Богдану, что баня топлена, веники распарены. Пусть дядько Вторуша сам ответ всех, он знает, где что взять.

Для хозяев и всех интересующихся, Богдан числился старшим среди приезжих. Смешно ведь, когда недоросль командует взрослыми мужами.

–Добро, передам.

В довольно большой хате, расположилось все общество, без всяких изысков принимавшее простую пищу. При виде Лихого, все взоры вопрошающе уставились на него. Скривился, махнув рукой, произнес:

–Дохлый номер. Даже близко не подошел.

Сел на табурет, взявшись за ложку, придвинул миску, поставленную перед ним Лисом. Пояснил не высказанное ранее:

–Стены высокие, а рвы глубокие, патрулей и вратарей, как грязи.

Откусил от ломтя хлеба кус, зачерпнул варево, между глотками и пережевыванием пищи спросил:

–У вас, что?

–Да, почти что, и ничего. – Первым заговорил Богдан. – На торжище народ всякий. Ходят разговоры, что Чернигов по этому году ни с кем войну не затевает. Князь со свитой, родичами и ближниками проводит время в потехах и на охоте. О том, что кого-то силой привели в детинец, слухом не слыхивали.

–Это предсказуемо, – кивнул боярину. – Ты, Лис?

–Потеря среди воев. Точно известно о том, что четыре дни тому в детинце объявлялся однорукий, а с ним приезжал дан, Сигурдом звать. В детинце пробыли полдня, потом уехали. Десятник охраны городских ворот Дакша, сказывал, что по всей округе разосланы послухи, а в самом городе появились людишки, с целью пригляда за иногородними. Ране такого он не упомнит.

Замолчал.

–Все?

–Да.

–Ты, что узнал, Смеян?

–Детинец охраняют добре. На всех воротах стоят норги, внутренние чертоги под неусыпным оком гридней. На территории в казарменных постройках проживает дружина. По летней поре караул меняется каждые три часа. Да-а! Вот еще что! Сын боярина Бурдуна, а с ним пять десятков воев, третьего дня отъехали по княжьему наказу, куда, не вызнал.

–Вторуша?

–Походил по харчевням, с купцами, боянами, скоморохами пообщался, даже профессиональные нищие побирушки ничего о княжне не слыхали. Что-то не вяжется у нас. Окромя однорукого и дана, следов нет.

–Та-ак!

Лиходеев поднялся на ноги, как маятник заходил по комнате из угла в угол. На лице Лиса промелькнула улыбка. Ну это ж надо, отрок подмял под себя четырех взрослых мужей, а они не трепыхаясь, готовы по его слову бежать в другой конец города. Чудно!

–Ладно. Сегодня уже толком ничего не сделать. Там баню натопили для нас, помоемся, а опосля, ты Лис, пойдешь в город. Твоя задача выяснить, где проживает боярин Бурдун. Что представляет собой его усадьба, семейство, охрана, дворня. Как нам, по возможности незаметно, попасть в терем. Как потом выбраться из него.

–Зачем это? – напрягшись, подозрительно спросил Богдан.

–Во-первых, он княжий ближник. Во-вторых, сынок папашке мог и шепнуть, куда и за каким лядом, он в отлучку срывается. Если все срастется, будет в-третьих и в-четвертых. Ясно теперь?

–Теперь да.

–Вторуша, там тетка Валгава в детинец, я так понял, вхожа?

–За малую плату они с бабами постелю в княжих палатах стирают, бельишко на всю дружину. Сам знаешь, семейство у Барсука большое, есть-пить каждый день хотят.

–Как вернется, подкинь ей серебришка, пусть поможет на бересте план детинца составить. Конечно, что знает.

–Сделаю.

–Если завтра пойдет в детинец, пусть подыщет у себя, или у соседей возьмет женскую одежду по моему размеру. И обязательно чтоб платок на голову был.

Богдан, приложившийся к кружке с квасом, поперхнулся. Смеян с Лисом растянули губы в улыбке. Смеяться во всю глотку никто не решился, хотя всем все ясно.

Поутру, пестрая стайка женщин, стекавшаяся с улиц посада, вышла к дороге, ведущей к замковым воротам. Скандинавы, охранявшие проход в детинец, при виде прекрасной половины человечества подбоченились, с шутками и прибаутками, глазами раздевали матрон черниговских низов. Оно и понятно, постой на часах половину ночи, не на самом ответственном участке стен, когда центральные ворота доверены лучшим из лучших, захочется языком почесать.

Таща на плечах объемные узлы, бабенки из-под темного свода замковых ворот промеж двумя башнями, через маленькую калитку вышли на задний двор детинца. Одна из молодых судя по покрытой платком голове, высоченная, худая бабеха, пристально разглядывала местность. Да это, целое селение! Здесь и бассейн с водой, и жилища простолюдинов, то есть дворни – конюхов, кузнецов поваров, да тех же золотарей. Много работы нужно выполнять на благо княжеского семейства. Вон навес кузницы, и даже мельница.

Его не заметили, в общей толпе прачек, и он прошел вперед. Новый ров, новая внутренняя стена, новые ворота с такими же приспособлениями для подъема моста, какие он видел у первых, наружных ворот. Через калитку пропускали по одной, хоть славяне стоявшие в карауле не особо придирались, но пару слов пришлось из себя выжать, пообщавшись с молодым, скалившим зубы бодигардом.

Ф-фух! Перевел дух! Удалось пройти, и вот он вместе с товарками уже на другом дворе оказался. Тут конюшни, погреб, кухня, вообще всякие службы. А вот и терем, жилище владельца всего сущего на куске славянской земли. Красив, выстроен из цветной плинфы, ничего общего с деревянными теремами древней Руси с картинок детских книжек. Четыре замковых башни по бокам между стенами. На башнях полно охраны – стережется князь. Кого боится?

–Вход в подвальный этаж вон там, – прошептала Волгава в самое ухо, глазами указав направление, – там же темница, сокровищница. Вряд ли тебе туда.

Мотнула головой, вскидывая подбородок в нужном направлении.

–Женская половина, комнаты для детей, вон там чертоги родичей. Гостевые покои, там. Держись меня, не отставай.

–Угу.

Пробежали через прелестный фруктовый садик и цветник вместе с ним, раскинувшийся недалеко от заднего входа в жилище властелина.

Под пристальным оком двух воинов, по широкой каменной лестнице, примыкавшей к стене, поднялись на первый этаж, находившийся довольно высоко над двором. Лестница окончилась обширной площадкой у большой двери первого этажа. Крепкий муж, с необхватной талией, на грудь которого спускалась лопатой огромная борода, трубным голосом объявил:

–Торопитесь бабы! Князь с гостями и домочадцами изволит завтракать в парадной зале. Вам надлежит быстро поменять постели, собрать прежнее белье и уйти до того, как кто-то появится в покоях. Уразумели ли?

Многоголосое:

–Да-а!

–Приступайте!

«Лихой, твоё время пошло. Тут я тебе не помощник. Поторопись.»

Топот ног и шум открываемых дверей нарушили покой коридоров и комнат. Он сбросив с плеча узел, припустил по «взлетке». Скорей, скорей, скорей! Оторвался от выводка тетушек. Метров сто пробежал. Лестница вверх. Взлетел по ней. За дверью осмотрелся, прислушался. Шарканье удалявшихся шагов слабым эхом разносилось вдоль коридора.

«Стой!» – окликнул внутренний голос. – Послушался. Отдышался. – «Теперь иди, только тихо!».

Как кошка, совсем не слышно, двинулся по каменным плитам пола, заглядывая за двери, шел за спиной охранника.

Пусто, пусто, пусто! Заперто. Постучал. Тишина! «Дальше, дальше, дальше!» Снова заперто. На стук откликнулись:

–Чего надо?

Голос мужской, явно не Ладославин.

«Беги!»

Ноги в руки и бегом! Лестница. Вверх по ней! Где-то за углом мужские голоса, даже смех. Ясно, охране скучно.

«Вправо!»

Хотел ведь туда.

«А я говорю вправо!»

Ладно. Побежал другой стороной.

Спалился там, где не ждал. Уже двигаясь вниз, в коридоре второго этажа на «взлетку» из проверенной комнаты вышел мужчина в дорогой одежде. Да, какой там мужчина? Прыщавый юнец, по-другому и назвать язык не повернется.

Дорогу Лихому перегородил, скорее всего, представитель царствующего черниговского дома. Невысокий, с мягким пушком на щеках вместо грубой мужской щетины, парняга меньше всего ассоциировался со служивым человеком. Его голова «тонула» в большом, не по размеру колпаке с опушкой из меха, который придавал его облику зловещую и неуместную комичность. Глаза подростка одновременно выражали и скуку, и тоску, разочарование, и даже злобу. В них уже не было присущих этому возрасту озорства и молодости. Они блестели тусклыми, едва заметными огоньками, словно догорающие свечи.

«Готов? Сейчас этот недомерок приставать начнет!».

Очешуел?

«Да ты на себя посмотри, ведь в бабские тряпки одет!»

Точно!

–Постой! Куда так торопишься?

Снизу вверх, заглянул в лицо. Тонкими пальцами, словно тисками сдвинул запястье на левой руке, потянул к себе.

–Откуда такая сдоба в нашем тереме?

Егор рта не успел открыть, как недоросль другой рукой ухватил его за ягодицу, зафиксировал щипок всей пятерней. Твою ж..., так через коромысло, ну и что делать прикажете?

«А я предупреждал!»

Засранец меж тем изрек вывод:

–Хм! Суховата! Ничё, для разнообразия сойдешь. Идем!

Увлёк опешившего Лиходеева за собой, через пять шагов втолкнул в комнату, отвернувшись, засунул щеколду на двери в пазы. Обернулся. Лицо надменное, губы растянуты саркастической улыбкой, а глаза тусклы и злы.

–Чего встала, корова? Ну-ка, подняла подол и нагнулась!

Лихой захохотал.

«Чего гогочеш? Делай ему больно и валим отсюда!».

Да кто ты такой? Отвали, надоед! Надо же, сподобился!

Голосом доморощенного пидераста, почти пропел:

–Проти-ивный! Тебе нужно, ты и поднимай!

Юнец шагнул к Егору, а тот в свою очередь навстречу. Смещаясь чуть вправо, перенес вес тела на левую ногу, опять чуть провернув ее. При развороте корпуса, с замаха от всей души, стопой врезал юнца по наглой морде. Подол женской рубахи прикрыл его телодвижения. Брык! Шум падения бесчувственного тела. Вот так!

«Медленно. Резче нужно!»

Задрал уже!

Подошел вплотную, склонился над телом юного извращенца. Теперь он ему нравился больше, синяк точно будет на половину лица. У-у, крысиная порода, надолго запомнишь девку в теремном коридоре! А, пожалуй что и ненадолго. Синяк сойдет и все забудется. Нет дорогой товарис-ч, так не пойдет! Как там у предков? Лежачего не бьют? А я из другого временного континуума, для меня это правило не всегда действует. Поднялся на ноги, примерился, снова с маха впечатал носок сапога в промежность недоноска. Теперь порядок, если уд не сломал, то из яиц яичницу сотворил.

«Ох, жестко-то как! Но справедливо. Все, нам пора!»

Отвянь, я сказал!

«Ну-ну!»

Окинул дело ног своих. Пошутил:

–Прощай милый! Надеюсь тебе было хорошо со мной.

Снова голос в голове.

«Поторопись!»

Сунул голову в коридор, осмотрелся, прошмыгнул в полутемень и прохладу «взлетки», ускоренным шагом направился в сторону выхода.

Вовремя успел, прачки косяком покидали детинец. То, что княжну он не нашел, следовало ожидать, но проверка все же требовалась. Теперь отдохнуть часок, а там и за новое дело браться.

«Вот-вот! Все б отдыхать. Трудиться когда собрался?»

Слушай, ты внутренний голос или как? Что-то раньше не замечал за тобой такой настырности!

«Какой там к чертям собачим голос? Молодой, а старческим маразмом от тебя пахнет. Что, совсем тупой? Неужели до сих пор не понял, кто я?»

Не понял.

«Ну, т-ты и... Гм! Ты же сам меня у черта выиграл».

Как это?

«Действительно тупизна. Ты грешную душу у лукавого в карты выиграл?»

Ну, выиграл. Так это чисто гипотетически. Нахрена она мне сдалась? Ни ощутить, ни потрогать. Один пшик.

«Так вот этот пшик, я самый и есть! Понял теперь?»

Блин горелый! И чего мне теперь с тобой делать?

«А я знаю?».

Ты мне нафиг не упал!

«Если честно, аналогично!».

Так и гуляй себе! Только подальше от меня.

«Не могу. Я теперь твой»

Отстань! А?

«Сказал же, не могу!»

Ну тогда хоть молчи. Надоел.

Молчание было ответом Егору. Ф-фух! Полегчало.

В хлопотах день подходил к завершающей фазе. В саду у Барсука собрались почти все, ждали одного Вторушу. Богдан сидя на деревянной скамье, не вставая сорвал висевшее над головой яблоко, откусывая захрустел ним, нервно подергивая ногой. Мысль о том, что в чужом городе, он боярин Ростовского князя, будет беспредельничать, в попытке захватить ближника местного правителя, глодала его разум. Нет, не понять ему наказ бати, во всем быть послушным курянину. Так куда деваться? Перед чуром Велеса он и вои клятву принесли. Поневоле позавидуешь Лису, не думает ни о чем, скалит зубы, заигрывая со старшей дочкой хозяина.

Звенья цепи у калитки зашуршали глухим звуком. Дворовой кабель отметился голосом, подав сигнал о приближении чужого. Лиходеев, кромсавший кусками мясо у куста сирени, оглянувшись, глазами указал бойцам в направлении протоптанной тропки. Из-за сарая нари-совался Вторуша, сразу же голосом оповестивший всех:

–Купил!

–Давай сюда, – снова мотнул головой Егор. – У кого покупал?

–У араба на торжище. Сказал крыс травить.

В вырезанную из куска дерева посудину наполненную мясом, Вторуша высыпал из кисета мелко толченный серый порошок. Лихой размешивая свинину, велел:

–Кисет выбрось, руки помой. Смеян, суму подставляй.

–Ага.

Вымыв руки, Егор вернулся к товарищам, скосив взгляд на девушку, перешептывающуюся с Лисом, распорядился:

–Млава, сходи к матери, скажи пусть нам съестного в дорогу соберет.

–Уже уезжаете? – разочаровано спросила та.

–Да. Поторопись.

Вспорхнув со своего места и бросив томный взгляд на молодого Лиса, девушка убежала. Дождавшись, когда она исчезнет за углом, Лиходеев уселся рядом с Богданом.

–Ну, что, подельнички, присядем на дорожку?

* * *

В полной темноте, такой, что ни черта толком и не увидеть, с узких улочек предместья верхами выехали в сам посад. Широкая, мощеная известковым щебнем дорога пошла улицей, где заборы выстроились карандашами частоколов, из-за которых высились терема на боярских усадьбах. Лай дворовых собак огласил округу. У-у, предатели! Сами не спят и лихому народу жизни не дают.

–Кажись, добрались. – Подал голос Лис. – Через две усадьбы, его дом будет.

–Стой, спешиться, – распорядился Лиходеев.

Лошади удерживаемые поводом встали, всадники соскочили наземь. Сонную одурь ночи за ближайшей изгородью неспешно развеяла беготня дворни и отсвет факелов. Из отдаления, суровый женский голос спросил:

–Чего надо, полуношники?

Лис тут же откликнулся, добавляя в голос виноватых ноток:

–Мы тетка не к тебе. Заблукали!

–Я те дам, тетка! Вдова боярина Онега я. Пшли отсель, а то велю дворне собак на вас иродов натравить. Заблукали они вишь!

–Прости боярыня, уходим мы! – В самое ухо старшему зашептал. – Ничё! Старая вдовица в высокое общество не вхожа. Бедна, после смерти боярина стала. Я узнавал, вся дворня у ней – сторож, дакухарка.

–Двигаем!

Лошадей повели в поводу, как ни старались, предательское шуршанье копыт не добавляло тишины, как и дворовые псы, передававшие поздних проезжих, как говорится с лап на лапы. В душе Лихой костерил себя на чем свет стоит, как мальчишка прощелкал момент с этой долбанной щебенкой под ногами. Теряет квалификацию. Прошли мимо створ боярских ворот. Лис завел отряд в темный, поросший высокими кустами переулочек. Сказал односложно:

–Здесь.

–Стоим, ждем.

–Чего? – спросил Богдан, моля богов о том, чтоб все поскорей закончилось.

–Ждем, когда все вокруг успокоится. В тишине-то работать сподручней? – не идя на конфронтацию, пояснил Егор, догадываясь отчего товарищ обретаётся в таком расположении духа.

–Тоже мне работу нашел! Татъба да и только.

–Работа. – Прошептал так, чтоб слышно было и другим. – Именно работа. Переиначу сказ одного мудреца, сказавшего: «Работа, каждая нужна, работа, каждая важна». Все замолчали! Стоим, слушаем тишину.

Стояли и молча слушали, до тех пор пока не заткнулась последняя шавка.

В голове прорезался уже знакомый голос.

«Пора! Последние полуночники утомонились!»

–Вторуша, остаешься с лошадьми, нас ожидаешь. – Приказал Лихой. – Лис, держи суму, угостишь собак мясом, затихаришься и нас ожидаешь. Давай! Остальные, друг за дружкой за мной, двигаемся не торопясь тихим шагом.

Когда подошли к нужному забору, из-за него уже можно было услышать только тихое поскуливание отравленных псов, а вскоре прекратилось и оно. Погода шептала! Как специально поднявшийся ветерок, нагнал с реки мерзопакостный моросящий мелкой крупой дождь. Оскальзываясь на очищенных от коры кругляшах, взгромозились на забор, а с него попрыгали вниз.

Свет из узких окон-бойниц, отбрасывал призрачную тень. На нешироком крыльце, вышавшимся над землей на пару ступеней, в свете колыхавшегося на ветру огня, разглядели человека, по ночной поре рискнувшего устроить наблюдательный пункт на несвойственном его сословию месте.

–Вон конюшня, – Лис указал пальцем, – за ней лачуги дворни и скотный двор на самых задах. По левую руку от терема, во-он за теми кустами, сторожка. Сторожат вои из боярской дружины, их пятеро, остальные с сыном боярина на выезде.

–Повезло.

–Ясен пень, повезло! – Лис лексиконом Лиходеева, вставил свои пять копеек. – Чё делать с ними будем?

–Ты говорил, можно только через чердак по-тихому в дом пробраться?

–Ну да. Со стороны заднего двора даже лестница приставлена, на теремной стенке бревна поменяли, так наличники ставят.

–Тогда те, что в караулке пусть пока поживут, а того гуся, который насест сторожит,... Смеян, мочи в глушняк, только с одной стрелы.

–Обижаешь, боярич.

Тренькнула тетива. Сторож на крыльце дернулся и затих.

–Порядок? – спросил Лихого Смеян.

–Супер. Пошли крадучись.

Заранее припасенные маленькие глиняные светильники, помогли не шарохаться по всему чердаку, а сразу найти ляду, открыв крышку которой, по ступеням спуститься на второй этаж, в расположение светелок. Обшитые деревом стены боярской избы, в призрачном свете

отдавали белесой желтизной бревен. У стен сундуки и лавки, узкие окна-бойницы, на полах домотканые ковры, явно местной работы – такая вот обстановка.

Лис сунулся к уху, прошептал:

–По рассказу дворовой девки, это вот хозяйский покой. Там и там, детки спят. Там пустая, неженатый сынок в отлучке.

Егор еще раньше принял решение, кого, как использовать в деле и как поступить. Как ни странно, слабым звеном считал Богдана. Хоть в возраст и вошел, но так и остался чистоплюем и мамкиным сынком. Ничего не поделать, издержки воспитания, так сказать безотцовщина при живом-то родителе. Не раздумывал, распорядился:

–Богдан, сторожишь в коридоре.

–Почему...

–Исполнять.

Передал светильник Смеяну, вплотную подошел к двери, на полпальца приоткрыв ее, прищурившись, заглянул в щель. Тьма египетская!

«Там он. Не сомневайся. Почивает». – Подсказала душа выигранная в карты.

Прислушался. Протяжный, басовитый храп хозяина дома, перемешивался с храпом воспринимавшимся ухом более терпимо. Спите, значит? Оглянулся к своим, шепнул так, что едва услышали:

–Светильник дай, входим.

Прикрыв ладонью пламя первобытного фонаря, обогнул двуспальную лавку со стороны боярина, кивком головы мотнул Лису на спящую женщину, одними губами произнося лишь слово:

–Страхуй!

Дальше не отвлекаясь и не отрывая глаз от фигуранта, обследовал местоположение спящего. Поставив светильник на неширокий подоконник, встал у самого изголовья, вдохнул, выдохнул три раза под пристальными взглядами подчиненных. Резко опустил, можно сказать, воткнул кулак в шею боярина, почти под самый череп. На выдохе храп прервался. Лихой отошел от клиента, распорядился:

–Теперь пеленайте и выносите. Я подстрахую.

Ростовчане, расстелив одеяло на полу, поднатужившись, уложили боярина на него, спеленали.

–Здоровый кабан! – свистящим шепотом оповестил Лис, при своем хлипковатом телосложении на пару со Смеяном, надрываясь под весом в полтора центнера.

Лиходеев поправив одеяло на боярыне, забрал светильник и прошмыгнул из светлицы в коридор.

–Богдан, подмени Смеяна, а ты ступай первым. Если кто шум поднять решит, успокоишь стрелой. Выходите через главный выход, а там через калитку. Идите, я вас догоню.

Дождавшись пока бойцы спустятся на первый этаж, прокрался к детям. В первой спал пацан, по возрасту его нынешних годов. Не пойдет! Больно возни много с таким. Во второй сопели сразу три девчонки.

«Младшую бери. В ней весу, чуть», – отметил голос.

Да, пошел ты. Советчик, твою мать!

Однако грешная, неуспокоенная душа права. Мелкая самое то.

На цыпочках прокрался к той что помельче, примерился и пальцем надавил точку вверх хребта. Перевернул на спину, взгляделся. Глаза малой пристально следили за ним, из уголков глаз стекали слезы. Порядок, обездвигил. Иди сюда, моя хорошая. Запеленал, забросил худенькое тельце на плечо, выходя, прикрыл за собой дверь.

Своих догнал перед самым переулком. Вторуша помог загрузить на коня тяжелого боярина, принаитовать. Спросил Лихого:

–Как?

–Могло быть хуже, но с пивком потянет, – отшутился тот. – Возьми у меня поклажу, с ней поедешь.

–Это что?

–Боярышню по пути прихватил, вдруг сгодится.

–Мы так не договаривались! – возмутился Богдан, уже сидевший в седле.

Егор запрыгнул на лошадь, вдел ноги в стремя, перебрал поводья.

–Разговоры отставить! Лис, веди.

Рассвет встречали верстах в пяти от города. Ночь опасна не только лихими людьми, но и возможностью заплутать, шею свернуть, лошади лишиться. А еще, неизвестность смущала, мало ли в какую сторону придется править.

Методику допроса, Лиходеев усвоил еще будучи зеленым лейтенантом. Уметь допрашивать языка приходилось в самых разных условиях, в развалинах дома, в лесу, в воронке от снаряда. Однако если была возможность, то развязать язык лучше в стационаре. Стационара как часто бывает, не было и в помине. Велев Вторуше с его грузом остаться в леске, пояснил:

–Как руку вверх подниму, подъедешь с девкой ко мне.

Егор вывел остальных на небольшую елань. Высокая трава вмиг покрыла сапоги августовской росой. Раннее утро. Распорядился:

–Парни, ну-ка, привяжите товарища боярина к этой березе, а сами прогуляйте лошадей к тому месту, где обосновался Вторуша.

Лис сверкнул любопытным взглядом.

–Может помочь чем, боярич?

–Управлюсь.

Хлопот за время движения пленник не доставил. Ясное дело, если ты в отключке, перевозить, а не тащить тебя на загривке, одно удовольствие. Сунул руку к шейной артерии, нащупал точку на теле, нажал пальцем.

–Мм-мы!

Во-от, уже в себя приходит. Значит, не передержал, уже хорошо. А то ведь было. Каюсь, было... Вижу, что готов. Допрос ведь, как его требуется проводить, глаза в глаза. Здесь всякий лишний человек помешать может, отвлечь внимание, нарушить обстановку неуместным вопросом. Калечить-то неохота, работать с клиентом можно ведь и без грязи, но и дружескую беседу корчить не будем. Время дорого. Поехали!

–А, что, боярин, жить-то, хочешь? – бесстрастным тоном задал вопрос.

Крепко привязанный к дереву, немолодой грузный мужик в нижнем белье на босу ногу, с курчавой, окладистой бородой, вращал глазами, пока еще не совсем понимая, как с ним случилось все это. Да и व्यюнош, вставший перед ним в полный рост, не дотягивал статью до его понятий о татях. Вопрос сорвавшийся с губ, молодого душегуба, не заставил сомлеть, а вот спесь выплеснулась наружу.

–Как смеешь насмехаться, смерд? Развяжи! Да я велю запороть тебя! Собаками затравлю, подлое семя! Ты...

Егор больше не стал слушать угрозы. Шагнул к боярину. Он как в спортзале боксерскую грушу, обработал кулаками корпус и живот пленника. Бил крепко, но со знанием дела, стараясь не повредить человеку его жизненные органы. Отшагнул. Дождался когда тот придет в норму.

«Не переборщил?»

В самый раз.

Воспитание хладнокровия является неотъемлемой частью работы офицера-разведчика над собой, которая должна вестись в любых условиях, постоянно и систематически, при любом строе, времени, при мире или войне.

Теперь работать!

–Покричал? Будем считать, что я тебя услышал, угрозу понял. Теперь работаем по существу, я задаю вопросы, ты на них отвечаешь. Скажешь правду, я тебя отпущу.

–Смерд! Ничего не скажу!

–Вопрос первый. Зачем произвели похищение княжны Ладославы?

–Смерд!

Снова серия ударов по корпусу.

–У-у-у! – тихий вой говорил скорее не о боли телесной, а о душевном состоянии подопечного. Он выл от того, что не в состоянии вырваться и исполнить угрозы.

Понятно! Очередная серия ударов. Ну, отдохни. Поднял руку вверх. Не оборачиваясь по топоту копыт понял, что Вторуша подъехал. Не отрывая взгляд от лица боярина, приказал:

–Скинь в траву, так, чтоб боярин видел девку.

Тюк, завернутый в одеяло, соскользнул в траву.

–Езжай!

Заглянул в глаза допрашиваемому, спокойным голосом спросил.

–Видишь одеяло? Там завернута твоя дочь. Если ты будешь молчать, ее зарежут на твоих глазах. Ты этого хочешь?

Подошел к тюку. Отбросил материю, открыв лицо ребенка. Слезы потекли по щекам мужика. Клиент поплыл. Теперь он осознал, явь происходящего, даже рук-ног ломать не требуется.

–Ты упырь! – сделал вывод боярин.

–Да, нет. – Спокойным голосом опроверг сказанное оппонентом. – Все очень просто. Обычный обмен, как в индийской игре. Одну полевую фигуру разменяли с другой. Сам ты, человек не посторонний в сей задумке, княжий ближник. Все, что случилось, оно исполнялось и с твоим участием. Чему ж тут удивляться. И так, вопрос. Зачем произвели похищение княжны Ладославы?

–Ы-ы-ы! – боярин ревел, оплакивал то, что его язык не отрезан, а сам он жив. Заговорил. – Волхв Властибор надоумил нашего князя, дожидаться свадебного поезда и на территории Ростовского князя похитить невесту. Тогда война меж Ростовом и Курском неизбежна.

–Допускаю. Но так ли она нужна?

–Для Чернигова она во благо. Князь после того как полки соседей побьют друг дружку, пройдет огнем и мечом по их территориям, кто из княжих родов выжил, добьет. Старший сын его, Владимир, Ладославу за себя замуж возьмет, и стол Курский обретет законного правителя.

–А Ростов?

Мужик посмотрел на Лиходеева, как на ущербного, поерзал спиной по шершавому березовому стволу:

–Дочь, точно жива?

–Да, что ей сделается? Спит. Ну?

–У Святослава еще сыновья имеются, Зареслав с Ростиславом, да дочерей две, Светозара и Радмила. Неужели ты думаешь, юнец, что столы пустовать будут, а дочерей своих князь за простых бояр отдаст?

–Ну да, ну да! Вопрос второй. Где держат княжну?

–Так в черниговском де...

Серия ударов в живот, как в мешок с отрубями, встряхнули мужика. Отдышался.

–Не знаю!

Лихой подошел к девчонке, наклонился над ней, сунув ладонь в сапог, вытащил нож.

–Мелкая совсем, – задумчиво произнес, казалось только для себя.

Обратил лицо к боярину, спросил:

–Десять лет ей исполнилось?

«Что, случись чего, в самом деле зарежешь?» – в голосе карточного выиграша послышались любопытственные нотки.

Дурак! Право слово. Для дела так нужно. Изыди, отщепенец. Без тебя тошно!

Между тем пленник окончательно дозрел, насупился, задышал быстрее. Сдался.

–В Лахновском она!

–Вот, молодец! Сын с дружиной туда поскакал?

–Туда. Но тебе мой сказ ничего не дает.

–С чего бы это?

–Ты детинец Лахновского погоста видел?

–Нет.

Боярин невесело улыбнулся в бороду.

–Не по зубам сия крепостица иному войску. На сей день в ней одних дружинников собрано сотни полторы, да swei с данами, да еще Прозор с остатком своей ватаги.

–Н-да!

–Слышь, молодой!

–Ну?

–Ты ежели меня кончить надумаешь, то давай. Только дите не трогай, мала она еще. – Взмолился боярин.

Лихой подошел к березе, резанул ножом по веревкам, освобождая Бурдуна. Боярин со всех ног бросился к дочери, подхватил на руки, прижал к своей необъятной груди и животу. Спросил:

–Чивой-то не просыпается?

Лиходеев подошел к ним, пальцем нажал точку в организме ребенка. Девочка открыла глаза, высвободив руки, обняла шею родителя.

–Папка!

Бурдун скосил глаза на недавнего мучителя, снова спросил:

–Что, прям так и отпустишь?

Лихой хохотнул.

–Не! Еще повозку с лошадьми дам и провожатых предоставлю. Ха-ха! Своими ногами дойдешь.

–А ежели я к князю пойду?

–Твое дело боярин. Но помни, сегодня мы с тобой враги, а завтра может стать, союзниками будем. В этой жизни исключать ничего нельзя.

–Что ж с тобой дальше будет, коли взрасти дадут?

–Поживем, увидим. Прощай боярин!

Егор рукой махнул, приказывая подвести ему лошадь.

-10-

Пещерами, тропами, бродами,

Меж скальных усталых пород,

Сменяя закаты восходами,

Овраги – сияньем высот,

Шагаем сквозь дымку тягучую

К долинам минувших веков...

Венедикт Немов.

Лесной шлях вывел к желаемому населенному пункту. Вот он, погост Лахновской, детище нынешнего князя, излюбленное место охот и проведенных тайных суарэ! Уже издали боярский замок напоминал сказочный дворец. Сам погост раскинулся внизу, весь окруженный водой и лесом. Одним боком он прилепился к запруде на реке. Егор из седла, приподнявшись в стремени, рассмотрел хатки предместного городища, здесь обосновалась голь перекатная,

едва сводившая концы с концами. Как-то не очень заметно родовых связей и традиций. Может быть набег полонцев довели проживающих в нем людей до края бедности? Или уже свои постарались? Да-а, картина невеселая.

Потянул повод, останавливая лошадь. Весь отряд поравнялся с предводителем, встав в один ряд. Егор высказал предположение и тут же нарезал задач.

–Времени у нас совсем нет. Не удивлюсь, если князь по нашим следам отправил сюда усиленный отряд с умным командиром. Посему и мы поторопимся. Богдан, гостинный двор на тебе. Въезжаешь как вой-одиночка, готовый предложить свой меч любому, будь то князь или купец. Выясняешь, что знают о княжне. Только ненавязчиво, ни в коем случае не задаешь вопросы в лоб.

–Не дурак!

–Лис!

–Да?

–Хоть костью ляг, но к обеду раздобудь мне старого золотаря. Желательно пенсионера.

–Кого-о?

–Хм! Такого, который по причине возраста сменил работу на рыбалку, но до этого, всю жизнь черпал гавно во-он из того домика на скале.

–Так бы и сказал, а то приплел какого-то пынсионэра!

–Хорошо. Езжайте, встретимся в гостинице.

Оставив лошадей на Смеяна, Егор с Вторушей спешившись, вышли на рыночную площадь. Рынок не тот, что в стольных городах и погостах, на перекрестных путях купеческих караванов, тих, ленив, и в некоторой степени, благолепен, но посмотреть и здесь было на что. Купцы, они ради наживы, способны забраться даже в слонячий анус, а здесь, можно сказать, летняя резиденция местного олигарха, значит и деньга у некоторого народа водится.

Пройдя мимо купеческих лабазов, они очутились у начала торгового коловороты. По понятиям Егора, рынок мало чем отличался от барахолок тысяча девятисотых годов, только сам народ одет как статисты исторического фильма про Древнюю Русь. Холщевые рубахи свободного покроя с вышивкой по рукавам и вороту, просторные штаны, редко цветные, все больше серого цвета из отбеленного полотна, кожаные куртки да безрукавки из шкур мехом наружу, а у женщин платки, завязанные под подбородком, редкость головные уборы с вышивкой или жемчугом, но это у тех кто побогаче, все-таки не столица, а заштатный городишко. Перед глазами промелькнула ватага скандинавов, своеобразных гастарбайтеров из северных стран нынешнего времени, бряцающих воинской справой. Каким ветром их занесло в лесной погост? Смеясь и переругиваясь на своем языке они, раздвинув толпу, прошли в боковой проход. За деревянными лотками, крытыми навесами из дранки, торговали узнаваемые по прошлой жизни «лица кавказской национальности», среднеазиаты, да и славян-торговцев присутствовало много. Торговали всем, чего душа пожелает. Нынешняя толкотня торговля, наполнила сердце его ностальгией по дому. В погост, в торговый день съезжались крестьяне соседних и дальних селений, разноплеменный народец, судя по вышивкам на рубахах мужчин и женщин. Рядом с ним, раздавались зазывные выкрики на ломаном русском языке:

– А вот халва, сладкий как женщин целует, подходи, дам отведать. Сласти. Сочные абрыкос как губы девственницы.

Егор повернул в сторону выкриков. Лицо характерного типа, с чертами до боли знакомыми каждому россиянину конца двадцатого, начала двадцать первого века. Стоявший за лотком чернявый худосочный «шашлык», лет тридцати, в одежде восточного пошива, торговал курагой, гранатами, инжиром и изюмом. На прилавке так-же присутствовала халва, желтый сахар и прочие восточные сласти.

Торг шел по полной программе, народ торговался, пытался выгадать даже в какой-то мелочи. Лотки тканей и готовой одежды, обувь – все это рядами, подходи, выбирай кому что

надо. Лотки кожевников – выделанные кожи и изделия из нее: ремни, куртки, упряжь, седла. Ювелирные изделия из серебра, стекла. Мед пчелиный всех сортов, оттенков, вкусов. Мед хмельной, румское вино в бочках, кувшинах. Пушнина.

– Нам вон в тот конец, – указал направление Вторуша.

Егор соглашаясь, мотнул головой.

– Зачем тебе золотарь, боярич? – мучаясь непоняткой, спросил умудренный годами воин.

– Понимаешь, дружище, в замок так просто не попасть. Дверь перед нами никто за здорово живешь не отворит, зато накостылять могут, мама не горюй как! Все люди едят и пьют, а значит какают и писают, и я очень сомневаюсь, что с той верхотуры, на которой крепость стоит, отходы жизнедеятельности человека вывозят бочкой. Улавливаешь мысль?

– Ты хочешь...?

– Да! Попасть туда по каким либо из существующих каналов. Если удастся, то по воде, а нет, так и по говну пройдем, лишь бы толк был.

Вторуша замолчал, лишь изредка бросая взгляды на своего нынешнего начальника. О чем он думал? Понять было сложно. Его лицо не выражало эмоций.

Оставив позади себя «пчелиный рой» рынка, проследовали к посаду. Харчевни и гостинный двор ничем особо не отличались от остальных заведений такого типа по всей Руси, а вот дальше...

Как только Лихой зашел в конец, где проживали приближенные дружинники, подчиненные наместнику Черниговского князя и купцы, узнал много нового об лесном погосте. Это было, все равно, если бы в своем времени подполковник Лиходеев попал в подмосковный поселок для новых русских. За высокими заборами из струганного теса, с массивными воротами на железных петлях, по краям дороги в два ряда выглядывали терема, украшенные резными наличниками и ставнями. Однако вместо стекол в рамках окон поблескивала на солнце мутная слюда. Из-за заборов раздавались голоса челядинов и лай дворовых собак. Жизнь кипела, как и везде. У самых заборов, умная голова догадалась проложить канавы. Рассматривая дома местного бомонда, Лихой вышел к берегу реки, прямо к широкому затону с мостками для лодок и лодий. Сама улица не доходила до него метров сто, и незанятое никем место поросло кустарниками и деревьями. Видно разлив реки в половодье не позволял отстроить еще пару дворов. Противоположный берег порос лесом и радовал глаз спокойствием пейзажа. Листва на березах, наполняла душу радостью, а еще, чем-то до боли родным. Лихой уже давно подметил, что с тех пор как он попал в этот мир, он внутренне расслабился, не так сильно саднили душу тоска и воспоминания о былом. Лишь изредка мелькнет мысль и канет в небытие, а вместе с ней и неприкаянность прошлой жизни.

Громада замка возвышалась над рекой на высоком каменном уступе, природного свойства. Осмотр местности ввиду ограниченного времени носил крайне поверхностный и локальный характер. От поселка местного высшего общества, к «орлиной скале», вернее к замковым воротам шла ветка грунтовки.

– Что скажешь? – глядя на все великолепие пейзажа, спросил Егор.

– Хитро придумано. – Вторуша остановившись и подняв голову рассматривал местность.

– Конкретно?

– Сам посуди, на лошадях к детинцу незамеченными не подойдем, а назад тем более не выйдем.

– Во-от, еще пять сольдо в копилку Карабаса! А ты спрашивал о золотаре! Ладно, идем, времени все меньше.

Скальная порода проявила себя холмом еще на подходе к замковым стенам. На вершине этого холмика, обнаружилась небольшая полянка, на которой словно прыщ на коже, громоздилось строение, предположительно внешняя сторожка. Ну не дом же лесника?! Лихой уцепившись за рукав рубахи, увлек ростовчанина прочь с грунтовки в лесомассив. На лавке под самой

стеной, сучали два стража, разомлевших на солнышке, нагревшем железные шеломы на их головах. Вместо воинского доспеха, оба блюстителя порядка были одеты в подобие жилетов поверх подкладов, сшитых из грубо выделанной кожи, с нашитыми на груди железными пластинами. Широкие шаровары заправлены в сапоги. Мужики дородные, оба в возрасте, лица обросшие густыми бородами и усами с проседью, без какого либо намека на стильность и вычурность. Подзажрались на спокойной службе. Лиходеев хмыкнул. Если бы этим двоим сменить прикид, запросто можно выставлять под двери богатых гостиниц и ресторанов.

– Возвращаемся. – Принял решение на отход. – Ты иди, я догоню.

Когда Вторуша отдалился, мысленно позвал своего «напарника».

Эй! Ты где там?

«Где же мне быть? Здесь».

Это хорошо. Дело у меня к тебе. Тебя кстати, зовут-то как?

«Х-ха! Сподобился. Лукой Ботиатом кликали».

За что у чертей срок в преисподнюю получил, если не секрет конечно?

«Какой там секрет. Финансовые аферы подкосили. Ох, скольких я разорил, вспомнить страшно. Потом бац! Сердечный приступ и как ты говоришь, пишете письма. От Петровых ворот завернули напрямик в преисподнюю, там даже не телились, приставили..., ну ты знаешь к кому. Воспитатели, мать их так! Так чего ты хочешь?».

Ты же у меня Лука, дух бестелесный. Так?

«Ну, так».

Вот и сползай во-он в ту богодельню, – указал глазами на ласточкино гнездо замка на утесе. – Узнай, там ли она? Что с ней? Может еще что вызнаешь?

«А ты, хозяин, оказывается эксплуататор! Ладно. Со скуки сметаю, чтоб существовать интересно было».

Сделай одолжение.

До гостиницы они со Вторушей добрались уже верхами, а сойдя с лошадей попали в руки обслуживающего персонала, в лице неряшливого юнца, на ходу оправляющего, запачканную чем-то съестным рубаху.

– Ночевать у нас желаете?

Егор при виде официанта-метродотеля в одном лице, скривил губы, но Вторуша со Смеяном на такую мелочь не заморачивались.

– Ночевать у нас желаете?..

Повторился работник сферы обслуживания. Его пытливый взгляд напоролся на безразличную гримасу молодого боярина.

– ... Милости просим.

– На одну ночь остановимся. – Согласился Вторуша, исполняя роль основного в приезжей тройке. – Распорядись, чтоб лошадей обиходили и покормили.

Юнец открыл дверь, пропуская посетителей вперед. Внутри было опрятно. Столы чистые, выскобленные, пол подметен, ставни на окнах открыты, в них поступал прохладный воздух со двора. Под притолокой торчали ветки полыни и можжевельника.

За спиной послышалось сопение:

– Светелки наверху.

Парень показал рукой на ведущую на второй этаж лестницу.

– Ну что ж, добро! Пусть поест сгоношат и в комнату принесут.

Вторуша полез в кошель, отсчитал три новгородки и сунул в руку парня, спросил:

– Достаточно?

Тот молча кивнул.

Сполоснувшись с дороги, дождались обеда и остальных членов экипажа. После дороги еда показалась необычайно вкусной. Выстоявшийся квас бодрил. Помимо своих, за обедом

присутствовал посторонний, пришедший с Лисом. Седенький благообразный старичок, совсем не богатырской наружности, Лиходееву понравился сразу. С таким типом людей общий язык найти всегда можно. Набив утробушку, Егор, чтоб не мешать отдыху товарищей, уединился с дедом, долго о чем-то выпрашивал его, потом пожал руку и расплатился Богдановым кошельком. Старик с благодарностью принял подношение и простившись вышел. А там и Лука образовался с хорошими вестями.

Горевшие глаза юного начальника, говорили о многом. То, что не будет ни сна, ни покоя, Вторуша понял сразу. Знает! Изучил его характер и наклонности, как улицы Ростова. Как в воду глядел.

–Вторуша, как солнце сядет, заберешь лошадей, баракло и с Лисом и Смеяном ждете нас на выезде из погоста, там, где река делает поворот на полночь. Помнишь то место?

–Помню.

–С тобой Богдан, мы прямо сейчас двигаем в детинец, княжну выручать. Берем с собой веревки, ты еще лук со стрелами прихвати. Оружие, щиты и колчуги оставляем. Лис сопроводишь нас к скале, а там уходишь. Ждете до утра, если не вернемся, езжайте в Тишинскую весь, там в Лелейном погосте ожидает боярин Часлав, дальше он решит как надлежит поступать. Все! Пора!

Окольными путями дошли до реки, у берега с сильно размытым участком протоки, с крутыми отвалами породы и крупных камней, распрощались с Лисом, поднялись наверх. По пути прошли ответвление дороги влево. Перейдя через довольно сильно размытое русло очередного ручья по двум бревнам, скинутым и уложенным рядом, наткнулись на едва различимую тропу, извивающуюся вверх. Пошел подъем, все как дед говорил.

Молодое тренированное тело казалось, не знает усталости, нипочем ему эти горки. Тащит на хвосте неприспособленного к таким восхождениям Богдана. Сердце перекачивает по венам литры крови, а легкие перегоняют кислород кубами. Ноги поедают метры каменистой скалы, чуткое ухо вычленивает из общего фона звуков, тревожные шорохи. Двигутся оба, пыhtят, иногда осыпь мелкой каменистой крошки под ступней нарушает взятый ритм.

Скальные заросли одновременно и помощники и предатели. Они укроют от посторонних глаз, в случае чего, и скрыться дадут, да и пущенная стрела застрянет в них или изменит направление своего полета, но они же иной раз и мешают. Чуть расслабился, зацепил ветку, нашумел, обратил на себя внимание, ухватился за клочок зелени, а он вместе с корнями вырывается из непрочного грунта. Опять-таки, скорость передвижения... Просто вышагивать прогулочным шагом в таких условиях нельзя, вот и приходится напрягаться, потеть и отвлекаться на каждый шорох, на каждый птичий свист.

Подъем. Движение по карнизу. Снова подъем хоть на метр, а вверх. Он ведь не альпинист, да и это не горы Кавказа, а всё-ж риск есть. Высоко поднялись. Оглянулся. Богдан грудью тулится к скалистой поверхности. Прислушался. Дышит как паровоз. Это тебе, мой юный друг, не фиги воробьям крутить, да деревенским девкам подолы задирают, подставиться никак нельзя, на их шее, можно сказать, будущее сразу трех княжеств зависло. Господи! Как же войны-то допустить не хочется! А еще, дикое желание подосрать планам князя Черниговского. Вот это кайф! Схватился рукой за камень, предварительно не проверив прочность его залегания, перенес вес тела и тут же почувствовал, что едет грунт, отрывается корпус от горной породы. Крепкая и широкая пятерня Богдана, вжала его обратно в скалу. Как он успел? Постоял, отдышался.

–Спасибо! – поблагодарил напарника.

Как обычно бывает, нормальная работа и началась вот только после этой встряски. Вот они и добрались до основания крепости. Ясно, что с высоких стен обеспечивается наблюдение за местностью, включающей посады и ближайшие деревни. Вот оно, умный дядя нашел-таки точку труднодоступную для любого врага.

Взобравшись на верхотуру, оба лежали молча, отдыхали приводя организм в порядок. С места, на котором устроили себе лежку, отчетливо просматривался только противоположный берег да сама река, несущая воды на запад.

—Пора.

По зарослям, у самого основания кладки, прошли к повороту, к срезу возвышения. Лихой заглянул за гребень скалы с большим количеством вкрапления мела в камень, пропастью обрывавшейся вниз, прямо в течение реки. Если отсюда чебурахнуться, костей не соберешь, а не разобьешься, то утонешь уж точно. Делать нечего... Вдоль самого среза, цепляясь за выступы, растущий из щелей кустарник и хиленькие деревца, подтягиваясь на руках, поднялись выше, на тот уступ, о котором упоминал старик.

Тишина проявила посторонний звук, исходивший откуда-то из-за среза обрывавшейся в пропасть скалы. Шуршала вода. Лилась не водопадом, не ручьем, не плескалась толчками, именно шуршала.

—Здесь!

Подползли к краю. Высунув головы на максимальное расстояние от среза камней, оба застыли, вслушивались в обстановку.

—Крепим конец веревки вон за те выступы валуна, — кивнул Богдану.

Дождавшись сигнала напарника, сбросил основную часть веревки вниз почти отвесной скалы. Поехали! Сначала ноги, потом помаленьку съезжая по веревке, посунул тушку. Вот он уже раскачиваясь, висит на руках. Что там темнеет? С перебором рук опустил еще ниже. Веревка впиваясь в кожу ладоней, вносила дискомфорт в общее состояние, но терпимо.

Из рукотворной дыры темнеющего прямоугольника, на расстоянии двух метров от его повисшего над бездной тела, сочилась и шуршала вода. Хорошо не фикалии, могло быть и так. Ливнёвая система крепости. Не будь ее, те же талые воды, накапливаясь в замке, превратили бы посаженное на уступ сооружение в чашу озера. Такие магистральные ливневые коллектора иногда могут быть протянуты на километры, с выходами внутрь. Раскачался на веревке, со второго раза с разгону смог просунуть ноги в зев ливневки, раскорячившись принудительно застрял в ней. В ограниченном пространстве, кое-как освободился от притороченного к спине меча и походного мешка, смотать их вместе, просунуть перед собой. Подтащил в микроскопический тоннель веревку, задрал голову, крикнул напарнику:

—Давай! Страхую!

Притиснувшись плечом к плечу, отдышались.

—Светильники зажигай.

Какое-то время повозившись с кресалом и трутом, Богдан раздул огонек, запалил две глиняных емкости с фитилем, один протянул Егору.

—Держи, Лихой.

Словно крысы, друг за дружкой поползли по проходу, чувствуя влагу руками и коленями, натыкаясь на мелкий мусор. Узкий ход, мастерами своего дела был выдолблен, выскоблен прямо в горной породе, его ширина, всего сантиметров шестьдесят, а высота — около полутора метров, шел он под стеной в сторону цитадели. Страшновато. Но раз голова прошла, хоть и боком, плечи всяко просунутся. Темнотища, глаз выколи. Ни черта не видать! При едва колыхавшемся пламени фитилька полз как слепой. Если застрянет — хана! Никакой могилы не нужно. Позади Богдан пыхтит как паровозный котел. Ему тяжелей, вон вымахал в плечах, шкаф самодельковый, точно пошире Лихого будет. Хорошо еще, что сквозняк снабжает свежим воздухом, а то б совсем жмычно пришлось.

Метров через тридцать вывалился в темноту широкого коридора. Ну, как широкого? Проход расширился до метра, потолок тоже существенно отступил. Можно было подняться на ноги, что он и сделал. Следом Богдан. Держась за стену, двинулись дальше. М-мать твою так! Чуть не споткнулся о ступени поднимавшиеся вверх. Напарник толкнул в спину. Ура! Так они

скоро и на поверхность выберутся. Снова коридор. По чуть-чуть, по чуть-чуть. Спешить не будем. Нам спешить некуда. Бли-ин! Куда это их занесло?

Не паникуя, вытащил из сумки рубашку, с треском разорвал на две половины, один кусок материи сунул обратно, второй намотал на клинок меча. От каганца подпалил импровизированный факел. Стало светлее, но это ненадолго.

Интересное место. Им открылось небольшое сводчатое помещение, к которому стекались коридоры ливневых рукавов из-под всей цитадели, что и следовало ожидать. Материалом для постройки послужил необработанный природный камень. Потолок – трёхслойный кирпич, сложенный по принципу «бойниц», нечётное количество блоков, средний из которых замыкающий. Это помещение переходит в трубу, слегка сплюснутую со временем от давления. Через пять метров – небольшая комнатка, ещё примерно через пятьдесят – бассейн с бортиком, причем заполненный водой, из него-то она и сочится по полу коллектора. В этой комнатенке богатая фауна подземелья – повсюду растут грибы, возвышаются сталагмиты и ниспадают разноцветные сталактиты. А чему удивляться – тёплая влажная атмосфера и антисанитарная обстановка, мало того, повсюду пыль, ее здесь скопилось, наверное, не меньше тонны, а где ее нет, там ползет по стене плесень. Какая же невезуха! Где на полках вдоль стен покрытые пылью свитки пергамента, где окованные железом сундуки, наполненные золотыми и серебряными дукатами? Где, черт возьми, россыпи драгоценных камней? Вот так и бывает, кому-то все, а кому-то шиш в кармане, да вошь на аркане!

Пока горел факел, успели добраться до противоположного выхода. Сразу за пустым проемом двери оказалась лестница, поднявшись по которой, Лихой уперся головой в закрытый деревянный люк, прикоснувшись рукой к которому, почувствовал влагу плесневого налета, но само дерево, еще крепкое, такое в прах не развалишь.

–Что там? – спросил Богдан.

–Ща-аз! – надавил плечом на крышку люка.

Сколь ни укреп, ни набрал силушку на вольных хлебах, на экологически чистых продуктах, на природе и воздухе, каких в прошлой реальности еще поискать нужно, люку на сие было начхать. Не отпиралась деревяшка и все тут!

–Дай я! – Предложил Богдан.

Дело все равно пошло не сразу. На поверхность выбрались к заходу солнца, его последние лучи золотили кромку стен внутри крепости. Аккуратно выглянув из своего укрытия наружу во внутренний двор, оба увидали табунок оседланных лошадей. Не много, десятка три, и примерно столько же воинов, готовых сесть в седло. Торопятся куда-то! Суетятся. Прислуга, как заведенная, мотается, исполняя возложенные на нее обязанности. Из шума голосов вычленил знакомый. Ба-а! Старый знакомец!

–Живее! Десятник, почему воев три десятка всего? – однорукий, встреченный на пути в Ростов, собственной персоной проявил свое участие в вечернем предприятии. – От дела лытаешь?

–Боярин так велел.

–Как?

–Сказывал, их там всего пятеро, мол, справитесь.

–Старый конь! Все, выезжаем!

Группа быстрого реагирования, возглавляемая одноруким, отправилась на поимку каких-то преступников.

Опустился назад, придвинулся к Богдану.

–Значит так. Ладославу держат не в темнице, а в покоях второго этажа замкового комплекса, тех, окна которых выходят на обрыв к реке. Я сейчас опять накину на себя бабское шмотье и попытаюсь проскочить к ней. Твое дело, ждать здесь, а когда солнце зайдет, соберешь лук, и если придется к лазу прорываться, только тогда, стрелами выбиваешь боярских

дружинников. Бьешь, кто ближе к воротам стоит и светом факелов освещен. Понял? Нам при отходе кураж не помешает.

–Потом, что?

–Потом уходить будем, тем же путем, которым пришли.

–Добро.

–Ты только отсюда ни шагу. Уйдешь без нас, только если заметят.

Обряженный в женское платье, из подвала сунулся вверх, прошмыгнув в проем стены.

«Нам на верх!»

А то не ясно!

Поднялся по ступеням.

«К прислуге тулись!»

Пристроился к стайке теток, прошел внутрь построек. Оторвавшись от них, по подсказанной дедом-золотарем и Лукой дороге, поднялся на второй этаж. То в одном, то в другом месте наткнулся на представителей двора, воинов. В одном месте столкнулся с Торгестом, даном, служившим у курского правителя. Пронесло, видно не до девки сейчас воину. Прошел, даже не взглянул. Ну и ему затевать разборку ни к чему. Настанет время, оплатит за службу наймиту.

«Нам сюда!».

Навстречу, из дверного проема центральной башни, появился совсем молоденький, безбородый «павлин» в расшитом прикиде, опоясанный не дешевым оружием, за ним маленькая свита, человек пять окольчуженных воинов, все как один отмечены шрамами на лицах, с седой в усах и бороде. Достойные противники! Одна-ако! Да, это же его смертельный друг Велинег. Вот оказывается, где встретиться довелось.

«Твой знакомец?».

Уймись, Лука. Знакомец. Век бы его не знать. Крыса подвальная!

Егор шмыгнул в боковой коридор, ускорившись, заскочил в дверь, только здесь почувствовал специфический запах. Уборная! А за дверью шаги. Остановились. Послышался приглушенный говор, но разобрать можно, особенно те речи, что на повышенных тонах ведутся.

–...А я вам приказываю...!

–...боярин шкуру спустит...

–...ну и что? Вы теперь со мной в уборную попретесь? ...уд поддержать...!

–...боярин...

–...здесь их быть не может, в погосте они! Тем паче, Прозор их скоро захватит.

–...

–...уймись дядька. Пошли все вон! Ждите на дворе!

Шаги разделились, одни приближались, другие отдалялись. Дверь отворилась и ожидавший этого момента Лиходеев, втащил павлина в сортир, прикрыл ладонью ему рот.

–Тише-тише, давно не виделись, дружище!

Глаза Велинега забегали, потом, поняв кто перед ним, они и вовсе повылазили из орбит. По телу прошла дрожь.

–Что ж ты, сука продажная, своего князя подставил? Такие как ты, мразь, жить, а тем более дышать и плодиться, не должны.

Клинок засапожного ножа с хрустом, прорывая вышитую ткань на груди, вошел в сердце. Лихой придержал обмякшее тело врага, отпустив одежду, усадил мертвеца на пол рядом с дырой средневекового унитаза. Резким рывком выхватил нож из раны, вытерев клинок куском полы кафтана.

–Так-то оно справедливо будет. – Сказал то ли себе, то ли мертвецу.

Вышел. Продолжил свой поиск.

«Этого нам не обойти!».

Почти у самой цели напоролся на препятствие. Интересный экземпляр перекрыл дорогу. Высокий, ростом повыше Лихого будет. Из-за шлема с полумаской, возраст не определить. Под серым плащом, плечо воина надежно защищено кольчугой, нижняя часть руки до локтя, при помощи шнурков, наручем из твердой кожи. На кистях рук, латные перчатки, тоже кожаные, отделанные металлическими пластинами. Верхнюю часть ног прикрывал подол кольчуги, нижнюю, сапоги цвета кожи, с тупым носком и голенищем чуть ниже колен. Меч пока еще в ножнах, а серые глаза из-под железа смотрят с интересом, определяя степень опасности, исходящей от несовершеннолетней нарушительницы подконтрольной территории. Кто знает? Может перед ним и не юница вовсе, а сам Морок – один из богов Чернобоговой верви, покровитель всякого обмана.

Мама дорогая, как же к тебе подступиться, железный ты наш дровосек? Скорее всего, женская ипостась Лихого, при свете факелов, укрепленных на стенах по всему промежутку коридора, черниговского рыцаря не впечатлила. Глазки строить бесполезно.

–Ты, – растягивая, цедя слова, спросил черниговский витязь, – кем будешь, девица?

А цель была так близка! Ну, что б тебе сказать? Чем запудрить мозги? Что делать? Голова просчитывала варианты, глаза сканировали объект, пытаюсь найти слабое место. Думай-думай-думай! Нетороплив, но это может быть элементарная обманка. Весь, буквально с головы до ног одет в броню, голой рукой железо не пробить, ножом можно лишь поцарапать. Думай! Открыты губы, нос и глаза под полумаской. Думай! Губы, нос, глаза.

Есть! Спасибо нашим учителям! Гонявших нас в хвост и в гриву, до отвращения натаскивавших на принятие самостоятельных нестандартных решений. То, что многие из нас живы, есть их половинная доля.

Между тем, черниговец с какой-то показной ленцой в движениях тела и конечностей, приближается на шаг, еще на шаг.

–Я, Млава! – Егор в свою очередь копируя манеру общения с Лисом Волгавиной дочери, в складках поневы пытался распустить шнурок на кисете. При приближении «железяки» еще на шаг, показалось, что бисеринки пота проступили даже в тех местах, где их быть не может. – Вот, принесла!

Проклятый шнурок поддался, пальцы просунулись в горловину и зачерпнули порошок. Протянутая ладонь раскрылась у самого лица врага, заставив того, заглянуть в нее.

–Вот! Ф-ф-у-у!

Купленный перед обедом у восточного купца сахар, перетертый с перцем в пыль, приготовленный на всякий случай для того, чтоб сбить собак со следа, Лихой сдул с ладони в лицо воину.

–А-а-чхи! В-в-а-а!

Попавшая на влагу сухая субстанция в момент растворилась, заклепывая глаза, а перец тысячами крупинками въедаясь в капилляры, сделали свое дело, вывели из строя броненосца, все-таки имевшего свою Ахиллесову пяту. Он сбросил шолом, воя раненым лосем, руками раздирая глаза, чихая и мучаясь, упал на колени, но все же слепо выставив перед собой руку, в попытке дотянуться до обидчицы. Егор выдернул из рукава шелковый шнур, перепрыгнул через «гору железа», на автомате привычно набросил удавку на шею противника, уперев колени ему в спину, скрестив руки, что было сил, потянул на себя. Шуму-то, шуму! Последние конвульсии и человек обмяк. Все. Ф-фух!

–Здоровый бычара! – отдышавшись, изрек Лиходеев.

Однако время.

«Ага! Эк, ты его!»

Вот она, дверь закрытая на засов. Отбросив средневековый шпингалет, слонячьего размера, распахнул створу.

–Ладослава!

Из-за занавески послышался знакомый голос.

–Кто меня кличет?

В три прыжка сократил расстояние, отбросил отделявшую от девы полоску тяжелой материи, взгляделся. При свете крохотного каганца, на кровати поджав под себя ноги, стараясь рассмотреть посетителя, щурясь, сидела княжна.

–Это я, Лихой!

–Ты-ы? Ты!

–Да, я! Я! Вот одежда. – Бросил на кровать потрепанную суму. – Быстро одевайся, уходим.

–Ты!

Вскочив, бросилась на шею. Обняла, роняя слезы. Ревела белугой как простая девка.

–Ты!

«Поторопи ее!»

Да ясно!

Зашипел, как обозленный кот:

–Не поторопишься, оба пропадем. Живее, коза драная!

Наконец-то сподобилась внемлить мудрым речам. Не стесняясь, сбросила дорогой наряд, стала напяливать на себя одежду простолюдинки. Лихой стоя у дверного косяка, контролировал коридор.

–Готова! – послышался доклад.

Оглянулся. Перед ним предстала ничем не примечательная дворовая девка-чернавка. Отлично! Подбежал к ее прежним шмоткам, сгреб в кучу.

–Окно открывается?

–Да.

–Выбрось все в него, а я сейчас...

Железный дровосек оказался неподъемным, поэтому он подмышки, снова нарушая тишину, протащил его по коридору. Хорошо, близко волочить! У окна понял, что сам не сдюжит.

–Помогай!

–Ага!

Управившись, выскочили в коридор. Егор щелкнул на место шпингалет.

–Ну, с богом!

Даже с подсказками Луки, при повышенном адриналине в крови и торопливости, путаясь в коридорах и натываясь на занятых повседневной работой людей, пристроились в устремившуюся, судя по суете и общей направленности движения, толпу. Любопытство людей позволило с потоком местной челяди выскочить во внутренний двор. Казалось, ночь никоим образом не затронула замковый комплекс, а лишь набросила темень на люд, решивший отсрочить огнями факелов и светильников ее пришествие. Гомон и метание дворни, не добавляли порядка и в ряды воинов. Как на базаре!

–Тетушка, что происходит? – Егор потянул за рукав пытавшуюся ввинтиться во вставшую плечом к плечу толпу, создававшую толкотню, почти что давку.

–Сотник Прозор вернулся. В погосте татей пымал!

Помимо массовки, лая собак, своевременно не выпущенных из вольеров, взмыленные лошади вносили свою лепту в поднятую суету. В шуме возмущенных голосов, приходилось почти кричать.

–По стеночке, по стеночке шагай, – подтолкнул любопытствующую Ладославу. – Нам на ту сторону протиснуться нужно.

Не встречая сопротивления и не ощущая на себе посторонних взглядов, ускорились. За спинами людей прошли по подкове двора. В просветы между мелькавших людей, внимание

Егора привлекло лицо одного из пойманных татей, попавшее под свет факела. Юркнули в подвал, а уже там, Лихой позвал:

–Богдан!

–Здесь я! – послышался отклик.

–Свет зажги.

Держась за руки, крадучись по-полшага, добрались до света каганца. Вот и лаз! Богдан сидел перед ним, спустив ноги в черный зев каменных катакомб.

–Что там на улице творится? – спросил, подслеповато щурясь при маленьком пламени светильника. – Я уж думал конец вам пришел.

–Ну, конец-не конец, а хорошего мало. Кажись наших в погосте повязали.

–Как?

–Я почему знаю? Полезли вниз.

Влажный спертый воздух окутал их сразу. Узость проходов и высота каменного свода не добавляли позитива в настроение каждого. Лука подсказывал, а Егор вел за собой обоих, ориентируясь лишь по примерному направлению. Вот прошли одну камеру. Правильно идут значит. Два входа в коридоры. Какой из них?

«Этот!»

Да. Точно этот.

–Ой! – княжна за спиной подала голос.

–Что?

–О притолоку ударилась!

–Аккуратней надо быть.

Так! Поворот, еще поворот, снова камера. Она родная! Молодец Лука! Правильно идут. Ему б их только вывести, а там...

Снова камера, черт, кажись масла в светильнике почти не осталось. Поворот. Коридор. Свод опустился еще ниже, а стены заузили проход.

«Можешь не торопиться. Скоро выход».

Он уже полз на четвереньках, ощущая за собой дыхание двух человек. Какой сумбурный день. Как же вымотался! Вот он!

Ливневка «выплюнула» его на крохотное плато перед обрывом. Ушел в сторону, прижавшись спиной к скальной породе, сидел и вдыхал в себя свежий воздух. Хорошо! Глянул на своих попутчиков, тоже радуются ночному небу и свежему воздуху.

–Вот что, друзья мои, пора нам расстаться.

–Как? – возмутилась княжна.

–Я обратно полезу. Ребят попытаюсь вытащить, а вам спускаться придется. Богдан, вы без лошадей далеко не уйдете, поэтому отведешь княжну на то место, где мы с нашими встретиться должны были. Помнишь где?

–Помню.

–Вот туда и веди. Ждете нас один день. Если не придем, самостоятельно добираетесь до Лелейного погоста, там твой отец нас дожидается. Он знает, что дальше делать.

–Может мне с тобой?

–Одному проще, да и княжна на тебе... Светильник оставь, мой сдох совсем.

Людослава потянула за материю рубахи. Чего это ей? Шипящим голосом, не вызывавшим сомнения, высказала в лицо:

–Лихой, смотри чтоб вышел! Ты понял? Я тебя еще наказывать буду!

–Это за что ж?

–За козу драную!

–А-а! Ну, я буду стараться.

Сначала Богдан полез по веревке наверх, затем обвязанную подмышками княжну утащил за собой. Оставшись один, Егор отдышавшись, снова полез в лабиринт ливневой канализации.

Не приминул обозначить свое присутствие Лука. Вот уж добро ему досталось!

«Ну ты и дюндель!».

Чего тебе?

«Чего-чего! За тебя беспокоюсь».

Парней выручить нужно.

«Попались, знать фарт их такой! Всех не вытащишь».

Мне всех и не надо, только своих.

«Господи! Ну почему так? Везет же некоторым, к нормальным людям попадают, а я как проклятый, должен влачить жалкое существование рядом с недоумком!»

Умолкни, финансовый гений недоделанный. Надоел твой скулеж!

Пока припинались, дошел до люка. Выглянув во внутренний двор, визуально окунулся в суету ночного коловращения людей. Кругом носились дружинники с факелами. Слышались крики воинской команды. Бедлам добавляла дворня, собаки, так и не выпущенные из вольеров. Видно все как на ладони. Вон, с шумом поднялась замковая решетка, и тут же со вздохом лег на каменистый грунт подъемный мост. Наверное, сотня всадников, не меньше, с места в карьер проскочила наружу, копытами лошадей выбивая дробь по дереву моста. Все нараспашку, никакого порядка! Ясно, пропажа обнаружена, теперь следуют «удары по хвостам», назначение виновных в похищении, и наказание непричастных. Не хотел бы он сейчас оказаться на месте погостного наместника. Ну, такое положение вещей ему только на руку. Работать!

В полутемный двор из дверного проема хозяйственного помещения, вышла молодая девка, с повязанным на голову платком. Торопливо, как и все в этом дурдоме, пробежала в сторону подвала, где много десятилетий тому назад еще при прежнем князе, был устроен поруб-темница, а вместе с ней и хранилище собранного с подконтрольной территории добра в свое время не вывезенного в Чернигов. Хоть и поругались, а Лука свою партию вел умело. Душа зависшая между Раем и Преисподней, выигранная в карты и прижившаяся под крылом своего нового хозяина, свое дело знала, и все входы-выходы замкового комплекса прошустрила еще в первый приход. Вовремя предупредила о караульных.

Хоть и творилось кругом непотребство, охране поруба нужно отдать должное, службу исполняли исправно.

—Чего тебе, девка?

Послышалось из ниши при входе на приступки, спускавшиеся вниз. Надо же, ведь как схоронился! Оглянулся, внимания никто не обращает, все заняты своим.

—Дяденька! — позвал жалобным голосом.

Ну, все у нас, у русских, на авось выходит, да наверное, на этом и далее стоять будет.

—Чего?

Из темного проема показался дружинник, судя по голосу и едва различимой бороде, в летах. Егор метнул нож, примерно определив, куда он должен попасть. Следом бросился сам, чтоб поддержать тело, не допустить громыханья железа. Все получилось. Жаль старика, нож вошел точно в глазницу.

Тело пристроил в той же темной нише. Спустился по ступеням, подергал дверь. Заперто. А чего ты хотел? Ну, помогай русское авось! Постучал в дверь. Елейным голосом с примесью жали, заныл:

—Дяденьки-и!

Снова постучал.

—Дяденьки-и!

Послышались глухие, приближающиеся шаги, на слух, сразу две пары, кашель, и тоже немолодой.

Кто там?

«Старики». – Голос Луки в голове Лиходеева обрел нотки сарказма.

Ну погоди поганка такая!

«А что сделаешь?».

Обижусь.

«Ну тогда ладно».

За дверь завозились. Что ж вы деды на пенсию не ушли? Снова грех на душу принимать. Деваться некуда...

Тюрьма, она и в Африке тюрьма. Широкий коридор с каменным полом и кладкой высокого свода, длинный, при свете факелов на стенах, видно, что упирается в двустворчатую окованную железам, торцевую дверь, запертую на амбарный замок. По сторонам тоже двери, но эти все заперты на засовы-щеколды, какие-то низкие, но крепкие. Стал поочередно отпирать одну за другой, подсвечивая себе факелом. Пусто. Пусто. Пусто. Да, где же их держат? За очередной дверью, наткнулся на человека. Худой, с козлиной бородой, видно, что молод и не складен телесно. С открытыми глазами лежал на прелом сене, смотрел на Лихого как на приведение.

–Ты кто, мужик? – чуть задержавшись, спросил сидельца.

–Монах я, – на удивление быстро откликнулся незнакомец, – Ильей кличут.

–На волю хочешь?

–Все в руках Господа!

–Тогда выходи. Считаю, что господь свою руку приложил. Помогай двери открывать.

Пропажа разыскалась в самом конце коридора. Сидели все втроем в одной камере, только в отличие от монаха, лежали связанные веревками на голом полу.

Лиходеев обрадовано возвестил:

–Просыпайся, страна! Чего братцы пришипились, приуныли? Вставай, с вещами на выход, здесь самые гуманные законы, никто никого не принуждает, сколько смогли столько и отсидели!

Сначала обалдели, потом подняли гвалт.

–Боярич!

–Как...

Он резал веревки, обратил внимание на Вторушу, кроме дыхания, не подававшего признаков жизни.

–Опоили его на гостевом дворе, – разминая руки, сообщил Лис, – а нас сетью покрыли, потом избили. Ничё, заживет как на собаке. А это кто?

Указал на монаха, мельтешившего у двери.

–Илья, такой же зек как вы.

–А-а!

Снова Лука на связь вышел:

«Слышь, Лихой! Там в торце княжья кубышка. Злато серебро брать будем или пустыми уйдем?».

Много там?

«Тебе и всем товарищам твоим на весь век хватит!».

Берем!

–Хорош языком молоть. – Оторвал от вопросов-ответов подчиненных. – Лис, метнулся к выходу в эту богодельню, я там видел топор и кое-какое оружие, тащи сюда.

–Зачем?

Пришлось гаркнуть на от радости распутившегося подчиненного:

–Н-ну!

–Ага. Это я мигом.

–Смеян, освобождай Вторушу, с Ильей выносите его в коридор.

Егор подошел к торцевой двери, оглядел ее со всем прилежанием, выходило, что «брат» дверь можно только силой. Нарисовался Лис с кучей железок.

–Вот!

–Вижу. Держи факел.

Действовал топором как кувалдой, потом, как резаком. Шум конечно был, да ведь стены толстые, не в пример стройкам будущего. Замок покорежил, но не открыл, зато срубил ухо петли. Ф-фух, справился! За дверью была обычная кладовка для сбережения ценностей. Огромная правда. Размером со склад.

–Ну, боярич, ты хват! – вырвался возглас из уст Лиса.

Его глаза хищно забегали по стеллажам «пещеры Али-Бабы». Чего здесь только не было! Факел выхватывал из темноты, то стоявшее рядами у стены оружие, то низки шкур, то дорогую материю. Вот, штабель посуды, выкованной из метала, быть может, даже из серебра. А это...

–Лис, хватит ковыряться! Золото ищи, серебро, только россыпью, в кошельках. Понял. Время неумолимо уходило. Видно пустыми уйдут.

–Нашел!

Радостный возглас подельника, заставил повернуть в соседний проход. Действительно монеты в кошельках.

–Освободи вон ту сумку, напихивай. Давай-давай, шустрей. Лис, тебе нести. Сдюжишь!

–Ради такого мешка, батька, я жилы рвать буду, а унесу!

Хм! «Батька», смотри, как проняло! Ну, Лис! Ну, златолюбец ты наш!

–Хватит! Уходим!

И чтоб не было возражений, бросил факел на стеллаж с меховой рухлядью. Так может вспыхнуть еще разве только порох и бензин. Запах горячей шерсти заставил торопиться.

–Уходим! Уходим! Уходим!

Выскочили на свежий воздух, тут же столкнулись с замковыми дружинниками. Ох и видок у их компании! Впереди девка с мечом в руках, за ней нагруженный тяжелым мешком мужик с разукрашенной синяками физиономией, замыкают шествие двое несущие третьего на руках.

Поздняк метаться! Идут на прорыв! Меч кромсает зазевавшегося, перекрывшего пути дружинника, сносит с плеч голову еще одному, попытавшемуся заступить дорогу.

–Бего-ом!

А по двору уже разносятся крики: «Тревога!», «Лови!», «Вон они! Вон!».

Отбросив факел, припустил стрелача, слыша, как наконечники стрел чиркают по плитам и камням совсем рядом с ним, а весь собранный воедино коллектив пыхтит паровозами за спиной. Сбежал вниз по лестнице, в ночной темноте опрокинув сразу двоих человек. Посторонних, оказавшихся не в том месте, не в то время, не ожидавших такой прыти от беглецов. Сам, чуть не растянувшись во внутреннем дворе, споткнувшись на подходе к лазу.

–За мной!

Нырнул в открытый зев темноты, ощущая наступающих на пятки товарищей. Тыкаясь во все, что только можно, выставив руку перед собой, словно слепец посеменил по проходу колодца, слыша, как его бойцы следуют за ним на слух, а за их спинами беснуются местные воины, успевшие сунуться в рукотворные катакомбы, подсвечивая огнем темноту.

Словно крыса вильнул в узкое боковое ответвление, понимая, что по центральному проходу от толпы уйти будет не просто.

«Прямо ползи!»

Встав на карачки, буром пер в неизвестность.

Допрыгались! Доскакались! Сейчас догонят, подпалят задницу огоньком!

«Обязательно подпалят! Говорил же...»

Веди, давай!

«Поворот! Прямо...»

Срывающееся дыхание впустило в легкие пыль средневекового коллектора, поднятую ими в узком тоннеле. Кашляли все, и они, и те, кто лез за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.